

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В СОЦИОЛОГИИ

*Сборник материалов
конференции молодых ученых*

Москва
2017

УДК 316.1
ББК 60.5
С56

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук, проф. *В. В. Семенова*
канд. социол. наук *А. В. Ваньке*
канд. социол. наук *П. Е. Сушко*

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *З. Т. Голенкова*
д-р социол. наук, проф. *С. Г. Ивченков*

Современные исследовательские практики в социологии:
С56 сборник материалов конференции молодых ученых
(Москва, 19–20 апреля 2017 г.) / Под общ. ред.
В. В. Семеновой; ФНИСЦ РАН. — Москва: ФНИСЦ РАН,
2017. — 232 с.
ISBN 978-5-89697-292-1

В сборнике представлены материалы выступлений участников конференции «Новые подходы и методы в социологии: современные исследовательские практики», прошедшей 19–20 апреля 2017 г. в Институте социологии РАН. В статьях, вошедших в сборник, рассматривается широкий круг проблем от новой социологической теории до инновативных исследовательских дизайнов и методов, подходящих для изучения феноменов и тенденций, возникающих в современном российском обществе.

Настоящая книга будет интересна социальным ученым, исследователям, студентам гуманитарных специальностей, а также широкому кругу научной общественности.

ISBN 978-5-89697-292-1

УДК 316.1
ББК 60.5

© Авторы статей, 2017
© ФНИСЦ РАН, 2017

Содержание

Предисловие	5
Раздел I. Исследования Интернета и социальных сетей	7
<i>Ирина Чудова, Анастасия Пироцкая.</i> Концепция изучения поколений в Интернете: композиция теоретических идей. Гипотезы и иллюстрации.	9
<i>Анастасия Маракасова, Арюна Раднаева.</i> Значения феномена «онлайн» для «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов»: повседневность и постсовременность	21
<i>Аделя Кавеева, Константин Гурин.</i> Social network analysis в исследованиях онлайн-сообществ «ВКонтакте»	32
Раздел II. Современные методы социологического исследования.	43
<i>Елизавета Полухина.</i> Дизайн социологического исследования краткий обзор современных практик	45
<i>Анна Стрельникова.</i> Стратегии смешивания методов и вторичный анализ данных: точки пересечения и потенциал в изучении социальной мобильности.	57
<i>Анастасия Андреева.</i> Контент-анализ письменных заявок на конкурс инноваций в образовании.	67
<i>Павел Сушко, Екатерина Митрофанова, Елена Артамонова.</i> Модели миграционных биографий россиян: новые интерпретационные схемы	77
<i>Ксения Гусейнова, Екатерина Вовченко, Елена Шатрова.</i> Результаты апробации методики онлайн-опроса экспертов в контексте диагностики властно-управленческой вертикали	87
<i>Наталья Мاستикова.</i> Факторы влияния на индекс межэтнической напряженности в России	101
Раздел III. Новые социальные группы	113
<i>Нина Коленникова.</i> Консистентность властного статуса занятого населения в современном российском обществе ...	115
<i>Анастасия Каравай.</i> Российские рабочие: специфика и динамика человеческого капитала	128
<i>Алексей Дурнов.</i> Прекаризация труда: новые подходы к социологическому анализу.	141

Раздел IV. Исследования идентичности и телесности	153	
<i>Оксана Михайлова, Карина Еремеева, Виктория Шелепина.</i>		
Что значит быть бодипозитивной? Конструирование идентичности участниц движения «Бодипозитив»	155	
<i>Ксения Аникина.</i> Кризис идентичности у работников творческих профессий: смена занятий и адаптация	172	
<i>Арюна Раднаева.</i> Типизация содержательных наполнений этнической идентичности (на примере бурятской студенческой молодежи)	182	
Раздел V. Новые тенденции в социальной политике	199	
<i>Максим Мальшев.</i> Использование социальных приоритетов Европейского Союза в системе совершенствования социальной защиты ЕврАзЭС		201
<i>Наталья Шульгина.</i> Актуальные проблемы современного школьного образования (по материалам российской и американской периодической печати)	221	
Сведения об авторах	229	

Предисловие

Социальные изменения, происходящие сегодня в глобальном мире в целом и в России, в частности, требуют от социальных ученых разработки социологических подходов, методов и исследовательских практик, пригодных для изучения новых феноменов и тенденций. Информационные общества, возникшие на волне информационно-технических революций, имеют принципиально иную социальную структуру по сравнению с обществами индустриальной эпохи. Их основу преимущественно составляют работники, занятые в сфере производства знания — аккумуляции, обработки и архивирования больших массивов данных. Расширение глобального информационного пространства порождает не только вызовы, но и открывает перспективы для новых теорий, методологий и техник социологического исследования, которые предполагают разработку аналитических инструментов, релевантных для осмысления вышеперечисленных процессов.

Настоящий сборник содержит статьи участников конференции молодых ученых «Новые подходы и методы в социологии: современные исследовательские практики», прошедшей 19–20 апреля 2017 г. в Институте социологии РАН¹, и состоит из пяти разделов. В **Раздел 1** вошли статьи, посвященные исследованиям Интернета, онлайн-коммуникаций и онлайн-интеракций. В них авторы разрабатывают новый концептуальный аппарат для изучения практик использования Интернета (И. Чудова, А. Пироцкая, А. Макасова, А. Раднаева) и предлагают междисциплинарные стратегии анализа социальных сетей на пересечении социологии и информатики (А. Кавеева, К. Гурин). **Раздел 2** посвящен современным методам социологического исследования, статьи которого объединены общей идеей совмещения количественных и качественных исследовательских дизайнов (Е. Полухина, А. Стрельникова,

---

¹ С июля 2017 г. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

А. Андреева), получивших в англоязычной литературе название *mixed methods research*. В статье П. Сушко, Е. Митрофановой и А. Артамоновой раскрываются особенности анализа миграционных биографий россиян методом *Sequence analysis*. Наряду с этим, в статьях раздела представлены результаты апробации методики онлайн опроса (К. Гусейнова, Е. Вовченкова, Е. Шатрова) и предложена модель изучения межэтнической напряженности (Н. Мاستикова). В **Разделе 3** рассматриваются проблемы социальной структуры и социальной стратификации российского общества, апробируются новые модели анализа различных социальных групп и явлений. В частности, поднимаются вопросы соизмеримости различных статусных позиций (Н. Коленникова), структурной неоднородности групп российских рабочих (А. Каравай), а также феномена прекаризации труда (А. Дурнов). Статьи **Раздела 4** объединены тематикой исследований идентичности и телесности, в которых внимание авторов сосредоточено на вопросах конструирования гендерной идентичности участниц феминистского движения (О. Михайлова, К. Еремеева, В. Шелепина), профессиональной идентичности и роли тела в карьере танцоров балета (К. Аниникина) и этнической идентичности бурятской молодежи (А. Раднаева). **Раздел 5** раскрывает новые тенденции в международной социальной политике на примере социальной защиты в Европейском Союзе (М. Малышев) и рассматривает актуальные проблемы образовательной политики в России и Соединенных Штатах (Н. Шульгина).

Мы надеемся, что данный сборник внесет вклад в дискуссию о современных исследовательских подходах и практиках в российской социологии, которая является неотъемлемой частью мировой науки, а также откроет возможность для формирования сообщества профессиональных социологов и новичков, осваивающих ремесло социолога.

Александрина Ваньке, Павел Сушко

РАЗДЕЛ I
Исследования Интернета
и социальных сетей

Ирина Чудова*, Анастасия Пироцкая**

Концепция изучения поколений в Интернете: композиция теоретических идей. Гипотезы и иллюстрации

Деление на поколения в Интернет-пользовании широко используется в современных исследованиях и публикациях, однако зачастую не проблематизируется в эмпирических исследованиях, когда для разделения пользователей на поколения ограничиваются обращением к возрастным группам в сочетании с частотой пользования [Дети в информационном обществе, 2014; Digital day, 2012; Гурова, Евдокимова, 2016]. В рамках исследовательского проекта «Интернет-коммуникации в представлениях и практиках «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов»: линии различия поколений»¹ нами была произведена теоретико-методологическая концептуализация различения поколений на базе сочетания теоретических идей и подходов. Прделанная концептуализация позволила построить содержательные гипотезы и осуществить интерпретацию собранного материала.

---

* Чудова Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета. dauza@mail.ru.

** Пироцкая Анастасия Владимировна, ассистент кафедры общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета. a.pirotskaya@mail.ru.

¹ Исследовательский проект реализован сотрудниками и студентами кафедры общей социологии Экономического факультета НГУ в 2016–2017 гг. по гранту фонда ЭФ НГУ.

Теоретические подходы к изучению поколений в Интернете

В качестве отправного пункта при построении концепции было использовано популярное различие «цифровые аборигены» / «цифровые иммигранты», которое было предложено М. Пренски для акцентировки необходимости внедрения инновационных форм и методов в обучении. М. Пренски описывал «цифровых аборигенов» как тех, для кого язык компьютера и Интернета является их родным, и «цифровых иммигрантов» как тех, кто не был рожден в цифровом мире, но на определенном этапе подключился к использованию цифровых технологий. В отличие от первых, «цифровые иммигранты», говоря на цифровом языке «с акцентом», имеют привычку к медленному, пошаговому обучению, к последовательному и поступательному решению задач и т.д. [Prensky, 2001]. Однако идея М. Пренски, на наш взгляд, нуждается в теоретическом насыщении, для чего различие «абориген» / «иммигрант» в изучении поколений в Интернете было уточнено за счет подключения спектра социологических подходов.

1. *Феноменология*. Данная оптика отсылает к изучению смыслов и значений практик Интернет-пользователей, обращение к их жизненному миру и через это (ре)конструирование типов понимания и пользования социальными сетями. Феноменологическая оптика позволяет учитывать то, что практики Интернет-коммуникации реализуются на основе запаса так называемого предконструированного знания, содержащего типизации мотиваций и способов действия [Шюц, 2003b]. Согласно А. Шюцу, «любая интерпретация этого мира основана на запасе предыдущих его переживаний, переживаний наших собственных и переданных нам нашими родителями и учителями, которые в форме «наличного знания» функционируют как схема референции» [Шюц, 2003а: 3–4]. В таком случае предшествующий опыт коммуникаций наделяется различительным значением, тогда «иммигрантность» будет подразумевать проявление примет общения в эпоху «до-Интернета» как интернализированного опыта, а «аборигенность» — примет приобретения опыта и коммуникаций в ситуации соприсутствия миров смыслов онлайн и офлайн [Бергер, Лукман, 1996; Шюц, 2003а].

2. *Социология знания*. Теоретические положения социологов данного направления задают представление об Интернет-коммуникации как об актуализирующемся наборе знаний и представлений, дифференцированных с учетом позиции группы в диахронной и синхронной социальных структурах, с учетом различия в опыте, знаниях и связанных с ними практиках групп, сообществ, субкультур. Так, концепция поколений К. Мангейма позволяет рассматривать общность опыта и знаний у представителей различных поколений Интернет-пользователей, обосновывая утверждение о том, что они с необходимостью отличаются у «аборигенов» и «иммигрантов». «Инвентарь опыта, усвоенного в ранней молодости, часто выступает как исторически самый старый слой сознания, вследствие чего имеет тенденцию к установлению в качестве характерного мировосприятия» [Мангейм, 1998: 34]. Для нас существенно при фиксации различий между поколениями «аборигенов» и «иммигрантов» то, насколько привычен и естественен опыт Интернет-общения в контексте периода его усвоения.

3. *Антропология*. В настоящем исследовании это означает рассмотрение Интернет-коммуникации как культуры, генерируемой ее обитателями, как специфического пространства с различением стажа и, следовательно, способа «проживания». Внимание к антропологии возникает при раскрытии пары «аборигены» / «иммигранты» в связи с использованной М. Пренски номинацией, где терминология, применяющаяся в исследовании примитивных культур («аборигены») соединяется с темами глобализации («иммигранты») [Дети в информационном обществе, 2014]. Концептуально-продуктивным для уточнения изучаемой темы представляется использование антропологической теории М. Мид, которая объединяет ракурсы антропологии и социологии знания. В теории М. Мид очерчена принципиальная новизна опыта, задающая консолидацию поколению «аборигенов» в Интернете: «сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [Мид, 1988: 361]. Даная

сентенция маркирует один из выделенных М. Мид типов культур, префигуративный, в которой дети в связи с освоением технических новинок владеют специфическим знанием, передаваемым ими родителям, и последние выступают в роли обучаемых (на языке М. Пренски «иммигрантами»). Применительно к изучению общения в социальных сетях интересен не столько однонаправленный процесс движения от постфигуративных к префигуративным культурам, сколько их сосуществование, поскольку в настоящий момент для социальных сетей характерна ситуация сопредставленности и взаимодействия поколений.

Конкретизация различий «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов»

На основании пересечения теоретических положений и понятий указанных направлений были сформулированы социологически-насыщенные дефиниции «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов».

1. *«Цифровые иммигранты»* — поколение, получившее преобладающую часть коммуникативного опыта вне пользования Интернетом, оффлайн, и приступившее к интенсивному пользованию социальными сетями на (сравнительно) позднем этапе взросления/социализации. «Иммигранты», следуя высказыванию М. Мид, привносят в формирующееся пространство Интернет-коммуникаций собственный культурный опыт и двоякое стремление — интегрироваться в новую для них культуру (онлайн) и сохранить значимость прежнего культурного опыта (оффлайн), «говорят на новом языке, пользуясь синтаксисом старого, рассматривают жилище как то, что можно сменить, но украшают и обживают его в новом обществе так, как они бы это сделали в старом» [Мид, 1988: 330].

2. *«Цифровые аборигены»* — поколение, ранние этапы взросления и приобретения опыта коммуникаций которого проходили и проходят в ситуации сочетания онлайн и оффлайн практик. Для «аборигенов» в таком случае будет характерна погруженность в онлайн-среду как жизненный мир вкупе с установкой на идентификацию Интернет-мира как «своего» и, вероятно, поддержании типизации других поколений как внешних, слабо-социализированных: «се-

годня молодые могут им ответить: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь» [Мид, 1988: 360].

Стержневой тезис концепции с ориентацией на предложенные дефиниции состоит в том, что поколения можно различать на основании приобретенного опыта коммуникации в Интернете (в социальных сетях), при том, что ранний опыт понимается как важнейший в формировании знаний и представлений поколения [Мангейм, 1998]. Основания отнесения к поколению — различия в приобретенном опыте онлайн-коммуникации. Различия в опыте задают различия в спектре представлений, в т.ч. представлений о нормальном и естественном, в понимании и реализации практик взаимодействия в Интернете в общем и в социальных сетях, в частности.

Типологические конструкции, предложенные М. Пренски в начале столетия, сейчас переживают второе рождение, поскольку Интернет «проник» практически в каждую российскую семью и занял важное место в повседневных практиках людей, независимо от их возраста и предыдущего онлайн-опыта [Интернет в России, 2015]. Стало быть, использование Интернета перестало быть прерогативой молодых людей, теперь это всеобщее пространство. Идеи М. Пренски были озвучены за несколько лет до создания и массового распространения социальных сетей, однако, на наш взгляд, именно социальные сети — явление, которое позволит актуализировать различие «аборигенов» и «иммигрантов» в исследовании Интернета.

Такой фокус на исследовании социальных сетей соответствует методике настоящего исследования, где основными способами сбора данных были фокусированные лейтмотивные интервью, проведенные очно (оффлайн), а также в режиме онлайн-общения с использованием мессенджера социальной сети «ВКонтакте». Методическая задумка состояла в комбинации онлайн и оффлайн интервью, проведенных по идентичному гайду. Информанты, отобранные для интервью, должны были состоять как минимум в одной социальной сети, и проводить там время не реже раза в неделю. Также была проведена сегментация по полу и возрасту: в выборку включали мужчин и женщин в возрасте 15, 17, 21, 23, 25 лет (согласно эмпирическим индикаторам исследования — «цифровые аборигены») и 40, 45, 50, 55, 60 лет («цифровые иммигранты»). Помимо этого, одним из критериев дифференциации

информантов был различный уровень образования и род профессиональной деятельности информантов. Таким образом было собрано 40 интервью.

Понимание «аборигенов» и «иммигрантов» в гипотезах и иллюстрациях

В процессе проведенного исследования было уточнено понимание «аборигенов» и «иммигрантов» как типологических конструкций, которые используются не столько для категоризации Интернет-пользователей, сколько для выявления способов проявления и форм «иммигрантности» и «аборигенности», отличающихся в понимании и представлениях о коммуникации в социальных сетях. Возраст и опыт пользователя социальной сети в таком случае понимаются как отправные, но не определяющие критерии; отнесение к категоризации «иммигрантность» или «аборигенность» предполагает характерные проявления — представления, практики, привычки. На этапе обсуждения и интерпретации собранного материала¹ были сформулированы гипотезы, позволившие развить положения теоретической концепции.

Гипотеза об эмпирической выраженности теоретических конструкций: поколение молодежи в силу сложившейся ситуации — интенсивного развития средств коммуникации, стремительного распространения социальных сетей — «аборигенно» в среде Интернет.

Приведем некоторые примеры «аборигенности»:

— *Просматриваете ли Вы ленту новостей? Сообщения каких тематик вызывают у Вас интерес?*

— *Ахах))*

Просматриваю)

Сообщения типа, гоу покушаем, гоу в кино, гоу в дотку

Типа этих интересны

Я приезжаю скоро, гоу увидимся

Я тебе скоро верну деньги

Скинь номер карты, чтобы закинуть деньги (м., 23 года, студент, 09.10.2016, интервью онлайн).

---

¹ Далее в тексте приводятся выдержки из интервью.

— *Есть ли незнакомые очно люди, которые добавлены у Вас в друзья?*

— *Да, есть несколько таких. Но с ними я не общаюсь. Даже не помню, когда и почему я их добавила. Наверное, они в друзьях с тех времен, когда было модно добавлять в друзья всех подряд.*

— *А сейчас не модно?))*

— *Разве что только у 10–13 летних школьников.*

— *)))*

— *Или недавних пользователей, которые еще не прониклись законами соцсетей)*

— *Вот это да! А можно кратко: что за законы соцсетей?*

— *Ну это образно выражаясь. Так сказать, интернетные нормы, которые особо никем не сформулированы, но адекватным пользователям понятны (ж, 17 лет, школьница 29.03.2017, интервью онлайн).*

К проявлениям «аборигенности» в данных примерах могут быть отнесены использование специфического сленга и формата общения (ступенчатые реплики, приближенность к устному общению), также упоминание трендов и правил в социальных сетях как «своего» пространства, сравнительно изолированного от пространства офлайн-коммуникаций.

Гипотеза о специфике понимания социальных сетей и Интернета в ракурсе «аборигенности» и «мигрантности». «Иммигрантность» подразумевает кибероптимистичное понимание социальных сетей и Интернета в целом как сферы новых возможностей, самореализации и обмена мнениями. Это понимание соединяет в себе:

а) прагматическое видение Интернета как нового в их опыте инструмента для реализации своих задач и планов (поколение потребителей в типологии А. Царевой [Царева, 2012]);

б) «научно-фантастическое», утопическое представление об Интернете (и соцсетях как ее части) как о виртуальной, т.е. иной реальности, в которой возможно конструирование образа, Другого Я (утопия как абстрактные ожидания и надежды, связанные с распространением новой технологии [Нуе, 2004]).

«...по мере набора опыта пользования сетью пришло понимание, как можно использовать сеть для каких-либо целей...))»
(м., 49 лет, предприниматель, 18.10.2016, интервью онлайн).

«Самое важное в Интернете? Познание. Познавательное что-то. Познать и себя, и людей и отношения между людьми. Вот даже эти ролики мне очень интересны, которые вызывают позитивное ощущение» (ж., 56 лет, продавец, 09.11.2016, интервью очное).

«Я все равно считаю, что вот это здорово, разве нет? Если бы вот не было вот тех же одноклассников, я бы тогда не узнала, как они выглядят. Это же все равно интересно. Я не скажу, что я была бы чем-то обделена, если бы не знала, как они там живут. Но я знаю о них и мне хорошо, здорово. Я считаю, что это здорово, когда есть возможность посмотреть. Просто узнать. Первое время, когда я кого-то находила или меня кто-то находил, мы могли столько...сутками общаться. Вот прям, на работу прибежишь, там вечером домой и пишешь там...» (ж., 57 лет, работник библиотеки, 11.02.2017, интервью очное).

Для «аборигенности», напротив, характерно киберскептическое или киберреалистичное видение социальных сетей и Интернета в целом как привычной среды (части среды) — их повседневном месте обитания, с которым производится идентификация себя. Они подчеркивают не альтернативность, но безусловную значимость Интернета в (пере)построении идентичности [Turkle, 2005]. «Хабитуализированные предшествующими поколениями технологии воспринимаются социальными субъектами рутинизированно, целостно... и в неразрывной связи с устоявшимися социальными контекстами и значениями» (о т.н. поколении подключенных см. [Царева, 2012: 39]).

О том, что нравится в общении в социальных сетях, рассказывают так:

*«Моя гордость)
Написал фигну)
А там 12 лайков
Шикарно, да?»* (м., 23 года, студент, 12.10.2016, интервью онлайн).

О спорах в социальных сетях:

«Весь срач

Так прикольно же читать)» (м., 23 года, студент, 12.10.2016, интервью онлайн).

О том, какое поведение не нравится в социальных сетях:

«Ну есть люди, которые каждую секунду делают какие-то репосты, я не понимаю зачем, кому оно интересно, какие-то картинки тупые. У меня есть друзья, но для многих из них у меня заблокированы новости, отображаются только те, кто меня не раздражает вот такими всякими тупыми цитатками» (ж., 20 лет, художник видеоигр, 17.11.2016, интервью очное).

Далее, на основании выдвинутых гипотез были сформулированы некоторые содержательные интерпретации аспектов понимания социальных сетей. Рассмотрим это на примере ответа на вопрос «На что похожи социальные сети, по Вашему мнению? (на стихию, животное, вещь и т.д.)». Полученные ответы мы распределили в две смысловые группы. К первой группе относятся метафоры, которые отсылают к инструментальному пониманию социальных сетей как средству общения, самореализации, обмена мнениями, также эти высказывания соответствуют кибероптимистичной трактовке, практически нет негативных коннотаций. Развивая упомянутую выше гипотезу, подобное понимание характерно для «иммигрантности». Стоит подчеркнуть, что здесь не наблюдается однозначной привязки к возрасту: ответы, характерные для «иммигрантов», встречались и у молодых информантов.

«На почту. Я могу передать сообщение и получить его» (м., 17 лет, школьник, 05.12.2016, интервью очное).

«Социальная сеть похожа на кафе. В котором можно пообщаться как наедине, так и группой» (ж., 22 года, журналист, 10.11.2016, интервью онлайн).

«Муравейник. Это группа людей по интересам: кто-то дружит с кем-то нормально. Ну, как бы соц. сети они зачастую облегчают поиск тебе нужных контактов и людей, например, да этот чувак у меня есть в друзьях, зайди на страницу, тебе подскажут че кого, вот он отличный электрик, типа того (смеется). Но это тот же поиск информации, доступ» (м., 32 года, управляющий бара, 15.10.2016, интервью очное).

«Муравейник. Каждый занят своим делом, один комментирует, один пишет, один фотки постит, один группу заводит, один себя удаляет, один страдает, что другой не пишет... и все это не статично, в постоянном движении» (ж., 44 года, логистик, 23.12.2016, интервью онлайн).

Можно отметить, что приведенные «иммигрантные» метафоры практически не отдалены от реальной, привычной жизни. При пояснении ответа информанты описывают особенности общения пользователей в социальных сетях в терминах и в соотношении с оффлайн-реальностью.

Для второй группы цитат характерна несколько абстрагированная трактовка социальных сетей, прослеживается достаточно отвлеченное их восприятие. Зачастую пространство социальных сетей в этой группе понимается как некая среда, пронизывающая все и потому трудно уловимая, также в метафорах второй группы прослеживается киберскептическое восприятие социальных сетей. В логике сформулированных гипотез эти метафоры говорят об «аборигенном» понимании; аналогично предыдущей группе, «аборигенность» взгляда может быть присуща не только юным информантам.

*«На ветер
почему?
он быстрый
и иногда тормозной
впрочем как сам вк
и разносит вести» (м., 15 лет, школьник, 21.10.2016, интервью онлайн).*

*«На реку стикс
где души переправляются в царство мертвых»* (м., 23 года,
интернет-маркетолог, 27.09.2016, интервью онлайн).

*«На помойку похоже. Потому что там всё, всякий шлак,
всякая фигня тебе ненужная, бесполезная, из которой можно
выкопать что-то нормальное, но надо постараться»* (ж., 23 года,
редактор, 28.09.2016, интервью очное).

*«Интернет нельзя увидеть и пощупать... так же как элек-
тричество, магнитные волны, ну и тому подобное ... А раз нельзя,
значит ни к чему материальному восприятие Интернета привя-
зать нельзя...»* (ж., 72 года, предприниматель, 09.11.2016, ин-
тервью онлайн).

Таким образом, концептуальное уточнение пары М. Пренски «цифровые аборигены» / «цифровые иммигранты» за счет соединения оптик теорий феноменологии, социологии знания и антропологии открывает возможности для выдвижения социологических дефиниций этой пары в исследовании Интернет-коммуникации и позволяет определить область ее применения (социальные сети). Реактуализация теоретического наследия дала возможность сформулировать содержательные гипотезы в изучении практик общения в социальных сетях с учетом различения проявлений «аборигенности» и «иммигрантности». Мы пытались продемонстрировать также, что посредством привлечения материалов проведенного исследования концепция получила свои иллюстрации и развитие.

Библиографический список

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1996. 323 с.
- Гурова И. М., Евдокимова С. Ш.* Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового потенциала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 7. С. 150–159.

- Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2015. [Электронный ресурс] // ФОМ: [веб-сайт]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12275> (дата обращения: 12.05.2017).
- Мангейм К.* Очерки социологии знания: Теория познания. Мирозрение. Историзм / Сост. Е. Я. Додин. М: ИНИОН РАН, 1998. 249 с.
- Мид М.* Культура и мир детства / Пер. с англ. Ю. А. Асеева. М: Наука, 1988. 430 с.
- Царева А. В.* Человек в сети: смена веб-поколений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 5 (64). С. 36–54.
- «Цифровых аборигенов» впервые посчитали, 2013. [Электронный ресурс] // Дети России. Онлайн: [веб-сайт]. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/14/10_15.pdf (дата обращения: 02.03.2017).
- Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.
- Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; Научн. ред. пер. Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
- Digital Day, или медиапотребление «цифровых аборигенов». Результаты социологического исследования. Аналитический центр Vi и ГФК, 2012. [Электронный ресурс] // STUDYDOC: [веб-сайт]. URL: <https://studydoc.ru/doc/5097438/the-digital-day> (дата обращения: 21.11.2016).
- Нье Д. Е.* From Utopia to «Real-topia» — Inventing the Inevitable // European Contributions to American Studies. 2004. Vol. 51. P. 161–172.
- Prensky М.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 5. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>.
- Turkle S.* The Second Self: Computers and the Human Spirit. Cambridge, Massachusetts London, England: The MIT Press. 2005. 387 p.

Анастасия Маракасова*, Арюна Раднаева**

Значения феномена «онлайн» для «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов»: повседневность и постсовременность¹

Введение

Интернет стремительно проникает в жизнь современных людей благодаря распространению гаджетов, позволяющих иметь доступ к нему постоянно. Интерес к исследованию Интернета увеличивается в таких гуманитарных науках, как социология, психология, антропология, педагогика. Настоящая работа отражает лишь один из аспектов изучения вопроса об Интернете, придаваемого ему значения и его роли в повседневной жизни, восприятии и интерпретации реальности в контексте виртуальной среды и социальных сетей. Мы проводим анализ феномена «онлайн» в ракурсе двух теоретических концептов: «повседневности» и «постсовременности».

В статье рассматриваются и сравниваются практики использования Интернета представителями двух поколений. Так,

---

* Маракасова Анастасия Андреевна, магистрант отделения «Социология» Новосибирского национального исследовательского государственного университета. nandini_ma@mail.ru.

** Раднаева Арюна Витальевна, магистрант отделения «Социология» Новосибирского национального исследовательского государственного университета. aryuna.radnaeva.95@gmail.com.

¹ Данная работа выполнена в рамках проекта исследования Интернета как особой среды коммуникации «Интернет-коммуникации в представлениях и практиках «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов»: линии различия поколений».

поколение, «выросшее» в Интернете, относится к нему как к неотъемлемому факту повседневной жизни и среде общения — мы называем их «цифровыми аборигенами»; тогда как поколение, представители которого приобщились к практикам пользования Интернетом в старшем возрасте, именуется «цифровыми мигрантами». Данное различие типов пользователей введено более 15 лет назад М. Пренски, которое указывает на разницу не только стажа и активности пользования Интернетом, но также и на различия стратегий и навыков онлайн-пользования представителями разных поколений [Prensky, 2001]. Данная типизация применяется в нашем исследовании в качестве теоретического конструкта, при этом мы рассматриваем не сами типы, а их черты, свойственные «аборигенности» и «мигрантности».

Обзор исследований

Интернет можно считать не только инструментом коммуникации, но также и отдельной виртуальной средой со своими нормами и правилами, к которым особенно восприимчивы представители современной молодежи. В рамках исследования восприятия Интернет-среды подростками Д. Королева выявила, что только у 3,5% старшеклассников нет устройств с выходом в Интернет, только у 3% отсутствуют аккаунты в социальных сетях [Королева, 2015]. Современная молодежь как поколение, «выросшее в Интернете», относится к нему как к неотъемлемой части своей жизни и неотъемлемой части распорядка дня, который также формирует новый образ жизни, отличный от образа жизни старшего поколения. Согласно исследованию Г. Солдатовой, молодежь намного больше проводит времени в Интернете, чем старшее поколение: 53% людей старшего поколения пользуются Интернетом каждый день, в сравнении с 89% людьми младшего поколения, также проводящих время в Интернете каждый день. Более того, каждый десятый подросток пользуется Интернетом 1–2 раза в неделю [Солдатова, 2013]. При этом исследований, изучающих различия пользования Интернетом представителей разных поколений преимущественно в количественной интерпретации, явно недостаточно для понимания вариативности восприятий виртуальной реальности людьми разных поколений. Тем

самым, можно сказать, что исследование восприятия онлайн-среды представителями двух поколений позволит приблизиться к пониманию специфики Интернета. Данная работа, в отличие от большинства исследований, ставит своей целью рассмотрение характерного для постсовременной реальности феномена сети Интернет, феномена «онлайн» — в русле качественной методологии и глубинного понимания субъекта.

Сбор информации построен как сочетание лейтмотивных, фокусированных интервью оффлайн (классический вариант методологии) и онлайн (специфический, новый вариант методологии).

Роль Интернета в повседневной жизни индивидов: различия между поколениями

Нами были рассмотрены обыденное времяпрепровождение в социальных сетях, в котором раскрываются онлайн-практики и онлайн-коммуникации в социальных сетях, разница между онлайн и оффлайн общением, конструирование «правил» общения в социальных сетях.

Привязанность к Интернету

Мы отмечаем, что практики пользования социальными сетями, в частности, и Интернетом в целом тесно вплетены в организацию повседневной жизни таким образом, что индивидам становится сложно организовать свою активность, не включив в нее обращение к Интернету. Следует также обратить внимание на то, что данный феномен был отмечен вне связей между различными поколениями пользователей социальных сетей:

*«Теперь при личной встрече друзей
Все не отрываются от телефонов
Огромный минус»* (ж., 21 год, 30.09.2016).

«Моя жизнь крутанется на 361 градус, я не выживу» (м., 15 лет, 20.09.2016).

«Те кто попробовал жизнь в Интернете, тот без него уже не сможет обойтись!!!» (ж., 72 года, 09. 11.2016).

*«Занят чем-то
Как нормальный человек
Мне вообще кажется, что все время отвечать на сообщения —
это стремно
Типа у тебя жизни нет
Кроме online»* (м., 23 года, 23.10.2016).

Двойственность привыкания к Интернету: желание отстранения как черта «аборигенности»

Информанты выражали свое желание отдалиться от Интернета и социальных сетей, что может быть связано с пресыщением различными эмоциями, а также — стремлением отстраниться от «ненастоящей» виртуальной реальности. Так, к «чертам аборигенности» можно отнести двойственное отношение к Интернету: с одной стороны, информанты говорят о зависимости от социальных сетей, с другой — желают отключиться от них:

«Да, ситуации были, и дискомфорта не было. Я бы с радостью уехал куда-нибудь в тайгу и жил бы там» (м., 15 лет, 21.10.2016).

«Иногда я добровольно отключаюсь от Интернета в какой-то интересной поездке. На сутки-двое. Мне свободнее без него, больше времени на общение и наслаждение мгновениями» (ж., 22 года, 13.10.2016).

«Ну я специально иногда устраиваю диджитал-детокс — уезжаю на день-два в лес и не выхожу в сеть. Раньше и на месяцы уезжал в путешествия, не заходя в соцсети» (м., 26 лет, 24.11.2016).

«Психологически это скорее напоминает тренировку силы воли» (ж., 28 лет, 19.03.2017).

«Эффект присутствия» или возможность преодоления территориального локального контекста как черта «мигрантности»

В постсовременном обществе люди находятся вечно в движении, даже пребывая локально на одном месте, они имеют возможность перемещаться, в т.ч. по сети Интернет. К чертам «мигрантности» относится возможность «эффекта присутствия», когда индивиды становятся в меньшей степени зависимыми от территориального локального контекста:

«Общение. Вот именно соцсеть это общение. Вот оно знает какое оно бывает молчаливое общение. Зашел, посмотрел, нормально ли, и все ли у него в порядке. Он был вчера, позавчера, мигает лампочка, значит жив, здоров. Это вам наверное, еще не понять, а у нас вот общение» (ж., 57 лет, 06.03.2017).

«Если не пишет, зайти и посмотреть, был ли человек он-лайн и когда... То есть... Жива ли, все в порядке» (ж., 44 года, 13.02.2017).

Соотнесение интернета с повседневной реальностью как черта «мигрантности»

Согласно представлениям «мигрантов», можно определить некоторые особенности коммуникации, в которой индивид ощущает большую свободу, где объект коммуникации утрачивает черты, которыми он обладает в коммуникации лицом-к-лицу, поскольку она опосредована «нечеловеками» [Латур, 2004]:

«Можно не следить за грамматикой, говори что думаешь, как думаешь и выражай свои мысли более откровенно, чем в личном общении глядя в глаза.!!! Неловкость испытываешь меньше или вообще не испытываешь!!!» (ж., 62 года, 18.10.2016).

Также к чертам «мигрантности» можно отнести эмоциональную чувствительность по отношению к грубым высказываниям, хамству, нецензурной лексике. Можно предположить, что люди

старшего поколения склонны проецировать реальность первого порядка в формат «онлайн», исходя из того, как они соотносят онлайн-реальность и повседневную оффлайн-реальность:

(Ответ на вопрос: Что вызывает у Вас недовольство в социальных сетях?)

«Хамство. Очень не люблю хамство» (ж., 57 лет, 06.03.2017).

«Нецензурная лексика в обсуждениях» (ж., 49 лет, 23.09.2017).

Различие «формата» общения в переписках между людьми разных поколений

Поскольку мы использовали метод онлайн-интервью, в ходе которого осуществлялась беседа в онлайн-формате в виде переписки в сети «ВКонтакте», то было выявлено различие в коммуникациях между информантами разных поколений. «Аборигены» склонны писать короткие сообщения, схожие с устными высказываниями, а также насыщать их медийными визуальными наполнениями в виде картинок, смайликов, стикеров и др. Более того, к чертам «аборигенности» можно отнести смещение письменного языка в устные регистры, тогда как к чертам «мигрантности» можно отнести критику подобного смещения.

Приведем примеры онлайн-ответов представителей младшего поколения:

«Ну способность выразить свои мысли в тексте типа не на словах а именно письменно письма я не пишу бумажные»

(Вопрос интервьюера: В смысле ты можешь позволить себе сказать больше текстом, чем словами?)

да нет

просто словами

писем же я не пишу никому

и дневник не веду» (м., 23 года, 29.11.2016).

«Еще можно отправлять друг другу различное медиа это очень удобно» (ж., 15 лет, 17.10.2016).

«Можно мемасики отправлять и фотки» (м., 23 года, 22.03.2017).

«Трудности в том, что долго печатать) Ахах» (м., 23 года, 22.03.2017).

Приведем примеры онлайн-ответов представителей старшего поколения:

«Не нравится что? Опять же — надо делать скидку. Тексты люди не готовы длинные читать-писать (я, к слову, готова, но вынуждена принять норму эту — лимит букв)

А короткие фразочки, смайлики — это тоже надо научиться не принимать «близко к сердцу»... бла-бла-бла — ерунда получается в целом. Более резко могут люди высказываться или интерпретировать твои слова в более негативном свете, что ли... Поясняю. Поругаться в сетях в разы легче, чем в реале

Вот такие вот наблюдения делаешь. И потом уже «скидку» при восприятии стараешься ввести.

(Вопрос интервьюера: Ну да. В целом, получается, Вы довольно терпимы в соцсетях) Нет прям ничего такого крайне неудовлетворительного.)

Ну, почему? Первое — краткость (малобукв) меня не устраивает (бесит))» (ж., 55 лет, 11.11.2016).

Интерпретации восприятий Интернета представителями двух поколений в контексте постсовременного общества

С позиции концепта постсовременности можно описать восприятие Интернета как «места» насыщения различными эмоциями, а также — вовлечения технических устройств, которым делегируются некоторые функции коммуникации. В этой связи ставится вопрос об индивидуализации в контексте глобализации через включенность в глобальную сеть.

Эмоциональная наполненность Интернета

Идеи М. Маффесоли про «околдовыванности мира» затрагивают значение чудесного в различных проявлениях [Маффесоли, 1991]. Можно предположить, что индивиды поглощают информацию через чувствование. Интернет-пространство позволяет разыграться воображению, пресыщая пользователей различными абстракциями (например, смайликами, гифками). Как для «аборигенов», так и для «мигрантов» характерно стремление получить эмоциональное наполнение, «позитивные» эмоции и общение, которые в те или иные периоды жизни (а также в силу обстоятельств) нет возможности получить в результате взаимодействия лицом-к-лицу. Однако активный словарь описаний Интернета и социальных сетей несколько различен: «мигрантам» присуще эмоциональное окрашивание, тогда как «аборигены», как правило, более сдержанно выражают свои мысли, описывая Интернет и социальные сети:

«Мне хорошо без него, когда я нахожусь в хорошем месте, где и так много впечатлений, например в путешествии. Тогда я не чувствую дискомфорта. А в обычной жизни мне сложно без него, так как не достаёт реального общения и реальных позитивных эмоций» (ж., 22 года, 13.12.2016).

«А хочется пообщаться, хочется юмор посмотреть, хочется позитивчика услышать, хочется новости иногда посмотреть» (ж., 56 лет, 07.03.2017).

«Нечто позитивное. Нечто оригинальное (фотографии, умные мысли)» (м., 64 года, 15.03.2017).

*«Когда у меня нет дел
И хочется пообщаться с друзьями
Просто почитать новости
Для меня это способ релакса»* (ж., 21 год, 30.09.2016).

Делегирование полномочий «нечеловекам» в формате онлайн

Как писал Б. Латур: «Если в наших обществах существуют тысячи таких помощников, которым мы делегировали компетенции, это означает, что наши социальные отношения определяют»

ся, главным образом, тем, что безмолвно предписывается нам нечеловеками... Поскольку каждый из этих делегатов формирует связность какой-то части нашего социального мира, это означает, что изучение социальных отношений невозможно, если не принимать во внимание нечеловеков» [Латур, 2004]. В исследовании было отмечено делегирование функций «нечеловекам», т. е. техническим устройствам. Понимание поведения и суждений индивидов стоит соотносить с теми делегированиями функций нечеловекам, к которым они обращены за помощью, и без которых индивидам будет непривычно справиться, что проявляется, в том числе и в упрощении коммуникационного кода (лайк, репост, смайлики, стикеры).

(Вопрос интервьюера: В каком случае Вы ставите лайк?)

«Это из эмоционального состояния. Я вот здесь могу тебе сказать, вот здесь мне нравится, как хорошо, нравится. А там я должна либо такую петицию написать и так все подобрать либо просто сказать: о! Класс.» (ж., 40 лет, 15.12.2016).

«Да, обычно принято ставить лайки в инсте. На все подряд и неважно нравится тебе это или нет. Уже просто на автомате....» (ж., 17 лет, 25.03.2017).

Черта «мигрантности» как ощущение включенности в глобальную сеть

Для представителей старшего поколения пользование Интернетом включает в себя преодоление индивидуализации в контексте глобализации, когда пользователи ощущают себя включенными в глобальный контекст. По мнению З. Баумана, «“Индивидуализация” заключается в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи..., она состоит в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*)» [Бауман, 2005:116]. Таким образом, можно отметить такую черту «мигрантности», как ощущение вовлечения, включенности в глобальную сеть:

«Раньше человек мог быть более одинок, будучи физически среди людей. Сейчас будучи физически одинок, человек может успешно общаться с множеством людей по всему миру» (м., 64 года, без даты).

Заключение

Сквозь выбранные теоретические призмы нам удалось описать феномен «онлайн» как часть повседневной жизни, с одной стороны, и в контексте постсовременности, с другой стороны. «Онлайн» представляет собой эмоционально насыщенное пространство, в которое погружаются с целью получить эмоции, обогатиться через чувствование. Однако «аборигены» и «мигранты» описывают Интернет, используя разные активные словари и даже разные способы письма. В то же время было зафиксировано желание представителей двух поколений отстраниться от Интернета, поскольку пользование им порождает пресыщенность от различных эмоций, которые вызывает «онлайн» формат. С позиции повседневности мы попытались раскрыть особенности коммуникации в формате «онлайн», которые проявляются в том числе как трансформация речи в формате онлайн: письменный стиль переходит в устный, что проявлялось в случае с «аборигенами» — письмо «устного характера» (сообщения строчечные, кусками), а также медийное (образное) восприятие текста в формате «онлайн», тогда как «мигранты» склонны писать сообщения «описательного характера», где сообщение преподносится как целостная насыщенная мысль, а медиа-изображения используется как добавление.

Библиографический список

- Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Королева Д. О.* Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками в школе и дома // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 205–224. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-205-224.

- Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 2 (34). С. 5–19.
- Маффесоли М.* Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 274–283. [Электронный ресурс]. // Библиотека Гумер: [веб-сайт]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Sociolog/Article/Maff_OkMir.php (дата обращения: 19.07.2017).
- Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В.* Цифровая грамотность и безопасность в Интернете. Методическое пособие для специалистов основного общего образования. М.: Google, 2013. 311 с.
- Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 5. P. 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

Social network analysis в исследованиях онлайн-сообществ «ВКонтакте»

Введение

Современное общество все больше приобретает черты сетевой организации с увеличением значимости горизонтальных, а не иерархических связей. Большую роль в этом играет распространение компьютерных сетей. Онлайн-структуры и онлайн-взаимодействия имеют сетевую организацию. Сегодня они стали актуальным и доступным исследовательским полем, для изучения которого используются методы анализа социальных сетей (*social network analysis, SNA*).

Под сетью понимается модель связанных между собой элементов (социальных акторов), а в качестве связи — коммуникация или отношение (дружбы, родства). Для анализа и моделирования социальных сетей используют понятийный аппарат и метрики теории графов. Любая сеть может быть представлена как граф, где участники сети являются «вершинами» или «узлами», а существующие между ними связи — «ребрами». Цель анализа таких сетей — выявить их связность, гомогенность, определить факторы их формирования. Метод SNA позволяет не только анализировать специфику распределения социального капитала между участниками

---

* Кавеева Аделя Динаровна, ассистент кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета. adele.kaveeva@mail.ru.

** Гурин Константин Евгеньевич, независимый исследователь. rekonchik@mail.ru.

сети, но также направлен и на выявление уровней сетевых эффектов, на сравнение топологии сетей между собой, на установление факторов расширения сети.

В данной статье фокус сосредоточен на сетевом анализе официальных онлайн-сообществ российских СМИ, представленных в социальной сети «ВКонтакте». Онлайн-сообщества СМИ — относительно новое явление, появившееся в результате проникновения традиционных масс-медиа на платформы современных социальных онлайн-сетей и концентрации в этих сообществах аудитории. Изучение сетей взаимодействий внутри онлайн-сообществ СМИ приобретают актуальность при рассмотрении вопросов о формировании аудитории и определении ее специфики (например, степени сплоченности или неравного распределения социального капитала). В статье на примере сетевого анализа 82 самых популярных онлайн-сообществ СМИ «ВКонтакте» показаны наиболее общие свойства сетей подписчиков и роль сетей дружбы в привлечении новых участников в сообщество.

Классика и современность анализа социальных сетей

Классические исследования социальных сетей появились задолго до распространения Интернета, однако SNA приобрел особую актуальность именно в связи с необходимостью понимания механизмов онлайн-взаимодействий, которые в силу сетевой природы особенно хорошо поддаются такому анализу.

К числу классических исследований социальных сетей «доинтернетной» эпохи относят, во-первых, социометрию Я. Морено — методику изучения отношений и иерархий в малых группах, направленную на анализ уровня сплоченности и статусных характеристик членов группы. Морено одним из первых обратился к визуализации социальных связей через построение социограмм, получаемых в результате социометрического опроса, по сути, технически представляющих собой социальный граф [Moreno, 1953: 95–96]. Во-вторых, это концепция «тесного мира» С. Милгэма о связности социальных сетей, согласно которой средняя длина пути между любыми двумя случайными людьми равна шести знакомым [Milgram, 1967: 60–67]. Третьим классическим примером

является концепция «силы слабых связей» М. Грановеттера, которая представляет модель распространения информации в социальных сетях [Грановеттер, 2009: 31–50]. Сам термин «социальная сеть» впервые был применен Дж. Барнсом в 1954 г., который на примере общественной жизни Норвегии показал роль сочетания отношений дружбы и категорий социального класса [Barnes, 1954: 39–58]. Эти исследования сохраняют значимость и до сих пор. Так, например, многие исследователи при изучении сети рассматривают среднюю длину пути в качестве одного из ключевых ее показателей, который характеризует, насколько тесно участники в сети «упакованы» по отношению к остальным.

Появляется большое количество исследований, раскрывающих характер и закономерности онлайн-социальных сетей. «Узлами» в онлайн-структурах могут выступать профили пользователей, а «ребрами» — связи между ними и контентом (дружба, цитирование, «лайки», комментирование). В зависимости от исследовательских целей «узлами» могут быть не только пользователи, но и сайты, блоги, сообщества. Несмотря на наличие поддельных аккаунтов и неполной информации в профилях, онлайн-социальные сети, благодаря политике открытости данных, предоставили исследователям возможность изучать вопросы, связанные с взаимодействиями индивидов в обществе, рассматривая топологии онлайн-сетей.

Например, Дж. Угандер с коллегами в 2011 г. построили граф сети Facebook, насчитывавшей на момент исследования 721 млн профилей [Ugander, 2011]. В качестве вершин выступали пользователи, а в качестве ребер — отношения онлайн-дружбы между пользователями. Было обнаружено, во-первых, что средняя длина пути между пользователями составляет 4,7 шага, что согласуется с концепцией тесного мира Милгрема. Среднее количество друзей у пользователя равно 190, что сопоставимо с числом Данбара — числом постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать [Dunbar, 1995: 287–296]. Была обнаружена тенденция узлов с одинаковой или близкой степенью (т.е. количеством связей) группироваться вместе. Исследователи также проверяли наличие гомофилии (склонности образовывать связи с себе подобными) по возрасту, полу и месту проживания. Поль-

зователи Facebook чаще образуют связи со своими сверстниками, а также с жителями своей страны. Несмотря на отсутствие географических барьеров, дружба внутри страны оказалась во многом продиктована географическим расстоянием. Аналогичные результаты были получены в исследованиях Е. Ана и его коллег [Ahn et al., 2007: 835–844] и А. Мислова с коллегами [Bhattacharjee et al., 2007: 29–42]. Важным выводом исследования А. Мислова стало то, что новые связи, как правило, создаются пользователями, которые уже имеют широкий круг контактов, а также между пользователями, структурно близкими друг другу [Bhattacharjee et al., 2008: 25–30].

Российские исследователи П. Мейлахс и Ю. Рыков предлагают выделять два подхода к изучению аудитории онлайн-сообществ: номинальный и коммуникативный. Первый подход определяет онлайн-сообщество как совокупность его участников, обладающих определенными характеристиками, и позволяет понять механизмы формирования аудитории. Второй подход сфокусирован на коммуникативных практиках и онлайн-взаимодействиях, например, комментировании или поддержке, которая выражается с помощью «лайков» [Мейлахс, Рыков, 2015: 137–146].

Интерес представляют также отношения дружбы между пользователями и их роль в формировании аудитории сообщества. Как отмечает Д. Бойд, термин «дружба» в онлайн социальных сетях правильнее понимать как «знакомство» [Boyd, 2006]. Исследования показывают, что вероятность вступления пользователя в сообщества увеличивается пропорционально числу его друзей в нем [Backstrom, 2006: 44–54]. Однако поскольку влияние дружеских сетей в разных сообществах проявляется по-разному, при использовании сетевого анализа аудитории уместно предварительно измерять эту вероятность.

Мы предлагаем пример использования SNA в онлайн-сообществах «ВКонтакте». Поскольку наша цель — познакомить с базовыми методиками SNA, мы сфокусируемся только на наиболее общих свойствах этих сетей. Подробный анализ сетей дружбы и дискурсивной структуры обсуждения контента в сообществах СМИ представлен в других работах авторов [Гурин, 2016; Gurin, Kaveeva, 2016].

Методы сбора информации и некоторые свойства сетей

Для описания алгоритма работы по сетевому анализу была выбрана социальная сеть «ВКонтакте». Выбор обусловлен ее широким распространением — сайт занимает первое место по посещаемости в России и пятое место в мире [Top Websites..., 2017], а также политикой открытости данных сайта. Для сбора открытой информации администрация сайта предоставляет интерфейс прикладного программирования (API), методы работы с которой подробно описаны на сайте в разделе «Разработчикам». Однако прямое использование методов API предполагает знание языков программирования и написание значительного объема кода. Для многих языков программирования уже существуют готовые библиотеки, упрощающие работу с API и рекомендуемые сообществом программистов. Для языка R в официальном репозитории есть пакет «VKR», разработанный Д. Сорокиным в университете ИТМО [Package “vkR”, 2016]. Пакет VKR содержит набор команд, обращаящихся к социальной сети «ВКонтакте» после получения специального ключа приложения.

В качестве примера можно продемонстрировать сбор сети дружбы сообщества RStatistics (<https://vk.com/rstatistics>). После загрузки в R библиотеки «VKR» и авторизации приложения через команду «vkOAuth» соберем всех участников группы и сохраним в набор данных users:

```
➤ users<- getGroupsMembersExecute(«rstatistics»)
```

На момент сбора мы получаем 3195 участников группы. В результате в векторе «users» хранятся уникальные идентификаторы всех участников группы. Теперь соберем сеть дружбы. Для этого выполним команду:

```
➤ friends<- getFriendsFor(users)
```

Выполнение этой команды может занять некоторое время в связи с ограничениями сети «ВКонтакте» на число запросов по API. В результате получаем объект типа «список» (list). Преобразовать его в список ребер можно при помощи команд:

```
➤ friends_list <- data.frame(uid1 = as.integer(names(setNames(
  unlist(friends, use.names = F), rep(names(friends),
  lengths(friends))))), uid2 = unlist(friends, use.names = F))
```

В полученном списке ребер может не быть многих участников, т.к. не у всех аккаунтов есть друзья. Также список друзей не собирается для удаленных и заблокированных аккаунтов. Однако если у присутствующих в группе есть заблокированные или удаленные друзья, то такая связь будет сохранена. Построим сеть, используя библиотеку `igraph` для работы с графами. Создадим пустой неориентированный граф.

```
➤ G <- graph.empty(n = 0, directed = F)
```

Добавим вершины в граф, в качестве вершин будут идентификаторы каждого пользователя.

```
➤ vertex.attrs <- list(name = users)
➤ G <- add.vertices(G, length(vertex.attrs$name), attr =
  vertex.attrs)
```

Далее в граф добавим связи дружбы так, чтобы учитывались связи только между участниками сообщества.

```
➤ friends_list <- friends_list[friends_list$uid2 %in% users,]
➤ edges <- rbind(match(friends_list$uid1, vertex.attrs$name),
  match(friends_list$uid2, vertex.attrs$name))
➤ G <- add.edges(G, edges)
```

Теперь граф задан как объект. Найдем наибольшую связную компоненту в графе.

```
➤ g.components <- clusters(G)
➤ G.giant <- induced.subgraph(G, which(g.components
  $membership == which.max(g.components$size)))
```

В результате получим сеть, состоящую из наибольшей связной компоненты. Выполняя команду `g.components$no`, можно посмо-

треть общее число связных компонент, в нашем примере равняющееся 1978. Размер наибольшей связной компоненты: $g.components\$size[which.max(g.components\$size)]$ равняется 973 узла, ее можно считать ядром изучаемого сообщества.

Свойства сетей

Одним из базовых показателей структуры сети является, как уже упоминалось, средняя длина пути: $average.path.length(G.giant)$, которая в данном сообществе равна 6.78. Также сеть может обладать свойством транзитивности, которое можно выразить отношением «друг моего друга — мой друг». На уровне всей сети высокая транзитивность в совокупности с малой средней длиной пути обеспечивает свойство «малого мира». Показатель $transitivity(G.giant)$ для сообщества-примера равен 0.27.

Поскольку сообщества редко бывают однородными, широко распространенным в анализе социальных сетей является метод «модулярности», позволяющий определить качество той или иной разбивки на сообщества: $communities\_detect <- cluster\_edge\_betweenness(G.giant)$. Значение показателя может варьироваться от -1 до 1 . Показатель модулярности, равный нулю, говорит об отсутствии в графе ярко выраженных сообществ и характеризует сеть как однородную. Качество разбиения в нашем примере $modularity(communities\_detect)$ равно 0.8.

В изучении позиций конкретных узлов (сетевое капитал) в сети важную роль также играют показатели центральности. Каждого агента в сети можно описать центральностью по степени, которая определяется количеством его связей с другими узлами. Склонность людей формировать связи с другими на основании общих черт обозначается термином «гомофилия», отсутствие которой означает, что процесс образования связей не зависит от выбранной социально-демографической категории.

Полученные данные визуализируются с учетом разбивки на сообщества и степени узлов (числа друзей), однако для визуально более понятного и красивого графа лучше использовать логарифм числа друзей:

```
➤ plot.igraph(G.giant, layout=layout.fruchterman.reingold,
vertex.size=log(degree(G.giant)), vertex.label=NA, edge.
color="gray", edge.curved = TRUE, vertex.color=
colors[membership(communities_detect)]).
```

Результатом становится граф социальной сети участников сообщества, отображающий топологию исследуемой сети.

Сетевой анализ онлайн-сообществ российских СМИ

Сегодня многие СМИ создают свои официальные сообщества в социальных сетях, где публикуется медиа-контент и формируется аудитория, его потребляющая и обсуждающая. Онлайн-сообщество СМИ — это одновременно площадка и для получения новостной информации, и для коммуникации между пользователями. Онлайн-сообщества СМИ, таким образом, представляют актуальный для исследователей тип сообществ, поскольку проблематика аудитории СМИ является значимой для социологии уже с 1920–30-х гг.

Минимальный порог размера сообщества для попадания в нашу выборку составил 1000 подписчиков, выборочная совокупность — 82 сообщества. Для каждого сообщества была собрана информация о количестве и характеристиках участников (пол, возраст, страна и город проживания, политические и религиозные убеждения, уровень образования) и выявлены некоторые общие тенденции.

Распределение подписчиков показывает, что размер сообществ варьируется от 2,2 тыс. до 1,7 млн участников. Доля мужской аудитории — от 9 до 80%, со средним значением в 54%, распределение смещено в сторону сообществ с большей долей мужской аудитории (за исключением нескольких сообществ «женской» направленности). Сообщества СМИ неоднородны по возрасту участников: (1) сообщества с высокой долей несовершеннолетних, (2) сообщества со значительной долей подписчиков в возрасте от 18 до 30–35 лет, (3) сообщества с аудиторией в возрасте 21–40 лет. Дифференциация сообществ СМИ наблюдается и в группе показателей, связанных с географией проживания подписчиков, политически и религиозными взглядами.

Анализ сетей дружбы обнаружил, что существует нелинейная взаимосвязь вероятности обнаружения случайно выбранного подписчика в сообществе СМИ и числа его друзей в этом сообществе. Эта вероятность не превышает 60%, что свидетельствует об ограниченном влиянии сетей дружбы на вступление в сообщество. Гомофилия по возрасту и месту проживания оказывает значимое влияния на структуру дружеских связей и, следовательно, формирование аудитории.

Так, роль сетей дружбы выше в сообществах, где ядро аудитории находится в возрасте 18–35 лет и из одного региона, и ниже для сообществ общефедеральных российских СМИ, собирающих аудиторию до 18 лет. Следовательно, в различных группах онлайн-сообществ СМИ по социально-демографическому составу аудитории роль сетей дружбы проявляется с различной силой. Гомофилия по полу для сообществ СМИ не характерна. Таким образом, сети дружбы в сообществах СМИ формируются тенденцией создавать свое окружение из похожих на себя людей. Также общим для сообществ СМИ является свойство транзитивности (общие друзья одного подписчика также дружат между собой), а формирование сетей дружбы подвержено принципу предпочтительного присоединения.

Заключение

Сегодня SNA приобретает особую актуальность в связи с распространением онлайн социальных сетей и позволяет анализировать и визуализировать структуры онлайн-взаимодействий в самых различных сообществах.

На примере исследования онлайн-сообществ СМИ «ВКонтакте» были показаны некоторые общие свойства сетей подписчиков. Так, для них характерна транзитивность (тенденция общих друзей одного подписчика в сообществе также дружить между собой). Формирование сети подвержено принципу предпочтительного присоединения. Остальные свойства сети варьируются в зависимости от количества подписчиков, у которых есть друзья в группе, от распределения степеней, от распределения пользователей по возрасту и др. Так, чем выше средняя степень узлов (т.е. друзей у под-

писчика), тем сеть будет более сплоченной. Гомофилия по полу для сообществ СМИ не характерна, а гомофилия по территории проживания и возрасту наиболее выражена. Региональные сообщества СМИ более однородны. За счет высоких показателей среднего числа друзей и однородности средние длины пути в них невысокие, что вместе с транзитивностью создает эффект «малого мира». Таким образом, сети дружбы в сообществах СМИ сформированы тенденциями создавать свое окружение из похожих на себя людей.

Кроме того, онлайн-сети могут изучаться через типы взаимосвязей участников, таких как дружба, цитирование, поддержка («лайки»). SNA объясняет, как формируется сеть и за счет каких участников может развиваться, а также фиксирует механизмы воспроизводства социального неравенства и формирования социального капитала. Анализ социальных сетей уместно дополнять контент- и дискурс-анализом, что позволяет найти наиболее устойчивые смысловые структуры сети, конструируемые в процессе обсуждения контента.

Библиографический список

- Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Гурин К. Е.* Структурирование сетей дружбы в онлайн-сообществах СМИ // Дискуссия. 2016. № 6 (69). С. 64–71.
- Мейлахс П. А., Рыков Ю. Г.* Онлайн-общество СПИД-диссидентов в социальной сети «ВКонтакте»: структура и риторические стратегии // XV апрельская Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015. Кн. 3. С. 137–146.
- Ahn Y., Han S., Knak H., Moon S., Jeong H.* Analysis of topological characteristics of huge online social networking services // 16th International Conference on the World Wide Web. Banff, Alberta, Canada, 2007. P. 835–844.
- Backstrom L., Huttenlocher D., Kleinberg J., Lan X.* Group formation in large social networks: membership, growth, and evolution // Proceedings of the 12th ACM SIGKDD international conference on Knowledge discovery and data mining. Philadelphia, PA, USA, 2006. P. 44–54. DOI: 10.1145/1150402.1150412.

- Barnes J.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. Vol. 7. № 1. P. 39–58. DOI: 10.1177/001872675400700102.
- Boyd D.* Friends, Friendsters, and Top 8: Writing community into being on social network sites [Электронный ресурс] // *First Monday*. 2006. Vol. 11. № 12. URL: <http://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/1418/1336> (дата обращения: 01.06.2017).
- Dunbar R. I. M.* Neocortex size and group size in primates: a test of the hypothesis // *Journal of Human Evolution*. 1995. Vol. 28. № 3. P. 287–296. DOI: 10.1006/jhev.1995.1021.
- Gurin K., Kaveeva A., Solovyev V.* Discursive Structure of Media Content Discussion by Users of Online Social Networks [Электронный ресурс] // 3rd International Conference on Social Science, 2016. P. 1327–1332. URL: <http://dpi-proceedings.com/index.php/dtssehs/article/view/9185/8752> (дата обращения: 01.06.2017).
- Milgram S.* The small world problem // *Psychology today*. 1967. Vol. 2. № 1. P. 60–67.
- Mislove A., Koppula H. S., Gummadi K. P., Druschel P., Bhattacharjee B.* Growth of the Flickr social network // *Proceedings of the first workshop on Online social networks*. Seattle, WA, USA, 2008. P. 25–30. DOI: 10.1145/1397735.1397742.
- Mislove A., Marcon M., Gummadi K. P., Druschel P., Bhattacharjee B.* Measurement and analysis of online social networks // *Proceedings of the 7th ACM SIGCOMM conference on Internet measurement*. San Diego, California, USA, 2007. P. 29–42. DOI: 10.1145/1298306.1298311.
- Moreno J. L.* Who Shall Survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama. N.Y.: Beacon House Inc., 1953. 763 p. Package “vkR” [Электронный ресурс]. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/vkR/vkR.pdf> (дата обращения: 01.06.2017).
- Top Websites Ranking [Электронный ресурс]. URL: <https://www.similarweb.com/top-websites> (дата обращения: 1.06.2017).
- Ugander J.* et al. The Anatomy of the Facebook Social Graph [Электронный ресурс] // *Cornell University Library*, 2011. URL: <http://arxiv.org/abs/1111.4503> (дата обращения: 01.06.2017).

РАЗДЕЛ II

**Современные методы
социологического исследования**

Дизайн социологического исследования краткий обзор современных практик¹

Введение

Основа исследования, его дизайн, — это каркас для сбора и анализа данных с целью согласованного и логичного решения задач проекта. Дизайн традиционно включает формулировку проблемы, цель, исследовательский вопрос, задачи, набор методов и решений (выборка и др.). В отечественной традиции принято говорить о программе исследования, в западном контексте такого рода план-каркас называют дизайном. Постепенно использование термина «дизайн исследования» становится привычным и для отечественных социологов [Богомолова, 2012; Маликова, Рыбакова, 2014; Савинская, Истомина, 2015]. Как формируется дизайн исследования? Какие выделяют виды дизайнов в современной исследовательской практике? На эти вопросы мы постараемся ответить в статье.

От исследовательских практик к дизайнам

В контексте дизайнов и проектирования метафора исследования как процесса «строительства дома» кажется пусть не совсем

---

* Полухина Елизавета Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), доцент социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. erolukhnina@hse.ru.

¹ Статья написана в рамках проекта РНФ «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», грант № 14-28-00217.

оригинальной, но вполне рабочей. В таком случае исследователь выступает в роли близкой к роли строителя-архитектора [Богомолова, 2012]. В соответствии с целью, ресурсами и личными предпочтениями он формирует план-проект, «закладывает фундамент» (т.е. разрабатывает теоретические основания исследования), собирает команду, принимает решение о «строительном» материале — данных: об их сочетании и способе работы с ними, далее совершает «черновую отделку» (первичную аналитику), затем — чистовую (завершение анализа), финализирует оформление интерьера (осуществляет интерпретацию). Процесс, в случае положительного финала, заканчивается «новосельем» (опубликованием результатов в виде презентаций и текстов). «Хороший дом» служит нескольким поколениям, а его авангардная, на первый взгляд, конструкция может стать шаблонным образцом для последующих проектов.

Американский социолог Д. Морган предлагает пересмотреть классический совет начинающим исследователям о линейности дизайна и о том, что «вопрос исследования должен определить метод исследования» [Morgan, 2014: 233]. По его мнению, утверждение о первостепенности теории представляется нереалистичным (см. рис. 1.). Он предлагает рассматривать исследование как циклический процесс, где выбор методов исследования определяет набор исследовательских вопросов. Исследователь, в свою очередь, должен осознавать набор своих личных компетенций, видеть исследовательский потенциал, скорее, среди имеющихся данных и существующих познавательных возможностей в рамках задач передовой академической границы [Morgan, 2014: 233].

Большая доля исследований начинается с традиционного обзора литературы, в результате которого очерчивается проблемное поле, формулируются исследовательские вопросы. Заметим, что грамотный обзор литературы, выполненный по методике систематических обзоров, может быть и самостоятельным исследованием [Низгораев, 2005]. Наряду с этим, методика систематических обзоров предполагает такие традиционные для исследования свойства, как воспроизводимость процедур и надежность получаемых данных. Некоторые социологи полагают, что систематические обзоры необоснованно отказываются от принципов нарративного анализа, где уделяется особое внимание контекстуальности

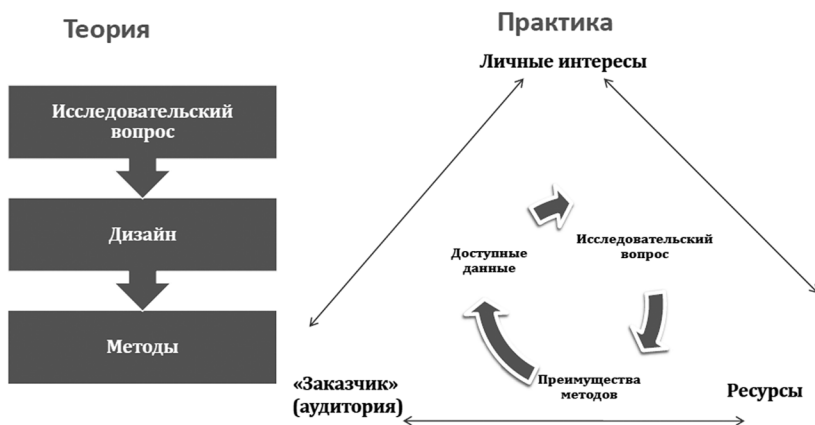

Рис. 1. Исследовательский дизайн по Д. Моргану [Morgan, 2014: 227–231].

полученных данных [Hammersley, 2001]. Английский исследователь Алан Брайман видит в этой дискуссии продолжение споров об исследовательских парадигмах (позитивизме и конструктивизме). По его мнению, в настоящий момент данная дискуссия переносится в другие контексты [Vruman, 2015: 657].

Обратимся к наиболее продуктивным исследовательским практикам школы Пьера Бурдьё и его исследовательской программе [Bourdieu, 1984]. Центральное место в его подходе занимает понятие «социального пространства», которое изучает социолог. Для этого он проводит анализ доступной государственной статистики, обращается к вторичным данным. На втором, полевом этапе происходит интервьюирование информаторов (т.е. носителей практики) и наблюдение за их повседневной жизнью, т.к. они более других информированы о проблемной ситуации, поскольку непосредственно в нее включены. Проведение интервью позволяет получить информацию о состоянии проблемной области; очертить предмет исследования; уточнить гипотезы; адекватно сформулировать вопросы для последующего анкетного опроса. На третьем этапе производится количественный опрос только тех, кто обладает опытом (по целевой выборке) и вовлечен в проблему. Следует отметить, что П. Бурдьё практикует «этнографический опрос», сопровождающийся заметками наблюдателя, что позволяет фиксировать телесный габитус участника исследования: тип

его дома, стиль интерьера, внешний вид, прическу, одежду, манеру говорить [Bourdieu, 1984]. В дальнейшем происходит добор недостающих данных: посредством глубинных интервью с подвыборками [Шматко, 2001]. Дизайн Бурдьё был воплощен в рамках недавнего британского исследования под руководством Майка Сэвиджа [Savage, 2015]. Теоретическими основами проекта также послужили идеи Бурдьё. Участники британского проекта в онлайн анкете операционализировали культурный, социальный и экономический капиталы. В современной практике подобного рода исследовательские дизайны называют качественно-количественными и выделяют различные стратегии комбинирования или «смешивания» методов (*mixed methods*) [Tashakkori, Teddlie, 1998; Creswell, 2009; Morgan, 2014; Полухина, Просянюк, 2015; Савинская, 2016].

Типологии дизайнов: где система координат?

Традиционно выделяют виды дизайнов в зависимости от типа исследования и логики работы с данными: экспериментальный (сравнение между экспериментальными и контрольными группами), лонгитюдный (исследование, проводимое более, чем один раз на одном эмпирическом объекте), кейс-стади (исследование одного конкретного случая с целью выявить специфику), сравнительный (сравнение двух и более случаев) [Брайман, 2012: 120]. В зависимости от стратегии исследования выделяют два подхода для реализации каждого из них: качественный и количественный (см. табл. 1.).

Как показывает исследовательская практика, экспериментальные исследования чаще реализуются в рамках опросных исследований, кейс-стади закрепились, скорее, как качественная традиция, лонгитюдные и сравнительные проекты воплощаются приблизительно в равной степени в двух подходах.

Среди адептов стратегий «смешивания» методов обсуждение разнообразия дизайнов и способов их классификации — центральная тема. В основе классификаций лежат такие характеристики, как уровень «смешивания» (методов, данных); ориентация

во времени сбора данных (одновременно, последовательно); акцент на подходе (качественный или количественный) [Leech, Onwuegbuzie, 2009]. Выделяют многометодные дизайны для различных целей, связанных с разработкой инструментария, развитием теории и т.д. [Creswell, 2009].

Таблица 1

Подход и дизайн исследования¹

Дизайн исследования	Количественный подход: типичные формы	Качественный подход: типичные формы
<i>Экспериментальный</i>	Количественные сравнения между экспериментальными и контрольными группами с учетом зависимой переменной.	Типичная форма отсутствует. Однако Хоторнские эксперименты — пример перехода от «метода испытательной лаборатории» к использованию качественных методов. В данном случае, говорят, скорее, «о квази-экспериментальном» дизайне.
<i>Лонгитюдный</i>	Исследование когорты или панельное исследование с использованием метода опроса, проводимое более одного раза. Контент-анализ документов в разные периоды времени.	Качественные интервью, наблюдения с целью отслеживания изменений. Качественный контент-анализ документов. Проводится более одного раза в разные периоды.
<i>Кейс-стади</i>	Опросное исследование с целью изучить специфику одного явления.	Интенсивное исследование с использованием этнографического метода (наблюдения, интервью).
<i>Сравнительный</i>	Опросное исследование со сравнением двух и более случаев.	Исследования с применением этнографического метода или качественных интервью по двум или более случаям.

Например, американский социолог Дэвид Морган отмечает в книге, посвященной исследовательским дизайнам, что «стратегии» смешивания методов предлагают три варианта интеграции результатов качественных и количественных методов. Во-первых, вариант «пересекающихся» (*convergent*) данных позволяет сравнивать результаты различных методов, отвечающих на один вопрос.

¹ Подробнее об этой классификации см.: [Брайман, 2012: 119; Врумман, 2016: 70].

Как правило, качественная и количественная стратегии реализуются одновременно, схематично такой дизайн обозначается как («Qual»=«Quant»; «Кач»=«Кол»)¹. Во-вторых, вариант «дополнительного покрытия» (*additional coverage*) предполагает достижение различными методами разных исследовательских задач. Схематично такой дизайн обозначается («Qual»+«Quant»; «Кач»+«Кол»). Третий принцип «последовательных вкладов» (*sequential contributions*) позволяет выстраивать цепочку преимущества между данными: результаты одного метода послужат данными для «входа» к следующему методу («Qual»->«Quant»; «Кач»->«Кол»). По мнению Д. Моргана, это наиболее продуктивный подход интеграции результатов качественных и количественных исследований [Morgan, 2014].

Одновременно с ростом качественно-количественных дизайнов появляются те, кто предпочитает комбинировать методы в рамках одного подхода. Получили распространение практики комбинирования телефонных и квартирных опросов. Логичным образом, в эпоху постиндустриального общества растет доля данных, собираемых онлайн, обычно комбинируемых с данными, собранными в оффлайн пространстве.

Появляется новая волна работ, обозначающих относительную автономию качественных методов и дизайнов [Creswell et al. 2007; Mason, 2011; Morse, 2014; Chenail, 2017]. Дженифер Мэйсон — автор концепции «ограниченной» (*facet*) методологии сравнивает ориентацию и творческий поиск в исследовательском поле с гра-

---

¹ Приверженцы стратегий «смешивания» обычно выделяют в проекте доминирующую компоненту (качественную или количественную), которая позволяет ответить на большую часть интересующих исследовательских вопросов. В профессиональных западных аббревиатурах, например, дизайн проекта с первой, доминирующей качественной частью и последующей количественной будет обозначен следующим образом: QUAL->quant (КАЧ-> кол). И наоборот, с первой, доминирующей количественной частью и последующей качественной обозначение дизайна будет таким: qual —> QUANT (кач-> КОЛ). Существуют и варианты равного статуса обеих частей, в зависимости от их общей значимости последовательности они будут обозначены ориентировочно в такой логике: QUAL->QUANT (КОЛ->КАЧ), quant->qual (кол->кач).

нением драгоценных камней [Mason, 2011]. В рамках данного исследовательского подхода применяется множество «качественных» техник и методов. Также появился корпус работ, которые обозначают свою исследовательскую традицию как *Qualitatively-Driven Mixed-Method Research*, где цель исследования и вопросы должны носить индуктивный характер, а качественные данные доминируют [Morse, Cheek; 2014]. Качественный подход характеризуется многообразием жанров исследования, которые в последнее время именуется дизайнами: кейс-стади, нарративное исследование, обоснованная теория, феноменология, партисипаторное исследование (см. табл. 2).

Таблица 2

Дизайны, основанные на качественных данных¹

Характеристики	Нарративное исследование	Кейс-стади	Обоснованная теория	Феноменология	Партисипаторное исследование
Решаемая исследовательская проблема	Детальные истории помогают решить проблему	Решить проблему сможет информативный случай, ограниченный в пространстве и времени	Построение или адаптация существующих теорий	Понимание «живого» опыта индивидов о явлении	Сообществу необходимы изменения
Исследовательский вопрос	Хронологические/story-oriented: вопросы о жизненном опыте индивидов, его развитие во времени	Вопросы о развитии или глубоком понимании проблемы	Вопросы об опытах, протяженных во времени или изменениях, которые имеют стадии и фазы	Вопросы о сущности явления	Вопросы о том, как происходят изменения в сообществе

¹ См. подробнее об этой классификации здесь: [Creswell et al. 2007: 239–241].

Окончание табл. 2

Характеристики	Нарративное исследование	Кейс-стади	Обоснованная теория	Феноменология	Партисипаторное исследование
Дисциплинарное происхождение	Гуманитарные науки	Политические науки, медицина, юриспруденция	Социология	Психология, образование	Философия, социальные науки
Единица анализа	Один или несколько индивидов	Событие, программа, коллектив и др.	Процесс, действие, взаимодействие нескольких индивидов	Несколько индивидов, объединенных общим опытом	Отдельное сообщество
Форма сбора данных	Интервью, документы	Множественные интервью, наблюдения, документы, артефакты	Преимущественно интервью	Преимущественно интервью, документы, наблюдения, объекты искусства	Могут быть как качественными, так и количественными
Стратегия анализа данных	Хронология, элементы истории, restorying	Описание случаев и тем, анализ тем в разрезе различных случаев	Открытое, осевое и выборочное кодирование	Описание сущности явления, классификации, значения тем для индивидов	Сообщество вовлекается в анализ
Степень структурирования данных	Низкая	Средняя	Высокая	Достаточно высокая	Низкая

Помимо всего прочего, классификации исследовательских дизайнов, основанных на качественных данных, включают следующие виды [Chenail, 2017]:

- обычные дизайны (*Generic Designs*);
- этнографические дизайны;

- дизайны на основе обоснованной теории;
- феноменологические дизайны;
- кейс-стади дизайны;
- дизайны на основе нарративного анализа;
- дизайны на основе дискурс анализа;
- дизайны на основе вторичного анализа качественных данных;
- оценочные исследования;
- «метасинтетические» качественные дизайны (*Qualitative Metasynthesis Designs*);
- дизайны с различными стратегиями «смешивания» (*Mixed-Method Designs*);
- дизайны, предполагающие сотрудничество и развитие (включающие такие жанры проектов как *Action Research, Participatory Action Research, Appreciative Inquiry*);
- дизайны на основе анализа объектов искусства (*Arts-Based Research Designs*).

Отечественные исследователи, рассуждая о методологическом континууме, предлагают свое видение. «Итак, система координат, образованная осями качество / количество и статика / динамика, достаточно проста и в то же время действенна, поскольку позволяет: 1) определить место (координаты) интересующей методики, инструмента, парадигмы и 2) оценить их познавательные возможности и рамки интерпретации на основании известных свойств каждого континуума... Среди достоинств подчеркну лишь два: познавательное — удобство освоения нового метода или методологического подхода; и дидактическое — системность в преподавании методов и подходов методологии» [Веселкова, 2002: 31–32]. Татьяна Богомолова предлагает следующую классификацию дизайнов: «Те подходы, где ответ на этот вопрос считается первым и предопределяющим логику проектирования исследования шагом, я условно называю «стилевыми». Приверженцы стилевого подхода с характером необходимой информации тесно связывают стиль (вид, тип, характер) исследования, который ассоциируется с определенным дизайном. Подход, где вопрос про характер необходимой информации рассматривается как один из вопросов, на которые нужно ответить по ходу проектирования исследования, и ответ на него не жестко предопределяет ответы на другие важные вопросы, предлагаю называть «итерационным» или «процессным».

Для него свойственна динамичность, проектирование рассматривается как процесс [Богомолова, 2012: 8640–8647].

Современная исследовательская практика насыщена многообразием классификаций дизайнов: по типу / жанру исследования (лонгитюдный, кейс-стади, этнографический и др.), подходу (качественный, количественный), типу решаемых задач, данных, подходов к анализу и др. Такое многообразие исследовательских практик и новых решений, бесспорно, нуждается в упорядочивании. Однако дискуссия на уровне дизайнов сводится преимущественно к форме исследовательской деятельности, зачастую исследователи забывают о ее предметном содержании. Возможно, перспектива открывается не на уровне риторики о новых дизайнах, а в работе с предметной областью и способами сбора и анализа данных.

Библиографический список

- Богомолова Т. Ю.* Дизайн исследования в социальных науках: подходы и реализация [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Уфа, 23–25 октября 2012 г. М.: РОС, 2012. С. 8640–8647. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part73.pdf> (дата обращения: 12.06.2017).
- Брайман А., Белл Э.* Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. Харьков: Издательство Гуманитарный Центр, 2012. 776 с.
- Веселкова Н. В.* Система координат в методике и методологии // Социология в российской провинции: тенденции, перспективы развития. / Под ред. Б. Б. Багирова, Е. В. Грунта, А. В. Меренкова, Л. Л. Рыбцовой. Екатеринбург: УрГУ, 2002. Ч. I С. 26–32.
- Маликова Н. Н., Рыбакова О. В.* Дизайн и методы социологического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета, 2014. 234 с.
- Низгораев И. Н.* Методика систематических обзоров: Torgerson. Systematic reviews. London: Continuum, 2003 // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 169–175.

- Полухина Е. В., Просянюк Д. В.* Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // Политическая наука. 2015. № 2. С. 104–116.
- Савинская О. Б.* Стратегии смешивания методов (Mixed methods research): обзор современных дискуссий о формировании «методологического движения» // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. / Под ред.: В. А. Мансурова. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 8467–8475.
- Савинская О. Б., Истомина А. Г.* Понятийный аппарат стратегии смешивания методов: по материалам круглого стола // Социология: 4М. 2015. № 41. С. 142–149.
- Шматко Н. А.* Горизонты социоанализа [Электронный ресурс] // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 7–19. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/almanah-soc_anal_burdye-8l.pdf (дата обращения: 15.06.2017).
- Bourdieu P.* Distinction. A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984. 605 p.
- Bryman A.* Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 2016. 747 p.
- Chenail R. J.* Qualitative Research Design Resources [Электронный ресурс] // Nova Southeastern University, USA, 2017. URL: http://tqr.nova.edu/wp-content/uploads/2017/03/qrdesign_031417-1.pdf (дата обращения: 12.06.2017).
- Creswell J.* Research Design: Qualitative, Quantitative and Mix Method Approaches. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc. 2009. 259 p.
- Creswell J. W., Hanson W. E., Clark Plano V. L., Morales A.* Qualitative Research Designs: Selection and Implementation // Counseling Psychologist. 2007. Vol. 35. № 2. P. 236–264. DOI: 10.1177/0011000006287390.
- Hammersley M.* On «Systematic» Reviews of Research Literatures: a «Narrative» Response to Evans & Benefield // British Educational Research Journal. 2001. Vol. 27. № 5. P. 543–554. DOI: 10.1080/01411920120095726.
- Leech N. L., Onwuegbuzie A. J.* A Typology of Mixed Methods Research Designs // Quality & Quantity. 2009. Vol. 43. № 2. P. 265–275.

- Mason J.* Facet Methodology: The Case for an Inventive Research Orientation // *Methodological Innovations*. 2011. Vol. 6. № 3. P. 75–92. DOI: <https://doi.org/10.4256/mio.2011.008>.
- Mason J.* Mixing Methods in a Qualitatively Driven Way // *Qualitative Research*. 2006. Vol. 6. № 1. P. 9–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794106058866>.
- Morgan D.* Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc., 2014. 288 p.
- Morse J. M., Cheek J.* Making Room for Qualitatively-Driven Mixed-Method Research // *Qualitative Health Research*. 2014. Vol. 24. № 1. P. 3–5. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732313513656>.
- Savage M.* Social Class in the 21st Century. London: Pelican Books, 2015. 336 p.
- Tashakkori A., Teddlie C.* Mixed Methodology: Combining Qualitative and Quantitative Approaches. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc., 1998. 200 p.

Стратегии смешивания методов и вторичный анализ данных: точки пересечения и потенциал в изучении социальной мобильности¹

Введение

Сфера методического оснащения социологических исследований традиционно считается наиболее консервативной, однако и она реагирует на бурные изменения социума. Современному социологу приходится учитывать, что его «объект» живет в мире многообразия новых технологий, оказывающих влияние на формы коммуникации, восприятие пространства и времени, логику управления и контроля над повседневной жизнью. В связи с многогранностью и разным масштабом этих изменений возникает целый ряд методических проблем и возможностей, а также необходимость рассмотрения потенциала традиционных методов сбора и дальнейшего использования данных в новых социальных реалиях.

В данной статье мы предлагаем обозначить ряд вопросов методологической рефлексии по поводу относительно новых стратегий «смешивания» методов (*mixed methods research*) и относительно привычных стратегий вторичного анализа данных, а также

---

* Стрельникова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент Государственного академического университета гуманитарных наук. astrelnikova@hse.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории». Грант РНФ № 14-28-00217.

проиллюстрировать потенциал этих стратегий на примере проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (подробнее о методологии проекта см.: [Семенова и др., 2016]).

Для начала уточним используемые понятия. Термин «стратегии смешивания методов» обозначает различные варианты сочетания методов в одном исследовании, при котором за счет комбинирования сильных сторон одних методов и минимизации недостатков других достигаются более целостные, насыщенные результаты [Савинская и др., 2016]. Изначально идея «смешивания» подразумевала эффективное сочетание качественных и количественных методов, но в настоящее время, по нашему мнению, подобное комбинирование можно понимать более широко: сочетание различных групп методов, разных способов включенности исследователя в изучаемое явление и т.д. В свою очередь, термин «вторичный анализ данных» обозначает стратегию социологического исследования, при которой этап сбора данных полностью или частично заменяется поиском и дальнейшим использованием уже готовых материалов (вторичных данных), а в результате должны быть получены интерпретации и выводы, дополнительные или отличные от предоставленных в исходном отчете по исследованию [Стрельникова, 2008]. Использование вторичных данных является логичным и закономерным при проведении сравнительных, многоцелевых, междисциплинарных исследований.

Наша гипотеза о методологическом родстве стратегий смешивания методов и стратегий вторичного анализа данных базируется на том, что в каждой из них не только обозначены общие идеи комбинирования и воспроизводства данных, но и проявляются схожие проблемы нерефлексивного (т.е. вытекающего из логики исследовательского процесса) опыта использования при практически полном отсутствии их описания как самостоятельных методов или отдельных исследовательских стратегий. Отметим, что в российской социологической практике в целом направление анализа методологических основ зачастую находится на периферии исследовательских интересов [Татарова, 2006]. В то же время, развитие методологической рефлексии является одним из индикаторов состояния научной дисциплины в целом, а также неотъемлемой частью развития такого «частного» направления, как методология анализа данных (Г. Г. Татарова определяет ее как

обсуждение возможностей и ограничений различных видов данных, способов измерения, логики анализа данных [Татарова, 1999]). Можно предположить, что восприятие методологического подхода как самостоятельного направления влечет за собой методологическую рефлексию по его поводу, и наоборот.

Нерефлексивная практика использования исследовательских стратегий: институциональные предпосылки

Необходимо подчеркнуть, что представления и о стратегиях смешивания методов, и о вторичном анализе данных претерпели определенную эволюцию. В обоих случаях эта эволюция была связана с переосмыслением роли и функций данных стратегий: сначала они рассматривались скорее как вспомогательные (и даже сугубо технические) приемы работы с данными, затем появилась потребность в классификации моделей анализа данных (дизайнов), позволяющих проводить комбинирование методов и информационных ресурсов разными способами (например, сочетая качественные и количественные данные в одном исследовательском цикле [Полухина, 2014]). Однако процесс этого переосмысления является преимущественно западной, а не российской практикой.

Рассмотрим предпосылки недостаточного развития методологической рефлексии и «интуитивного» способа применения указанных исследовательских стратегий. Среди них на первом месте — теоретико-методологическая фрагментация социологического знания, нарастающий характер которой признается большинством исследователей [Collins, 1989] и чаще всего трактуется как индикатор «кризисного» состояния научной дисциплины: «нормальное состояние дисциплины предполагает достаточно высокую степень согласия ученых относительно проблем, методов, предмета исследования, а также норм поведения — всего того, что делает человека науки предсказуемым и налагает на него определенную дисциплинарную ответственность» [Батыгин, Девятко, 1994: 36]. Опираясь на эту точку зрения, можно заключить, что снижение степени согласованности методологических установок уменьшает эвристический потенциал исследовательского направления и создает препятствия

в функционировании научного сообщества в контексте эффективного и неэффективного обращения с исследовательскими данными.

На втором месте — дисбаланс этапов в развитии научного направления, подразумевающий уровень теоретического и организационного «оснащения», который, в свою очередь, влияет на характер исследовательской работы. Например, согласно модели четырех стадий развития научного направления по Н. Маллинзу [Маллинз, 2000], на начальном этапе преобладает работа с понятийным аппаратом и конструированием теорий, на втором этапе происходит интенсивный сбор данных и их последующий анализ, позволяющий получить первые результаты в рамках сформированной теории. Далее, на следующих этапах развития, появляется возможность систематизации накопленного знания, а также критики и уточнения базовой теории и методов. Согласно описанной логике, обоснованное (отрефлексированное) использование комбинированных методик сбора и анализа данных соответствует переходу научного направления на более высокую ступень развития. И наоборот, нерелексивное использование можно трактовать как «низший» этап развития.

Среди препятствий к использованию как стратегий смешивания методов, так и стратегий вторичного анализа данных можно также выделить трудности, возникающие при совместном использовании разнородных материалов, и трудности, связанные с определением уровня достоверности результатов, полученных предшественниками. В свою очередь проблема достоверности результатов включает в себя необходимость поиска таких источников, которые позволят получить достоверные данные, и поиск надежных методов (исследовательских процедур), которые обеспечивали бы достоверность результатов [Стрельникова, 2008]. Отметим, что эта проблема не была бы настолько острой, если бы существовало больше согласованности и доверия в профессиональном кругу исследователей.

Комбинирование данных, хранение данных, «бесконечность» исследования

Информационный ресурс эмпирического исследования в социологии может быть представлен первичными и вторичными источниками данных. Работа с вторичными данными подразумевает, что используется информация, которая была собрана и об-

работана кем-либо из предшественников, а само использование вторичных данных подразумевает признание роли их хранения и воспроизводства как важной функции научного знания [Стрельникова, 2013]. Таким образом, возможности для вторичного анализа непосредственным образом связаны с конструированием и использованием хранилищ исследовательских данных (архивов).

По источнику хранения можно выделить следующие категории архивов данных: личные исследовательские архивы, архивы исследовательских коллективов и организаций, национальные архивы, печатная форма хранения (публикации первичных материалов), архивы научных и образовательных учреждений, ресурсные центры. По форме доступа можно выделить архивы прямого доступа (локальные хранилища) и архивы удаленного доступа (онлайн-хранилища, доступные посредством сети Интернет). В хранилищах исследовательских материалов могут содержаться как исходные данные (числовые базы данных, транскрипты интервью), так и итоговые отчеты и аналитические работы, а также методики, использованные в исследованиях (способы конструирования выборки, гайды интервью, примеры анкет).

Согласно определению Б. Джонсона и А. Онвегбузи, «стратегия смешивания методов — это особый способ проведения исследования, в котором исследователь или группа исследователей сочетает элементы качественных и количественных исследовательских подходов (например, использование качественных и количественных оптик, процедур сбора и анализа данных и пр.) для всестороннего и глубокого анализа и решения широкого круга задач» [Johnson, Onwuegbuzie, 2004: 15]. В соответствии с этим определением, особенности использования и комбинирования данных аналогичны тем, что подразумеваются в сравнительных исследованиях и макроисследованиях: постановка и решение новых задач с опорой на «старые» (вторичные) данные; получение интерпретаций, дополнительных по отношению к основным результатам «первичного» проекта [Сычева, 1995; Dale, Arber, Proctor, 1988]. При этом выбор подходящих методов анализа определяется, исходя из характера данных (транскрипты интервью, дневники наблюдения, и т.д.) и предполагаемого формата, в котором должны быть отражены результаты исследовательской работы (статья, аналитическая записка и т.д.), т.е. финальный исследовательский продукт обуславливает выбор соответствующей стратегии.

Целый ряд западных авторов проблематизирует тематику использования данных, полученных предшественниками и работает над расширением сферы применения архивных информационных ресурсов. Заслуживает упоминания П. Томпсон и его коллеги, которые еще в 1998 г. написали полемичную статью «Почему вы сидите на своих качественных данных?», и тем самым положили начало дискуссии о возможности многократного использования данных, полученных качественными методами [Corti, Thompson, 1998]. Но, к сожалению, российские исследователи до сих пор практически не присоединились к этой дискуссии. Отметим, что обращение к различным источникам данных является неотъемлемым атрибутом сравнительных, многоцелевых, междисциплинарных исследований. Поэтому развитие практики хранения исследовательских материалов, пополнение уже существующих архивов данных и создание новых, и, в целом, доступность исследовательских архивов является одним из ключевых факторов в использовании вторичного анализа [Стрельникова, 2008]. Для стратегий смешивания методов этот фактор также является актуальным, особенно для стратегии последовательных вкладов [Morgan, 2014: 98–99].

Предположение о том, что ученый отказывается от идеи конечности исследования, воспринимая его как некий континуум, подразумевает не только готовность к неоднократному возврату к одним и тем же данным, но и постоянный поиск и привлечение новых данных с целью уточнения полученных выводов. Особенностью неоднократного использования данных является прохождение полного цикла интерпретаций, после которого может начаться виток обсуждений с новой исследовательской перспективы. Таким образом, мы получаем картину максимально полного использования (для данного исследователя и проекта); после этого, если ресурс качественный (полученный с соблюдением всех методологических правил), то можно ожидать его неоднократное использование [Стрельникова, 2008]. Эта идея лежит в основе как вторичного анализа (проверка сравнительных гипотез, организация специальных исследовательских стратегий, экономия ресурсов, совершенствование методического арсенала), так и в основе стратегий смешивания методов: ожидание, что использование различных методов даст прирост, больший, чем просто арифметическая сумма, или « $1+1=3$ » [Савинская, Истомина, 2015].

Потенциал использования стратегии смешивания методов и вторичного анализа в исследовании социальной мобильности

Определенный вклад в «бесконечность» исследования вносит возможность совместного использования данных как в случае со стратегиями смешивания методов, так и в случае вторичного анализа данных. «Комбинированный» исследовательский продукт чаще всего является коллективным, т.е. подразумевает участие команды исследователей, вплоть до масштабной совместной работы представителей разных стран и дисциплинарных направлений [Key facts..., 2014], что увеличивает число возможных интерпретаций и расширяет перспективы дальнейшего использования полученных результатов. Исходя из этой предпосылки, важным этапом работы над проектом «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» явилось создание исследовательского архива. Учитывая потребности научного коллектива проекта в постоянном обращении к данным, архив был создан для удаленного доступа на базе облачного хранилища Google-drive.

Исследовательский архив данного проекта представляет собой несколько взаимосвязанных частей. Во-первых, это вспомогательная часть — оцифрованный архив семейных историй проекта «Век социальной мобильности в России» (рук. Д. Берто и В. Семенова, 1991–1994 гг.). Большая часть этих данных не была ранее введена в научный оборот, поскольку нуждалась в восстановлении и группировке. Современные методы распознавания текстовых данных и включение их в архив позволили работать с этими материалами, причем как с точки зрения вторичного использования данных, так и с точки зрения методического комбинирования индивидуальных и семейных интервью. Во-вторых, возможности для реализации стратегии смешивания методов были заложены и на этапе сбора полевых данных, включенных в основную часть архива. Это структурированные первичные данные о мобильности различных поколений россиян в возрасте от 25 до 70 лет, полученные в ходе эмпирического исследования [Семенова и др., 2016], состоящего из двух этапов: количественного («Проект-2015») и качественного («Интервью-2015»). Внутренняя структура этой части архива

соответствует логике полевой работы и содержит в себе аудиофайлы, транскрипты, отборочные анкеты, бланки согласия респондентов, рисунки, фотоматериалы и иную информацию. Отметим, что в целях соблюдения этических норм и конфиденциальности данных при создании архива важно разграничить доступ к тем или иным материалам. Например, в нашем архиве ряд данных доступен только исследовательскому коллективу, а транскрипты, подготовленные для публичного использования, имеют некоторые сокращения, что обусловлено соблюдением конфиденциальности данных.

Благодаря данному архиву, потенциал использования стратегии смешивания методов и стратегии вторичного анализа можно обозначить следующим образом: работа со сравнительными схемами анализа (содержательный аспект) и работа с многометодным ресурсом (методический аспект). Вспомогательная часть архива может использоваться для построения сравнительного исследования, поскольку ее материалы служат историческим фоном для анализа стратегий преодоления социальных ограничений в разные периоды советского и постсоветского времени. Основная часть архива дает возможность сопоставить возможности и ограничения примененных методов сбора данных для текущей ситуации социальных перемещений и их субъективного восприятия, причем как по отдельности (опираясь на массовый анкетный опрос, биографическое интервью, рисуночную методику), так и в «смешанном» дизайне. Таким образом, одновременное наличие в архиве количественных данных (база массового опроса) и качественных данных (аудиофайлы интервью, транскрипты, рисунки респондентов) обеспечивает возможность для комбинирования этих материалов при анализе данных.

Выводы

Стратегии смешивания методов и вторичный анализ данных роднят такие характеристики, как готовность к постоянному возврату к одним и тем же данным, привлечение новых данных с целью уточнения интерпретации, т.е. отказ от идеи «конечности» исследования и формирование представлений об исследовании как о континууме источников, методов и интерпретаций. Поскольку в рос-

сийской практике эти стратегии воспринимаются как нечто «само собой разумеющееся», то их техническое и теоретико-методологическое развитие происходит медленно. При этом неэффективное использование исследовательских данных порождает проблемы в развитии методологической рефлексии в сфере анализа данных, а само наличие подобной рефлексии и ее глубина являются индикаторами институционального благополучия научного сообщества.

В соответствии с гипотезой о «незримом колледже», на развитие или упадок той или иной исследовательской области влияет небольшая группа продуктивных ученых: связанные между собой неформальными контактами они задают направление для актуальных научных разработок. Поэтому необходимо формирование и поддержание «незримого колледжа» по стратегиям, «ускользающим» от методологической рефлексии и имеющим высокий потенциал для использования.

Библиографический список

- Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о качественной социологии // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
- Маллинз Н.* Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структура и институты. Сб. переводов с англ. и нем. яз. / Под ред. Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. С. 257–282.
- Полухина Е. В.* Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму // Социология, естествознание, общество. Сб. научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». Москва, 12–13 декабря 2014 г. / Отв. ред. Н. Е. Покровский. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов»; ООО «Вариант», 2014. С. 137–142.
- Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д.* Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.

- Савинская О. Б., Истомина А. Г.* Понятийный аппарат стратегии смешивания методов: по материалам круглого стола // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 41. С. 142–149.
- Семенова В. В., Рождественская Е. Ю., Полухина Е. В., Стрельникова А. В.* Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 143–164.
- Стрельникова А. В.* Архивы данных // Тезаурус социологии. Книга 2. Методология и методы социологических исследований / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 300–302.
- Стрельникова А. В.* Неполное использование социологических данных: три уровня рассмотрения проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2008. № 2. С. 275–288.
- Сычева В. С.* Метод вторичного анализа // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 128–131.
- Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTA BENE, 1999. 224 с.
- Татарова Г. Г.* Методологическая травма социолога: к вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
- Johnson B., Onwuegbuzie A.* Mixed Methods Research: A Research Paradigm Whose Time Has Come // Educational Researcher. 2004. Vol. 33. № 7. P. 14–26.
- Collins R.* Sociology: Prescience or Antiscience? // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. P. 124–139.
- Corti L., Thompson P.* Are You Sitting on Your Qualitative Data? Qualidata's Mission // International Journal of Social Research Methodology. 1998. № 1 (1). P. 85–89.
- Dale A., Arber S., Proctor M.* Doing Secondary Analysis. L.: Unwin Hyman, 1988.
- Key Facts about the Survey of Adult Skills, 2014. [Электронный ресурс] // OECD [веб-сайт]. URL: http://www.oecd.org/site/piaac/Key_facts_about_the_Survey_of_Adult_Skills.pdf (дата обращения: 02.07.2017).
- Morgan D.* Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Thousand Oaks, California: SAGE Publications Inc, 2014. 272 p.

Контент-анализ письменных заявок на конкурс инноваций в образовании¹

Введение

Метод контент-анализа сегодня приобретает все большую актуальность. Мир становится цифровым, возрастают объемы текстовой и визуальной информации, доступной для анализа. Радикальные сторонники метода говорят о том, что в будущем контент-анализ заменит традиционные опросные методы, ведь потребность спрашивать человека о его мнении исчезает, если он сам про себя рассказывает в социальных сетях и на форумах [Neuendorf, 2016: 2].

Однако контент-анализ все еще менее популярен, чем традиционные опросные методы. Отчасти это связано с тем, что отсутствует систематическое изложение требований и рекомендаций относительно того, как организовать исследование таким образом, чтобы процедура приводила к достоверным результатам. В случае контент-анализа этап анализа данных фактически неотделим от их сбора — этап обработки предполагает большое количество таких решений, которые в итоге могут привести к разным данным, а следовательно, и к разным результатам.

---

* Андреева Анастасия Александровна, студентка 4 курса департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). nastiaandr1771@gmail.com.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17–03–00837. Автор работы признателен научным руководителям Д. О. Королевой и Т. Е. Хавенсон за идейное вдохновение, помощь и комментарии на всех этапах проведения исследования.

Данная статья посвящена разбору методологических решений, предпринятых в рамках контент-анализа письменных заявок на Конкурс инноваций в образование (далее — КИВО). Представляется, что детальное описание процедуры и рефлексивное осмысление угловых методологических решений, а также трудностей, возникших в ходе проекта, может стать руководством для будущих исследований. Во-первых, в данной работе показано, как выбор в пользу той или иной процедуры обуславливается исследовательским запросом и характером доступных эмпирических данных. Во-вторых, изложены методологические детали каждого из этапов. Процедуру анализа можно разделить на три этапа в зависимости от того, какая первостепенная задача стоит перед исследователями. На первом этапе необходимо выделить концепты, а также наполнить их категориями. Второй этап сфокусирован на разработке схемы кодирования (на описании критериев и алгоритма кодирования данных), а также — на выстраивании администрирования процесса. И, наконец, третий этап включает в себя собственно процесс придания кодовых значений переменным.

Эмпирическая база исследования и тип процедуры

Конкурс инноваций в образовании (далее — КИВО) проводится институтом образования НИУ ВШЭ начиная с 2014 г. Цель конкурса — привлечь в сферу образования новые идеи и людей, способных эти идеи воплотить. Спонсоры и партнеры конкурса осуществляют финансовую поддержку, экспертизу, помощь в продвижении и PR инновационных проектов. На первом этапе осуществляется сбор онлайн-заявок, в которых участникам предлагается ответить на ряд закрытых и открытых вопросов относительно проекта, подаваемого на конкурс¹. В 2015 г. на КИВО поступило 687 заявок, которые и составили эмпирическую базу нашего исследования. Следует отметить ряд особенностей этой базы данных, что непосредственно отразилось на принятии решений относительно процедуры кодирования.

---

¹ Более подробно об условиях конкурса см.: URL: <http://kivo.hse.ru> (дата обращения: 24.07.2017).

Во-первых, анкетные вопросы в заявках были разработаны с целью отбора участников, а не с исследовательскими целями. Исследовательские вопросы были разработаны позднее на основе уже существующей базы заявок. Это определяет специфику анализа: выделение концептов и их операционализация происходили на основе уже имеющихся «сырых» данных, а именно ответов участников, которые были представлены в заявках. Здесь мы следовали индуктивной стратегии исследования [Potter, Levine-Donnerstein, 1999: 269–271].

Во-вторых, говоря о структуре заявки, нужно пояснить, что она состоит из 10 тематических блоков, которые включают в себя 26 полей с вопросами закрытого и открытого типов. Открытые вопросы можно условно разделить на две группы: вопросы, для ответа на которые необходимо было вставить несколько слов или дать краткий ответ, и вопросы, которые располагали к расширенному ответу нарративного характера. К открытым вопросам относятся «основная идея проекта» и «преимущества и ресурсы команды», ограничение по которым было сравнительно большим — 150 слов. Вследствие того, что данные вопросы являются достаточно широкими, они задают только некоторую фокусировку, но о чем писать и какую формулировку использовать — во многом остается на усмотрение самого отвечающего. Обычно это руководитель проекта, если проект командный, или сам автор, если проект предполагает одного участника. Поэтому, с одной стороны, было достаточно сложно написать четкую инструкцию, где и какую информацию «ловить», с другой стороны — такие вопросы представляют возможность респондентам поделиться важной для них информацией. Вопросы, включенные в заявку, предполагают «на выходе» и числовую, и текстовую информацию, ведь в связи с желанием сопоставить эту информацию между собой, появляется задача привести ее к одному виду. В этом случае оказывается полезен контент-анализ как метод преобразования качественных данных в числовые коды [Тичер и др., 2009: 89].

В-третьих, хотелось бы отметить большой объем доступной информации. Количество участников конкурса превысило 650, что сделало анализ затратным по времени и ресурсам. В-четвертых, если воспользоваться упрощенной классификацией текстов из теории семантики, можно отметить, что также, как и транскрипты

интервью, письменные заявки на конкурс являются некоторым промежуточным случаем между риторическими и стилистическими текстами. С одной стороны, их формулировки включают ответы на одни и те же вопросы, причем, более ожидаемым является строгое и понятное, нежели метафоричное и художественное изложение. С другой стороны, ответы участников конкурса далеки, например, от научных текстов, которые используют ограниченный круг терминов и понятий со строго определенными формулировками [Олейник, 2009: 69]. Фактически это означает, что легитимным является применение как ручного кодирования, так и автоматизированных процедур контент-анализа.

Исследовательские вопросы и тип процедуры

В рамках исследования стояла цель описать содержание инновационных предложений, формирующих новую социальную нишу. База заявок конкурса инноваций в образовании представляет уникальную «концентрацию» проектов, действующих или запланированных к реализации в поле низовых инноваций современного российского образования. В условиях полного отсутствия информации о низовых инновациях в образовании в России описание проектов участников конкурса позволит прояснить ситуацию.

Выбор индуктивной логики исследования обуславливается несколькими соображениями. Во-первых, слабой разработанностью темы, что выражается в том, что исследования в области инноваций, как правило, лежат за пределами сферы образования. Во-вторых, с содержательной точки зрения, а именно, что исследование направлено на разведывательное описание социального феномена инновационной активности через выявление сути инновационных проектов, скорее предполагает построение «укоренной в данных» теории, нежели проверку содержательных гипотез. В этом смысле наше исследование ближе к качественному подходу. Но необходимость при этом выделить типичные характеристики инноваций в образовательной сфере в современной России предполагает использование элементов количественной логики исследования. Роль исследователей достаточно велика как в процессе построения схемы кодирования, так и ее применения, что опять же классифи-

цирует наше исследование как качественное. Однако то, что интерпретация не сводится к герменевтическому кругу, но, по сути, представляет собой измерение, отсылает нас к количественной логике. Все это в совокупности позволяет определить наше исследование как «смешанное» [Teddlie, Tashakkori, 2015: 15].

В процессе выбора между ручным кодированием и автоматической процедурой (САТА) принимались во внимание следующие моменты. Во-первых, задача не сводилась к фиксации упоминаний, т.е. так называемого манифестного контента. Предполагалось вычленить из текста латентный смысл, поэтому ручное кодирование оказалось более привлекательным.

Во-вторых, вручную мы можем захватить характеристику, выраженную не только конкретным кодом, но и другими словами, имеющими такой же смысл. Напомним, что участие в конкурсе принимали люди разных возрастов, профессиональной принадлежности, географии проживания и т.д., что приводит нас к предположению о том, что лексика, которую они используют, разнится от случая к случаю. В этом смысле, использование автоматического кодирования связано с потерей значительного количества информации.

В-третьих, в процессе анализа у кодировщиков есть возможность обратиться к внешней информации. В качестве примера поясним, как происходил процесс придания кода для концепта «аналоги». Здесь мы не только фиксировали декларацию наличия аналогов, предшественников и конкурентов, но и разделяли их на иностранные и локальные. В случае, если какие-то конкуренты были упомянуты, мы проверяли в поисковой системе страну их регистрации. Так как отдельной базы по всем организациям не существует, можно представить, насколько сложно запрограммировать процесс ее поиска.

С другой стороны, в сравнении с САТА наш анализ более трудоемок. Выбор в пользу ручного кодирования связан с привлечением дополнительных человеческих ресурсов, расширение команды поднимает такие новые вопросы, как необходимость администрирования, эффективность коммуникации, мотивирование участников и т.д. Здесь же нужно отметить тот факт, что ручное кодирование более затратное по времени, однако сроки нашего проекта позволяли уместить в себя такую процедуру. При этом то,

что релевантность «смысла» коду оказывается на усмотрении самого исследователя, неизбежно поднимает вопрос валидности исследования [Krippendorff, 2013: 266].

Общая схема процедуры

Команда проекта имела трехуровневую структуру. Исследователи-аналитики осуществляли процесс кодирования. Исследователи-супервайзеры администрировали процесс, сводили оценки кодировщиков. Исследователи-руководители осуществляли мониторинг исследования, оставляя за собой право принятия ключевых решений.

На *первом этапе* было необходимо выделить концепты на основе имеющихся «сырых» данных. Задача сводилась к тому, чтобы сначала охватить кодированием максимальное количество информации, а потом аналитически выделить типические конструкты. Для этого мы изучили первые 10 заявок, на основе которых была составлена предварительная схема кодирования. То есть из данных были выделены коды и подкоды, отражающие то или иное интересующие нас явление. Далее, если какая-то информация не укладывалась в выделенные на первом этапе категории, мы добавляли новые, до достижения «насыщенности». «Насыщенность» выражалась в том, что сформированные коды покрывали максимально возможную часть информации, содержащуюся в заявках, а, значит, не было необходимости добавлять новые коды. Вплоть до завершения анализа мы кодировали «с открытыми глазами», т.е. оставляли возможность добавления категорий, тем самым не опасаясь, что какой-то важный концепт упущен только потому, что оказался в последних заявках в базе данных. С другой стороны, часть переменных в процессе кодирования были исключены. В ряде случаев становилось очевидным, что распределение респондентов по некоторым переменным крайне неравномерное, т.к. информация, которая подтолкнула нас к созданию этих кодов, является настолько уникальной, что не представляет интереса в рамках обобщенного анализа.

Одним из требований осуществления валидного анализа является осуществление кодирования участниками проекта, которые не были вовлечены в разработку программы исследования и схемы

кодирования [Lacy et al., 2015: 802]. Поэтому в проект были вовлечены студенты первого и второго курсов нескольких факультетов НИУ ВШЭ. И задача *второго этапа* выражалась в необходимости разработать схему кодирования, было необходимо создать алгоритм, который позволял бы принимать решение о назначении кода. Мы разделили переменные в зависимости от того, манифестное или латентное значение они предполагают, и установили критерии, следуя логике этой классификации [Potter, Levine Donnerstein, 1999: 258].

Алгоритм кодирования манифестных переменных сводился к фиксации упоминания смысловых значений, которые однозначно определены, или к занесению информации, которая легко считывается (например, количество участников или язык названия проекта). В случае латентных переменных алгоритм кодирования представляет собой операционализацию понятия, которая поясняет, какие индикаторы могут помочь кодировщику в соотнесении характеристик проекта с паттернами. В данном случае мы пытались передать саму «идею» паттерна, которую сложно выразить конкретными инструкциями, т.к. она латентна, но это возможно осуществить через пояснение логики на конкретных примерах [Potter, Levine Donnerstein, 1999: 259].

При этом для того, чтобы исследователи-аналитики интерпретировали логику схемы кодирования, было решено, что исследователи-супервайзеры, которые разрабатывали схему кодирования и в этом смысле являются экспертами, комментировали эталонное значение кода в случае расхождения. Кроме того, исследователи-аналитики могли обратиться к ним с любыми возникшими вопросами.

Третий этап представлял собой непосредственно процесс осуществления кодирования. Был составлен график: весь процесс мы разделили на 14 приблизительно равных по времени подэтапа, которые назывались волнами, при этом в ходе исследования количество текстов для кодирования на одного человека увеличивалось от волны к волне. Так, мы начали с трех заявок на человека и достигли уровня 25 заявок во время последней волны. Это связано с тем, что в процессе обучения кодировщики тратили все меньше и меньше времени на одну заявку, поэтому могли справиться с относительно большим объемом.

Проверка согласованности оценок возможна только в случае как минимум двух независимых оценок [Krippendorff, 2003: 326]. Поэтому каждая заявка кодировалась двумя исследователями-аналитиками, при этом пары составлялись случайным образом и информация о том, кто работает в паре, была относительно закрыта. Затем результаты кодирования сводились и перепроверялись исследователями-супервайзерами на предмет расхождений. Поскольку проект был достаточно «растянут» во времени, надежность кодирования могла изменяться, а, значит, недостаточным представляется единичная проверка на этапе пилотажа, поэтому мы осуществляли перепроверку на протяжении всего проекта [Peter, Lauf, 2002: 815].

Спорные моменты, которые вызывали затруднения в интерпретации, разрешались в результате консенсуса на общих обсуждениях. Речь здесь идет об «экстремальных» случаях, которые являются скорее исключением, нежели правилом. В целом это не противоречит требованию независимости оценок еще и потому, что обсуждения происходили уже после того, как индивидуальные оценки были сделаны.

По итогам квантификации, выделено более 50 понятий, основные из них:

1. Тип инновации — степень новизны идеи: изменение или улучшение существующих в системе образования продуктов или услуг, или создание принципиально нового.
2. Целевая аудитория проекта — основные пользователи услуги или продукта, создаваемых в рамках инновационного проекта.
3. Сфера образования, в рамках которой реализуется инновационный проект (например, дошкольное образование или высшее образование).
4. Основные задачи, на которые направлен инновационный проект: воспитание, улучшение жизни людей, мотивация, повышение эффективности организации.
5. Результат проекта — продукт, который планируется получить на «выходе», форма реализации инновации.
6. Ряд переменных, раскрывающих преимущества и ресурсы команды «инноваторов» — опыт в области системы образования, реализации бизнес проектов, работы с IT-технологиями, поддержка со стороны государства или профессионального сообщества, компетентность участников и др.

Данная работа нацелена на описание методологических решений исследования, а не содержательных результатов, поэтому мы ограничимся лишь таким кратким описанием полученных концептов. Отметим лишь, что полученные переменные позволили нам в будущем агрегировать информацию о том, какое содержание имеют инновационные проекты в области образования и рассмотреть различные типы инноваций.

Заключение

В целом нам удалось предложить стратегию квантификации качественной текстовой информации, которая приводила бы к данным, пригодным для количественного анализа. Мы разработали схему кодирования, исходя из информации, содержащейся в большинстве заявок. Коды и подкоды корректировались до наступления момента «насыщения», когда информация, которую содержали последующие заявки, «укладывалась» в выделенные категории. Каждая заявка была проанализирована парой кодировщиков независимо друг от друга. Далее результаты анализа сводились, расхождения и «сложные» места рассматривались повторно, что повышало согласованность и надежность результатов.

В вопросах выбора в пользу конкретной процедуры контент-анализа следует исходить из содержательных соображений и характера данных. Так, нам было необходимо проанализировать большой объем информации, которая представляла собой как ответы на вопросы множественного выбора, так и тексты ответов на открытые вопросы. Желание ухватить суть проектов может быть реализовано в рамках качественной логики исследования, но необходимость при этом выделить типичные характеристики инноваций предполагает использование элементов количественной логики исследования, что отсылает нас к использованию «смешанной» стратегии. Так как нам было необходимо захватить характеристику, выраженную не только конкретным кодом, но и другими словами, имеющими тот же смысл, более релевантной оказалась процедура ручного кодирования, что делало наш анализ более трудоемким, но позволяло получить латентную информацию.

Представляется, что вышеописанная процедура квантификации может быть востребована как социологами, так и учеными из смежных областей. Сегодня саморепрезентация себя в виртуальной реальности становится повседневной активностью все большего числа людей, что представляет собой обширное поле для социальных исследований. Кроме того, с переходом к электронной документации, метод контент-анализа представляется актуальным для проектов в сфере социологии медицины, организаций, управления и государственной службы.

Библиографический список

- Олейник А. Н.* Триангуляция в контент-анализе. вопросы методологии и эмпирическая проверка // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 65–79.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веммер Е.* Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. А. А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
- Krippendorff K.* Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 2013. 456 p.
- Lacy S., Watson B. R., Riffe D., Lovejoy J.* Issues and Best Practices in Content Analysis // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2015. Vol. 92. № 4. P. 791–811.
- Neuendorf K. A.* The Content Analysis Guidebook Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 2016. 456 p.
- Peter J., Lauf E.* Reliability in Cross-National Content Analysis // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2002. Vol. 79. № 4. P. 815–832.
- Potter W. J., Levine-Donnerstein D.* Rethinking Validity and Reliability in Content Analysis // Journal of Applied Communication Research. 1999. Vol. 27. № 3. P. 258–284.
- Teddle C., Tashakkori A.* A General Typology of Research Designs Featuring Mixed Methods // Research in the Schools. 2006. Vol. 13. № 1. P. 12–28.

Павел Сушко*, Екатерина Митрофанова**, Алена Артамонова***

Модели миграционных биографий россиян: новые интерпретационные схемы¹

Введение

В современном мире одним из ключевых факторов изменений демографических структур того или иного населения выступает миграция. Во многом именно за счет миграции формируется как качественный, так и количественный состав населения, задается его динамика и основные тенденции развития. Исследованию миграци-

---

* Сушко Павел Евгеньевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, участник Научно-учебной группы «Модели и методы анализа демографических последовательностей» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). sushkope@mail.ru.

** Митрофанова Екатерина Сергеевна, магистр социологии, младший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ, преподаватель кафедры демографии НИУ ВШЭ, соруководитель научно-учебной группы «Модели и методы анализа демографических последовательностей» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). mitrofanovy@yandex.ru.

*** Артамонова Алена Вячеславовна, магистр социологии, участник Научно-учебной группы «Модели и методы анализа демографических последовательностей» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). aluona89152694371@yandex.ru.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 16-05-0011 «Разработка и апробация методик анализа демографических последовательностей» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

онных процессов посвящено значительное количество научных работ. Однако далеко не везде миграцию рассматривают в контексте жизненного пути, как явление, обусловленное целым набором социально-демографических событий, выступающих катализатором территориальных перемещений. При этом существует дефицит комплексных исследований миграции как многоаспектного процесса, предполагающего смену не только пространственных локаций, но также и изменения в социально-статусных позициях индивида, что, по большому счету, отправляет нас к изучению миграционных биографий, позволяющих глубже осмыслить целый комплекс социально-экономических, социокультурных, политических и прочих проблем.

Исследование миграционных биографий позволяет нам приблизиться к пониманию общих проблем миграционной мобильности, расширяет возможности для определения паттернов наступления тех или иных миграционных событий, а также для интерпретации особенностей демографического поведения в зависимости от поколения, пола, уровня образования, места проживания, религиозности и прочих характеристик. Миграция может рассматриваться в качестве индикатора различных социальных трансформаций.

К вопросу о структуре миграционных биографий

Акцент на изучении миграционных биографий позволяет сфокусироваться на поворотных этапах в жизни людей и соединиться с социально-культурным и историческим контекстом, позволяющим целостно оценивать причины тех или иных миграционных движений, а также показывать связь и отношения между миграцией и временной мобильностью. Миграционные биографии содержат ключевую информацию о перемещении людей, в них фиксируются события, уже произошедшие в жизни мигрантов, которые в той или иной степени оказали влияние на его социальное положение и статус.

При этом необходимо учитывать, что последовательность наступления социально-демографических событий у представителей различных поколений может иметь свои особенности. В ряде работ успешно изучаются отдельные миграционные события, однако существует необходимость перехода от точечного анализа к исследованию совокупностей всех событий, происходящих в тех или иных сферах жизни.

Под миграционной биографией мы будем понимать пространственные перемещения индивида на протяжении всего жизненного пути, образующие в совокупности индивидуальную миграционную траекторию. Цель нашего исследования состояла в анализе миграционных биографий россиян с точки зрения ключевых мотивов переезда. Мы пытались проанализировать структуру миграционного процесса с выявлением основных характеристик, которые определяют тип и скорость социальной мобильности индивида.

Стоит отметить, что взгляд на миграцию в рамках концепции жизненного пути представлен в работах С. Клей и К. Малдер, писавших о миграционных перемещениях как динамических и вероятностных процессах, интенсивность которых на разных этапах жизненного пути проявляется неодинаково [Mulder, Kley, 2010]. А ключевым факторам миграции на разных этапах жизни посвящены работы Р. Вислера и его коллег [Whisler et al., 2008]. Влиянию переездов на формы занятости и структуры различных человеческих капиталов уделяется внимание в трудах Д. Робисон, Р. Моен [Robison, Moen, 2000].

Рассматривая пространственные перемещения индивидов, мы принимаем во внимание не только их территориальную миграцию, но и изменение социальных позиций индивида. При этом нас интересует вопрос о влиянии миграции на статусную консистентность, изучение которой представляет собой также важную научно-методологическую задачу [Богомолова, Саблина, 1997; Ленски, 2003]. Фокусировка на том, каким образом переезды по тем или иным причинам формируют экономический, политический и социальный статус индивида, позволит объяснить ключевые тенденции в изменениях социальной структуры современного российского общества.

Миграционные биографии как последовательности событий

При исследовании миграционных биографий может возникнуть ряд специфических вопросов:

- Какие наиболее типичные миграционные события случались первыми у представителей того или иного поколения?
- Существуют ли гендерные отличия в миграционных биографиях при наступлении того или иного социально-демографического события и как они влияют на демографическое поведение индивидов?

- Существуют ли закономерности в наступлении тех или иных событий, есть ли какие-либо устойчивые паттерны, которые не фиксируются на первый взгляд?
- Есть ли связь между наступлением первого и последующих событий, возможно ли на этой основе строить прогнозы в миграционном поведении тех или иных социально-демографических групп?

Метод *Sequence analysis* позволяет нам в некоторой степени решить эти вопросы. Исходя из существующих наборов статусов и миграционных событий, мы можем предсказывать следующие события и находить важные паттерны в миграционных биографиях, чего не могут нам дать стандартные демографические методы. По этой причине анализ демографических последовательностей приобретает все большую популярность среди исследователей-демографов [Abbott, 1995; Billari, 2001; Brzinsky-Fay, 2006; Aisenbrey, 2010; Cornwell, 2015].

Демографическое поведение россиян в последнее время претерпело много трансформаций, которые также отразились и на их миграционных биографиях. Эти изменения хорошо прослеживаются на первых этапах миграционного пути особенно среди молодежи, что дает нам возможность проводить сравнение биографий в поколенческом разрезе. Исходя из этого, ключевой задачей станет демонстрация этих изменений, а также фиксирование новых правил и паттернов в миграционном поведении.

Анализируя пространственные перемещения россиян, мы опираемся на ретроспективное обследование «Человек, семья, общество» (ЧСО)¹, поскольку оно содержит информацию о разных событиях жизненного пути с точностью до месяца. В рамках этого исследования было опрошено 9557 респондентов (45,3% — мужчины, 54,7% — женщины). Отбор респондентов осуществлялся путем построения многоступенчатой стратифицированной районированной выборки, обеспечивающей с 5%-й погрешностью репрезентативность данных для населения России старше 18 лет.

---

¹ Ретроспективное обследование «Человек, семья, общество» было проведено Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2013 г. на общероссийской выборке. Обследование предоставляет ценную информацию о территориальной мобильности, образовательных и трудовых стратегиях, материальном положении и пенсионном поведении населения.

Основные модели миграционных биографий

Начнем с того, что рассмотрим, в каких последовательностях¹ наступают у респондентов следующие события: переезд по образовательным причинам, переезд с целью трудоустройства или поиска работы, завершение обучения, первое трудоустройство. Данные статусы выбраны из базы ЧСО.

После группировки событий в статусы на основе первых трех событий в жизни респондента, каждому статусу был присвоен свой цветовой код², необходимый для построения хронограмм, а также задано буквенное обозначение — для извлечения частотных таблиц. При этом отметим, что у некоторых групп респондентов к моменту опроса фиксируемых жизненных событий еще не наступило, что формирует в наших хронограммах область «цензурирования». Это также будет означать, что все показатели среднего или медианного возраста будут занижены в сравнении с итоговыми показателями (после того, как произойдут все события) для данного поколения.

К примеру, на рисунке 1 показаны хронограммы, касающиеся гендерных особенностей в миграционных биографиях россиян. Хронограмма представляет собой графическое изображение долей опрошенных, находящихся в том или ином статусе к конкретному моменту времени. Ось абсцисс является в нашем случае временной осью и отражает отрезок времени от 15 до 35 лет с точностью до месяца. Данный временной период был взят, исходя из миграционной активности респондентов. Наиболее интенсивно респонденты переезжают именно в молодых возрастах [Голенкова, Сушко, 2016: 100]. В чтении хронограмм также есть свои особенности. Так, сравнение разных статусов или цветовых групп нужно осуществлять не относительно друг друга, а с учетом того, какая высота отрезка,

---

¹ Методологические особенности построения хронограмм детально разрабатываются коллективом научно-учебной группы НИУ ВШЭ под руководством Е. С. Митрофановой и Д. И. Игнатова, которые в рамках проекта «Модели и методы анализа демографических последовательностей» исследовали наступление различных социально-демографических событий среди различных поколений россиян [Ignatov et al., 2015].

² В рамках данного сборника мы не имеем возможности показать цветные обозначения, но обозначим на хронограммах все необходимые траектории.

проведенного вертикально, была характерна ранее для данного цвета. По сути, мы проводим сравнение динамики долей респондентов, находящихся в том или ином статусе, с течением времени.

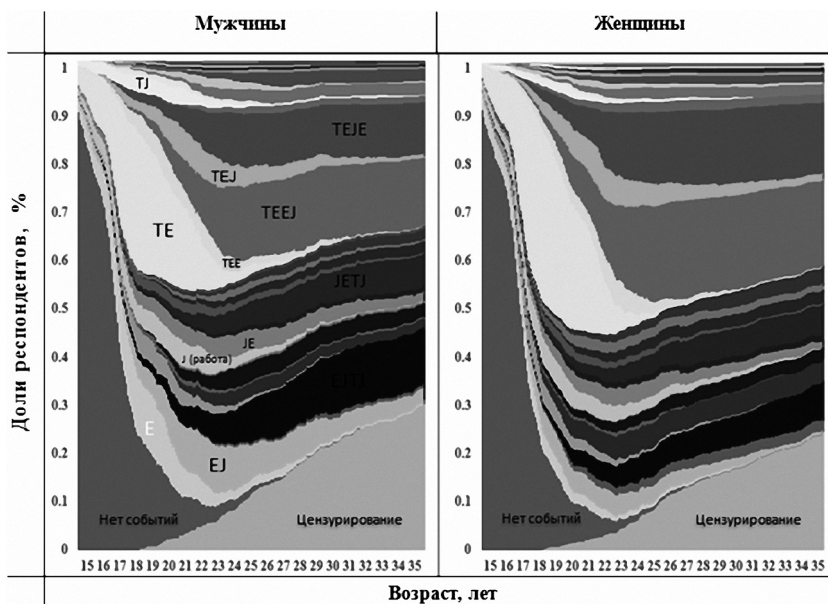

Рис. 1. Хронограммы для мужчин и женщин¹

По данным хронограмм мы видим, что область цензурирований у мужчин несколько больше, чем у женщин. Это говорит о том, что среди мужчин чаще встречаются те, у кого миграционных событий еще не было, либо они произойдут позднее. При этом у мужчин наблюдается следующая последовательность вероятных событий: они чаще сначала получают образование, находят работу, а затем переезжают в поисках другой или новой работы. В то же время у женщин миграционный путь чаще начинается с получения образования, в то время как мужчины мигрируют по трудовым причинам и лишь затем завершают обучение. Кроме того, у мужчин общая интенсивность наступления миграционных событий в воз-

¹ На данном графике указанные статусы имеют следующие обозначения: E — завершение образования; J — первое трудоустройство; TE — переезд по причине получения образования; TJ — переезд по причине трудоустройства.

расте от 18 до 24 лет ниже в сравнении с женщинами. А если рассматривать наиболее устойчивые паттерны переездов, то среди мужчин к 35 годам наблюдается следующая траектория: они начинают свою карьеру с получения образования, заканчивают его, либо совмещают с работой, а затем совершает миграцию за новой работой, расцениваемую ими уровнем и статусом выше прежней.

В то же время у женщин прослеживается большее разнообразие в миграционных биографиях. Для них характерно то, что, начиная миграционный путь с образования, последующие события происходят намного интенсивнее, чем у мужчин. К возрасту 35 лет среди женщин выше доля тех, чьим первым событием была именно образовательная миграция. При этом мы наблюдаем две основные последовательности: либо после получения образования они трудоустраиваются, а затем снова переезжают в целях повышения своего образовательного уровня; либо они мигрируют по образовательным мотивам и в последующем трудоустраиваются.

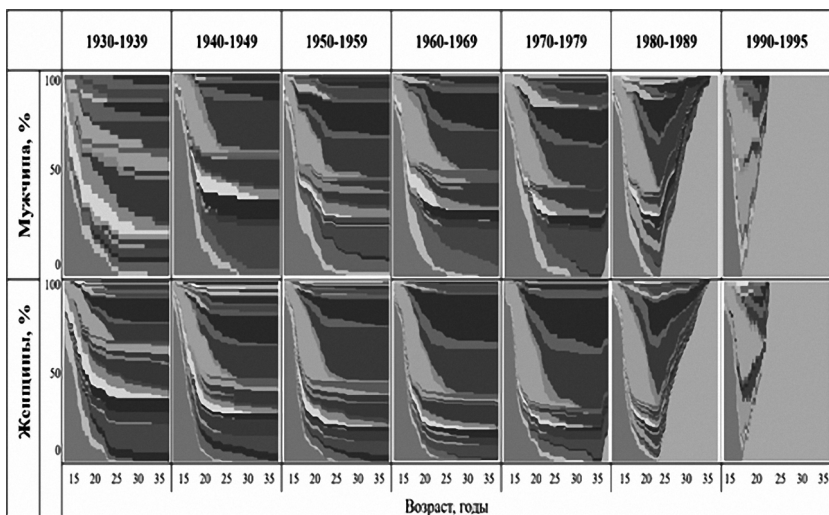

Рис. 2. Хронограммы в разрезе пола и поколений.

Аналогичную процедуру мы провели для определения последовательностей событий на поколенческом уровне (рис. 2.). Мы видим, что происходит откладывание событий при движении от пожилых к молодым поколениям. Также в силу возраста у двух

самых младших поколений существенно больше цензурированных. Кроме того, мы можем заметить некоторую ступенчатость хронограмм для самых старших поколений (в особенности для лиц 1930–1939 г.р.), что обусловлено малым представительством этой группы в базе данных ЧСО.

Тем не менее, мы можем выделить наиболее существенные поколенческие черты в миграционных биографиях.

Так, у мужчин в разрезе поколений отметим следующее:

- с каждым советским поколением растет доля тех, кто начинает свою миграционную траекторию с образования, при этом фиксируется следующая последовательность статусов «получение образования > выход на работу > миграция по причине работы»;
- также с каждым поколением интенсивно снижается доля тех, чьим первым событием была работа. Выход на работу сменился образовательной миграцией.
- кроме того, среди советских поколений к возрасту 35 лет существенная доля тех, кто сначала переезжал за получением образования, потом трудоустраивался и завершал образовательный путь.

У женщины в разрезе поколений свои особенности:

- также с каждым поколением снижается доля тех, кто начинает свой миграционный путь с трудоустройства;
- при этом растет доля тех, кто переезжает по причине получения образования, завершают обучение и трудоустраиваются;
- у женщин также к возрасту 35 лет от поколения к поколению увеличивается доля тех, кто сначала мигрировал по причине получения образования, только затем завершил его, а уж потом нашли работу;
- также к возрасту 35 лет среди женщин советских поколений меньше тех, кто начал карьеру с образования, потом трудоустраивался и совершал трудовую миграцию.

Как видим, в миграционных биографиях существуют определенные последовательности в наступлении тех или иных событий, способствующих переезду из одного населенного пункта в другой. Эти последовательности меняются от поколения к поколению и имеют свои гендерные особенности.

Таким образом, подчеркнем, что миграционные биографии являются сложным и многосторонним объектом исследования, поскольку содержат в себе разнообразные пространственные перемещения, совершаемые индивидом на протяжении всей жизни. Миграционные биографии были рассмотрены в исследовании в виде ряда последовательных социально-демографических событий в жизни индивида. Такой подход расширяет понимание всего процесса миграционных перемещений, многоаспектность которого выражается не только в наборе различных фактов территориальных перемещений, но и в трансформации социально-статусных характеристик индивида.

Библиографический список

- Богомолова Т. Ю., Саблина С. Г.* Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: презентация классической концепции // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11. С. 58–67.
- Голенкова З. Т., Сушко П. Е.* Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95–104.
- Ленски Г.* Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 126–140.
- Abbott A.* Sequence Analysis: New Methods for Old Ideas // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21. P. 93–113.
- Aisenbrey S., Fasang A. E.* New Life for Old Ideas: The «Second Wave» of Sequence Analysis Bringing the «Course» Back Into the Life Course // Sociological Methods & Research. 2010. Vol. 3 (38). P. 420–462.
- Billari F.* Sequence Analysis in Demographic Research // Canadian Studies in Population. 2001. Vol. 28 (2). P. 439–458.
- Brzinsky-Fay C.* Sequence analysis with Stata // The Stata Journal. 2006. Vol. 6. P. 435–460.
- Cornwell B.* Social Sequence Analysis. N.Y.: Cambridge University Press. 2015, 315 p.
- Ignatov D. I., Mitrofanova E. S., Muratova A. A., Gizdatullin D.* Pattern Mining and Machine Learning for Demographic Sequences // Knowledge

Engineering and Semantic Web. Switzerland: Springer International Publishing, 2015. Vol. 518. P. 225–243.

Mulder C. H., Kley S. A. Considering, planning, and realizing migration in early adulthood. The influence of life-course events and perceived opportunities on leaving the city in Germany // *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 25 (1). P. 73–94. DOI: 10.1007/s10901–009–9167–8.

Robison J., Moen P. A life-course perspective on housing expectations and shifts in late midlife // *Research on Aging*. Vol. 22 (5). P. 499–532.

Whisler R. L., Waldorf B. S., Mulligan G. F., Plane D. A. Quality of life and the migration of the college-educated: A life-course approach // *Growth and Change*. Vol. 39 (1). P. 58–94.

Ксения Гусейнова*, *Екатерина Вовченко***, *Елена Шатрова****

Результаты апробации методики онлайн-опроса экспертов в контексте диагностики властно-управленческой вертикали

Введение

Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН вот уже несколько лет проводится успешная разработка, апробация и внедрение дистанционных исследований проблем управления, позволяющих проследить процессы виртуализации деятельности субъектов управления и функционирования на всех уровнях властно-управленческой вертикали.

Сегодня эта работа продолжается в рамках научно-исследовательского гранта РНФ № 15-08-30077 «Диагностика состояний функционирования органов власти и управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов»¹. В данном исследовании задействован целый методологический арсенал:

---

* Гусейнова Ксения Эльдаровна, аспирант, младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. likседар@mail.ru.

** Вовченко Екатерина Алексеевна, студентка социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. ekavov@gmail.com.

*** Шатрова Елена Александровна, студентка социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. elenashatrova0@gmail.com.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогностического проектирования».

- опрос населения (онлайн, оффлайн),
- экспертный опрос (онлайн, оффлайн),
- анализ СМИ,
- анализ социальных сетей (онлайн),
- анализ текстов и документов,
- метод электронного респондента (модернизированный метод контент-анализа, изучение сайтов и онлайн документов).

Данный комплекс методов позволил исследовательскому коллективу получить наиболее верифицированные результаты в соответствии с намеченными целями и задачами, поставленными в исследовании. В ходе эмпирической проверки были получены новые данные о функционировании, степени поддержки населением и экспертами властно-управленческой вертикали.

Научная актуальность исследования связана с обсуждением роли властно-управленческой вертикали (далее — ВУВ) в развитии страны, а также специфических проблем жизни, а, главное, особой социально-политической субъектности регионов. В этом смысле описанное исследование имеет не только общенаучное, но и общественно-политическое значение, т.к. демонстрирует проблемы модернизации механизмов социально-экономического и цивилизационного развития, а также степени технико-технологической, социально-экономической и социокультурной развитости региона и его фактической роли как субъекта Российской Федерации в развитии страны.

Одним из методов, который был задействован на стадии апробации представленного методного арсенала и методического инструментария дистанционного сбора, стал онлайн экспертный опрос, при помощи которого планировалось собрать 400 экспертных анкет в 8 регионах, отобранных по версии рейтинга модернизации регионов Н. И. Лапина [Лапин, 2009]. *Онлайн опрос экспертов (интерактивный экспертный опрос или ОЭО)* — метод дистанционного сбора экспертной информации по проблемам управления и управляемости на различных уровнях организации властно-управленческой вертикали.

Общая цель: показать возможности экспертного онлайн-опроса в изучении проблем реформирования властно-управленческой вертикали, получить дополнительные к официальным источникам и к материалам репрезентативного полевого опроса данные о сло-

жившихся в регионах социальных и экономических условиях, а также о степени и характере развития в них систем управления, об их способности обеспечить обустройство и модернизацию территорий.

Научная значимость — диагностика состояния ВУВ на основе экспликации структуры и содержания диспозиций (поддержка или непринятие власти, управления и их решений), зафиксированных на основе экспертного знания. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура оценки степени поддержки экспертами способности ВУВ осуществлять свои функции [Тихонов и др., 2017: 104–107]. Отсюда ее название — «гражданская» или, что одно и то же, «социальная».

Прикладная / Методическая — проведение онлайн исследований для изучения проблем управления при помощи интерактивных средств, а также способы достижения интеграции и валидизации данных онлайн и оффлайн опросов.

Исследовательскому коллективу предстояло также реализовать ряд задач:

1. *Основная*: диагностика степени функциональности властно-управленческой вертикали в конкретно-исторических условиях и прогноз управляемости процесса выхода из кризиса на основе экспликации структуры и содержания оценок деятельности руководящих органов со стороны различных групп населения и экспертов;

2. *Методическая*:

- оценить разработанную методику онлайн-сбора, обработки и анализа экспертной информации, пригодной для объяснения сложившихся и необходимо достаточных социокультурных условий оптимальной организации систем управления на местах.
- оценить возможности рекрутинга экспертов для онлайн формы организации экспертного опроса;
- оценить методику эффективного рекрутинга экспертов при помощи региональных координаторов исследований;
- подготовить базу данных региональных экспертов;
- разработать оптимальный анонс исследования для минимизации количества отказов.

3. *Научная*: проверить и утвердить теоретико-методологическое обоснование получения и применения экспертного знания в рамках комплексного диагностического исследования актуальных

проблем функционирования ВУВ, в том числе и на региональном, местном уровнях управления.

4. *Практическая*: получить недостающие данные о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов, использования их для последующей разработки и корректировки стратегий управления, разработки адекватных коммуникативных технологий.

Формирование групп экспертов по регионам и организация работы с ними

В сентябре — ноябре 2015 г. в рамках настоящего исследовательского проекта была проведена работа по формированию, апробации и валидации уникальной базы данных (БД) региональных экспертов-управленцев. Основаниями для разработки экспертной БД стали:

- *географическая принадлежность экспертов* в соответствии с отбором 8-ми регионов Р. Дагестан, Р. Саха (Якутия). Амурская область, Вологодская область, Нижегородская область, Омская область, Смоленская и Свердловская области.
- *направление деятельности экспертов* в конкретных сферах и областях производственной и непроизводственной деятельности;
- *статусная характеристика экспертов*, подразумевающая занятие либо руководящей должности в организации / предприятии, либо занятость в качестве эксперта-специалиста в определенной сфере деятельности (экологи, политики, депутаты, управленческие консультанты).

В итоге на основе выделенных критериев были сформированы 10 квотных экспертных групп, в каждой из которых предполагалось опросить по 5 экспертов с достижением общего суммарного показателя — 50 экспертов.

Квотные группы:

1. Директора и заместители директоров консалтингового агентства, агентств стратегического развития, независимых институтов развития регионов, муниципальных образований и подобных консультативно-управленческих организаций.
2. Представители общественных организаций.

3. Директора и заместители директоров научно-исследовательских организаций.
4. Руководство вузов и других учебно-образовательных заведений.
5. Руководство промышленных организаций (крупные предприятия и заводы).
6. Представители бизнеса и строительной отрасли (директор, зам. директора).
7. Представители торговли (владельцы магазинов, салонов и т.п.).
8. Общественно-политические деятели (депутаты, политики).
9. Представители экологического сообщества (эксперты, руководители экологических направлений и организаций).
10. Представители и сотрудники региональных и местных администраций (заместители глав, руководители департаментов, начальники отделов).

Для оптимизации работы по созданию БД — подбора наиболее подходящих по заданным критериям экспертов — были приглашены региональные координаторы из специализированных служб и организаций, занимающихся организацией социологических исследований, в том числе и проведением экспертных опросов.

Рекрутинг экспертов производился координаторами посредством личных связей с конкретными региональными персонами, а также путем организации поиска и установления связи через контакты из открытых источников (официальные сайты компаний и организаций, справочные телефонные книги). Процедура привлечения экспертов состояла из нескольких шагов отбора: 1-й шаг, предварительная связь по телефону и приглашение к участию; 2-й шаг, отправка официального письма на бланке региональной организации — координатора, с анонсом исследования и ссылкой на онлайн опрос; 3-й шаг, повторная телефонная связь с экспертом для уточнения его реальной стадии включенности в опрос: фиксация участия, отсрочки в участии, отказ с последующей заменой эксперта. На середине процесса сбора данных для ускорения формирования БД и привлечения региональных экспертов в помощь координаторам были подключены «контролеры» из Московского штаба исследования, которые по согласованию с координаторами проводили поиск, обзвон и фиксацию степени включенности экспертов в заполнение онлайн анкеты.

Анкета онлайн опроса экспертов

Электронная анкета ОЭО разрабатывалась на основе проекта рабочей анкеты, консолидированной по референтам с другими инструментариями (массовый опрос, анализ СМИ, анализ социальных сетей) сбора зондажной информации в рамках общего исследования [Проблемы реформирования..., 2016].

До запуска электронного анонса онлайн опроса было проведено пилотажное исследование по 4-м регионам: Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Белгородская и Московская области. В итоге было собрано 207 анкет [Богданов, Гусейнова, 2016].

Выборка проводилась с помощью метода «снежного кома» — респонденты были отобраны на основе личных контактов координаторов исследования, имеющих навыки работы в инфокоммуникационной среде Интернет и представление о сущности феномена управления.

В результате дистанционного пилотного опроса были проведены корректирующие работы по оптимизации и рационализации дизайна, структуры, формы и информативности анкеты. Таким образом, процесс разработки и апробации web-анкеты состоял из конкретных технических и методико-инструментальных процедур, в ходе которых отрабатывались промежуточные версии электронной анкеты: макет онлайн экспертного опроса; модель данных, рассмотрение взаимосвязи между сущностями; подготовка удобных интерфейсов электронной анкеты с точки зрения эффективности заполнения и получения наиболее валидных данных.

Обоснование компетенции экспертной группы как верификация экспертных оценок

В результате применения метода онлайн экспертного опроса в сочетании с мерами эффективного контроля по телефонной связи за формированием базы данных и степени включенности экспертов в процесс заполнения электронной анкеты собран валидный массив данных. Достигнут показатель не менее 50 экспер-

тов из каждого региона. В целом была собрана и проработана база данных по 501 эксперту.

Валидность полученных данных подтверждается профессионально-управленческими характеристиками компетентности экспертов.

1. Управленческий опыт экспертов как подтверждающая характеристика включенности последних в управленческие процессы регионального управления, в частности:

- высокий уровень должностной ответственности: 74% — руководители высшего, среднего, низшего звена, 26% специалисты-практики;
- практически половина экспертов имеет личный опыт руководства в органах управления предприятием, организации, фирмы — 49%, еще порядка 30% заявляют об опыте работы на руководящих постах в органах региональной власти и управления, 27% были заняты в качестве начальников отделов, цеха, бригады в производственной и непроизводственной сфере региона;
- 80% экспертов оценивают свой управленческий опыт как положительный.

2. Уровень образования подтверждает компетентность экспертов: 66% имеют высшее образование, 20% кандидаты и 8% доктора наук.

3. Большая часть экспертов — это представители образования (16%), науки (13%), аппарата управления регионом (13%), НКО (11%), промышленности (9%), остальная часть — представители непроизводственной сферы (38% — финансы, страхование, торговля, здравоохранение и др.) — это высокоресурсная (статусная) группа с компетентным мнением о проблемах управления в регионе о положение дел региона.

4. 95% экспертной аудитории жители городов — районных и краевых центров, что характеризует аудиторию как урбанистически ориентированную и включенную в основные социокультурные процессы цивилизационного развития региона.

5. 63% социально активная группа, занятая общественной работой (политической, конфессиональной, благотворительной и т.п.).

6. 93% экспертов черпают информацию по важным проблемам общественной жизни из Интернета, а 63% полагаются на личный опыт, личные наблюдения, что говорит об их высоком уровне информационной, личностной и профессиональной компетентности. Это подтверждается качеством и количеством ответов на открытые вопросы анкеты — диапазон ответов колеблется от 70 до 95% (практически на 90% вопросов открытых вопросов), что говорит и о высоком уровне заинтересованности экспертов в части вопросов жизнеобеспечения и управления регионом.

7. Практически 91% экспертов дали оценку деятельности губернатора в рамках его рейтинга, 84% оставили свои комментарии по поводу представленной оценки, что дает возможность говорить о не безразличности и понимании экспертами проблем разных уровней властно-управленческой вертикали.

8. 95% ежедневно, 4% несколько раз в неделю, 1% несколько раз в месяц используют Интернет, что снимает какие-либо вопросы о барьерах и понимании в работе с электронной анкетой экспертного опроса. Во всяком случае вопросы появились только в момент обнаружения проблемы с безопасностью протокола `https` с «.com» в зоне Рунета. Проблема была устранена путем перевода анкеты на адрес с префиксом `http` в зону «.ru».

Также возник ряд методических сложностей в ходе привлечения экспертов к участию в исследовании, что повлияло на смещение состава в выделенных экспертных группах. Главная причина смещения связана с отраслевой спецификой регионов, а, именно, малочисленностью определенных категорий экспертов в конкретных областях (табл. 1).

Региональными исполнителями были зафиксированы и переданы исследовательской группе основные причины отказа экспертов от участия в исследовании. Главными из них являются высокая занятость экспертов, в большей степени высокопоставленных лиц — директоров, глав администраций (особенно в Свердловской области). Также влияли и слабо налаженные контакты с представителями некоторых квотных групп, не попадавших ранее в фокус внимания координаторов, что стало второй причиной отказа.

Ниже в таблице представлены основные группы отказников (см. табл. 2). Наибольшее количество отказов зафиксировано

Таблица 1

Количество ответивших экспертов по квотным группам и регионам, %

Квотные группы	Экологич. организации	Строител. организации	Вузы	Политические партии	Торговые организации	Органы власти	НИИ	Консалтинг	Обществ. организации	Промышл. предприятия	Всего ответивших эксп. (аб.ч.)
Р. Дагестан	2	6	34	2	8	10	14	0	20	4	100 (50)
Р. Саха (Якутия)	0	4	16	6	14	16	22	2	14	6	100 (50)
Амурская обл.	0	0	22	0	14	16	4	0	42	2	100 (50)
Вологодская обл.	0	1,9	22	0	5,5	11	25,9	5,6	44,4	7,4	100 (54)
Нижегородская обл.	4	4	16	0	10	22	8	4	24	8	100 (50)
Омская обл.	10	10	10	10	10	8	10	10	12	10	100 (50)
Смоленская обл.	3,9	3,9	19,6	7,8	7,8	9,8	5,8	5,8	21,5	13,7	100 (51)
Свердловская обл.	0	12	10	4	12	8	12	4	14	24	100 (50)
Всего	3,4	5,4	16	4,9	7,6	11,1	10,6	4,2	19,2	4,9	100 (405)

Таблица 2

Количество отказов от участия по квотным группам и регионам, %

Квотные группы	Экологические организации	Строительные организации	Вузы	Политические партии	Торговые организации	Органы власти	НИИ	Консалтинг	Общественные организации	Промышленные предприятия	Всего отказов
Р. Дагестан	11,4	17	8,5	8,5	5,7	14,2	20	5,7	14,2	2,8	100 (35)
Р. Саха (Якутия)	12	8	8	4	16	8	12	8	12	12	100 (25)
Амурская обл.	0	0	0	50	50	0	0	0	0	0	100 (4)
Вологодская обл.	9,6	3,2	12,9	9,6	12,9	9,6	9,6	9,6	9,6	12,9	100 (31)
Нижегородская обл.	11,9	11,9	4,7	14,2	7,1	4,7	9,5	2,4	21,4	11,9	100 (42)
Омская обл.	0	0	11,1	33,3	0	0	0	22,2	11,1	22,2	100 (9)
Смоленская обл.	10	0	10	10	0	10	0	20	20	20	100 (10)
Свердловская обл.	0	5	10	20	5	10	15	0	35	0	100 (20)
Всего	11,9	0,8	0,8	1,3	0,9	0,8	0,9	0,6	1,7	0,9	100 (176)

в Нижегородской области — 42 отказавшихся. Среди труднодоступных оказались представители экологических, строительных, общественно-политических (политических партий) организаций. Поэтому было решено перераспределить квоты (добирали экспертов из сфер образования и торговли, из научно-исследовательских центров и т.д.).

Такую высокую долю отказа координаторы объясняют в первую очередь труднодоступностью части потенциальных экспертов ввиду их высокого социального статуса и связанных с ним большой занятости и затруднительности прямого выхода на этих экспертов, а также отсутствия непосредственной мотивации к участию.

Среди прочих наиболее ярко проявилась тема «опасений» экспертов относительно обнародования их ответов. Многие госслужащие высказывали подозрение в шпионаже и не хотели, чтобы их анкеты «доходили до губернатора». В связи с этим можно предположить, что оценки представителей органов государственной и муниципальной власти могли оказаться излишне сдержанными и нейтральными.

В Амурской области было зафиксировано всего 4 отказа, в двух группах: 50% — представители бизнеса и 50% — общественно-политические деятели. В данном регионе подбор экспертов при помощи «личных связей» оказался наиболее эффективным, т.к. именно эти две группы оказались наиболее открытыми и лояльно настроенными. Главная причина заключалась в авторитетности координатора исследования, который сам является активистом и имеет широкий круг знакомств для поиска и замены новых экспертов. Этим и объясняется самый высокий процент ответивших (42%) среди общественников.

В Омской области (см табл. 2) отказниками чаще всего становились политики (33,3%) и представители крупного бизнеса: консалтинг — 22,2% и промышленность — 22,2%. Основной причиной послужил сам метод онлайн-опроса, подобная форма не всегда подходит для экспертов вышеуказанных квотных групп, для них более приемлема личная встреча и заполнение бумажного варианта анкеты. Единственным эффективным способом привлечения стали личные контакты исследователей.

Что касается самих квотных групп, то, несмотря на столь малый показатель (1,3% по всем 8-ми регионам), представители полити-

ческих партий вошли в число отказников в каждом регионе. Однако самой труднодоступной группой оказались экологические организации, доля их отказов по всему полю составила 11,9%. Основная сложность, в данном случае, состоит в малочисленности этой группы.

Изучив отчеты региональных координаторов, можно выделить следующие причины отказов:

- нежелание раскрывать личные данные, отказ от упоминания в списке информантов, что оказалось характерным для всех регионов;
- невозможность прямого выхода на некоторых экспертов, имеющих высокий социальный статус как, например, в Вологодской и Свердловской областях;
- высокая степень занятости директоров и руководителей;
- нечеткие контактные данные экспертов, представленные в открытых источниках (телефоны, e-mail) (все регионы).

Часть из указанных сложностей были преодолены исследовательской группой за счет привлечения дополнительных профессиональных координаторов (Свердловская область, Амурская область), обладающих большой экспертной базой по своему региону.

Для устранения указанных недочетов и повышения валидности результатов велась постоянная связь между участниками исследовательского коллектива и региональными координаторами. Благодаря этому удалось значительно улучшить обратную связь с регионами, скорость фиксации участия экспертов, отсева и замену за счет расширенных контактов исследовательской группы и координаторов исследований.

Заключение

В исследовании сравнивались различные методы получения знания о проблемах организации управления в регионах, о характере и уровне развития систем управления для того, чтобы при помощи этих данных можно было наиболее полно и оперативно оценить уровень развития региональных систем управления в условиях общих и локальных проблем модернизационного развития

подведомственных территорий, а также экспериментальных исследований социального влияния [Девятко, 2016].

В этом контексте наиболее эффективным каналом получения недостающих данных, а также информации о состоянии и перспективах модернизационного (индустриального и информационного) развития регионов выступает именно канал онлайн-экспертизы, который, конечно же, необходимо еще совершенствовать путем уточнения критериев отбора экспертов, а также через механизмы учета и внедрения экспертных мнений в управленческие решения на различных уровнях функционирования властно-управленческой вертикали.

Исследовательский коллектив выражает готовность переходить к практическим действиям: к пилотным испытаниям новых методов сбора и обработки; к технологиям совершенствования структур управления в субъектах РФ, начинать совместное движение с экспертными структурами в сторону научно-обоснованного управления с учетом влияния социокультурных факторов и особенностей развития каждого региона в отдельности; к разработке технологий обратной связи и формированию социально активной субъектности (групп социального действия), а также к разработке новых социальных технологий управления, основанных на логико-познавательных исследовательских программах.

Библиографический список

Богданов В. С., Гусейнова К. Э. Онлайн экспертиза деятельности органов власти и управления в контексте проблем социокультурной модернизации регионов // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г. / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 3101–3119.

Девятко И. Ф. От «виртуальной лаборатории» до «социального телескопа»: метафоры тематических и методологических инноваций в онлайн-исследованиях // Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы / Под редакцией А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова Москва: Издательство МИК, 2016. С. 19–34.

Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.

Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов [Электронное издание] // ИНАБ № 1. [А. В. Тихонов и др.]; Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: Институт социологии РАН, 2016. 348 с. DOI 10.19181/inab.2016.1.

Тихонов А. В., Богданов В. С., Гусейнова К. Э. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1. С. 101–123. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.6.

Факторы влияния на индекс межэтнической напряженности в России

Введение

В современном мире в условиях общей нестабильности наблюдается тенденция увеличения «масштабов локальных межэтнических и межконфессиональных конфликтов, многие из которых грозят перерасти в конфликты глобальные» [Столярова, 2015]. В связи с этим возрастает актуальность изучения межэтнической напряженности, всегда существующей в полиэтническом российском обществе.

Под межэтнической напряженностью понимают характеристику состояния общества, которая проявляется в нарастании враждебного отношения между этническими группами под воздействием неблагоприятных условий социальной среды. В отечественных исследованиях, благодаря работам С. М. Широкогорова, Ю. В. Бромлея, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижевой, сложилась традиция комплексного изучения межэтнических отношений с позиций этносоциологии, политической социологии и социальной психологии [Бромлей, 1987; Арутюнян и др., 1999; Широкогорov, 2012].

В настоящее время Институтом социологии ФНИСЦ РАН ведется изучение межэтнических отношений в «этнонапряженных» регионах России. Они рассматриваются в контексте их гармонизации и сохранения этнокультурной идентичности не доминирующих групп населения, а также их равной интеграции в поли-

---

* Мاستикова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. navor@bk.ru.

этническое общество. В работах А. Г. Здравомыслова, Г. В. Ключкова, А. Р. Тагирова, З. В. Сикевич межэтнические отношения рассматриваются в контексте их возможной конфликтности, которая обостряется в процессе социальных изменений [Кубякин, 2005]. Межэтническая напряженность может выражаться в форме открытых и скрытых конфликтов, а также может рассматриваться как результат изменений соотношения разных этносов, возникающих в результате миграции. Межэтническая напряженность рассматривается не только как предконфликтное состояние, но и как «результат адаптационного синдрома, возникающего на групповом уровне в ответ на воздействие внешней неблагоприятной среды» [Давыдов, Давыдова, 1992: 32].

Изучению межэтнической напряженности посвящен проект РНФ¹, реализуемый Институтом социологии ФНИСЦ РАН и направленный на решение методологических проблем в изучении данного явления. В рамках этого исследования автором рассчитан индекс межэтнической напряженности (ИМН), который способен дать комплексную, обобщенную характеристику ситуации в сфере межэтнических отношений.

Примеры исследования индекса межэтнической напряженности

К достоинствам индексов можно отнести возможность количественного измерения, а также возможность процедуры сравнения полученных данных. По мнению И. Ф. Девятко и Ю. Н. Толстой, применение индексов повышает надежность измерений [Толстова, 2000]. Расчет индексов позволяет отойти от многообразия различных исследуемых индикаторов, которые отражают лишь отдельные аспекты изучаемого явления и перейти к комплексным составляющим модели. Изучение большого числа индикаторов снижает воздействие на значения посторонних факторов.

Задачей исследователей при построении индекса межэтнической напряженности является подбор индикаторов, наиболее

---

¹ РНФ № 15-18-00138 «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений».

точно отражающих данное явление. Кроме того, как отмечают Т. Петтигрю и Р. Меертенс, нужно учитывать, что респонденты в обществах, осуждающих этнические предубеждения, предпочитают не отвечать искренне на прямые вопросы, отражающие их межэтнические установки. Они предлагают вводить индикаторы, способные выявить так называемые «вежливые формы» предрассудков (нежелание выделять средства для специальной помощи меньшинствам, принимать граждан из среды иммигрантов и т.п.) [Дробижева, 2012: 92].

В отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных социальной, этноконфессиональной, межэтнической напряженности в качестве индикаторов выделяются как субъективные, так и объективные характеристики. Субъективные характеристики включают наличие стереотипов, предрассудков и образов, отношение к этническим группам, проявление социальной неудовлетворенности. Эти характеристики рассматриваются в трех аспектах: оценочном, поведенческом и вероятностном. Оценочный аспект опирается на восприятие респондентов, поведенческий рассматривает готовность к тем или иным действиям, вероятностный аспект: в этом случае субъективный показатель является набором вероятностей проявления межэтнической напряженности.

Объективные характеристики связаны со статистическими данными (количество социальных протестов и митингов, число конфликтов, уровень безработицы, уровень нелегальной миграции). В таблице 1 приведены итоги обобщения индикаторов межэтнической напряженности, предлагаемых в различных исследованиях. В качестве индикаторов рассматриваются переменные, составляющие индекс межэтнической напряженности.

В некоторых рассмотренных исследованиях индикаторы и факторы, влияющие на уровень межэтнической напряженности, подменяют друг друга [Омуралиев, Усенова, 2015]. Например, к индикаторам межэтнической напряженности ошибочно отнесен различный уровень материальной обеспеченности основных этнических групп населения. Исследователи отмечают слабую формализуемость изучаемого явления. В рассмотренных исследованиях, к сожалению, мы не встретили обоснования выбора тех или иных индикаторов межэтнической напряженности.

Таблица 1

**Сводная таблица индикаторов межэтнической напряженности,
используемых в различных отечественных и зарубежных исследованиях**

Индикаторы	Содержание
1. Оценка состояния межэтнических отношений:	оценка сложившихся межнациональных отношений в стране, регионе и месте жительства;
	оценка отношений к представителям различных национальностей;
	оценка проявления отрицательного отношения людей коренных национальностей к мигрантам;
	оценка интенсивности (степени) включенности населения в ситуацию межэтнических разногласий;
	оценка масштабов и степени проявления негативных последствий, возникших в ходе межэтнического взаимодействия на национальной почве;
	оценка степени активности националистических объединений, организаций.
2. Оценка трудовых взаимоотношений мигрантов и коренного населения:	оценка фактов назначения на руководящие и престижные должности по национальному признаку;
	оценка отсутствия или недостаточного участия своих представителей в работе местных органов власти;
	оценка влияния национального фактора на поступление в вузы и распределение на работу после их окончания;
	оценка проявления установки на работу в коллективе, состоящем (преимущественно) из людей своей национальности.
3. Оценка распространённости этнических стереотипов:	оценка сохранения предрассудков, обычаев и т.п., мешающих установлению дружеских отношений между людьми разных национальностей;
	оценка использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды к людям других национальностей.
Поведенческие	готовность отстаивать интересы своей национальной группы с использованием силы;
	готовность участвовать в конфликте на стороне своей национальной группы;
	групповые хулиганские действия и нарушение общественного порядка на национальной почве;
	рост уголовных преступлений на национальной почве;
	формирование вооруженных боевых групп.
Вероятностные	вероятность открытых межэтнических конфликтов.

Тем не менее, в тех же исследованиях при изучении межэтнической напряженности используются агрегированные индексы, построенные на оценочных и поведенческих индикаторах. Например, индекс напряженности межнациональных отношений может включать в качестве исходных следующие оценки: общее восприятие респондентами состояния межнациональных отношений в конкретном регионе, ощущение национальной ущемленности и предубежденности и т.д., а также поведенческие индикаторы: готовность участия в конфликте в интересах своей национальной группы и др. [Социологическая энциклопедия, 2003].

Расчет индекса межэтнической напряженности на данных RLMS–HSE

Данное исследование проведено в рамках гранта РНФ «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» (2015–2017)¹. Основной целью проекта является выявление потенциальных угроз обострения межэтнических отношений в условиях динамичных экономических трансформаций и социальных сдвигов.

В рамках проекта был разработан блок вопросов (всего 25 вопросов в анкете), направленных на анализ межнациональных отношений, на определение уровня межгруппового и межличностного доверия к представителям других этнических групп. Этот блок вопросов был включен в 24 волну RLMS–HSE. Исследование представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки². В таблице 2 приведены индикаторы (были ранее выделены в статье автора [Социокультурные и социоструктурные..., 2016: 11]) межэтнической напряженности и их аналоги из базы данных RLMS–HSE.

¹ Руководитель проекта — д.социол.н., профессор М. Ф. Черныш.

² «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН.

Таблица 2

**Индикаторы и аналоги межэтнической напряженности
в базе данных RLMS–HSE**

Индикаторы	Аналоги в базе данных RLMS–HSE
Враждебное отношение к представителям иной национальности, неприятие иной культуры: языка, обычаев	<p>А. Сейчас я прочитаю несколько утверждений. Скажите, в какой степени Вы согласны или не согласны с каждым из них.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Вам не нравится, когда в Вашем (городе/селе) люди говорят на непонятном Вам языке. 2. Некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу. 3. В мире есть национальности, которые вы не уважаете (3-х балльная шкала). <p>Б. Как Вы оцениваете состояние межэтнических отношений в Вашем городе (городе/селе)? Используйте для оценки шкалу от 1 до 10, где 1 означает «постоянные конфликты», а 10 — «нормальные, доброжелательные отношения» (10-ти балльная шкала).</p>
Проявления межэтнической напряженности во властных отношениях	<p>Вне зависимости от того, работаете Вы или нет, представьте, что там, где Вы работаете, меняется руководство. Как Вы отнесетесь к тому, что Вашим непосредственным руководителем станет: 1. Азербайджанец, 2. Армянин 3. Белорус 4. Вьетнамец 5. Грузин 6. Дагестанец 7. Киргиз 8. Русский 9. Таджики 10. Узбек 11. Украинец 13. Чеченец</p>
Проявления межэтнической напряженности на бытовом уровне	<p>Давайте представим, что квартира или дом рядом с Вашим освобождается и в него въезжает новая семья, недавно приехавшая в Ваш (город/село). Как бы Вы отнеслись к факту появления среди Ваших соседей следующих новоселов: 1. Азербайджанец, 2. Армянин 3. Белорус 4. Вьетнамец 5. Грузин 6. Дагестанец 7. Киргиз 8. Русский 9. Таджики 10. Узбек 11. Украинец 13. Чеченец (5-ти балльная шкала).</p>

Для расчета индекса межэтнической напряженности использовались переменные из базы данных RLMS–HSE (2015 г.), которые представлены в таблице 3. Для того чтобы стандартизировать значения, ответы перекодировались в шкалы от 0 до 100. Все оценки по данным переменным были суммированы, среднее значение сумм этих переменных и составляет индекс межэтнической напряженности (ИМН)¹. Средний уровень напряженности в Рос-

¹ ИМН = MEAN (A+B+C+D+E+F), где A, B, C, D, E, F — вопросы из базы данных RLMS–HSE (табл. 1).

сии равен 54,46 балла. К сожалению, база данных не позволяет посмотреть значения ИМН в различных местах поселения, так как опрос не репрезентативен по регионам. Наши значения по России несколько выше, чем было отмечено в исследовании ВЦИОМ 2014 г. [ВЦИОМ..., 2014]. По их данным, 49% россиян считают, что межэтническая напряженность в стране стала больше.

Рассмотрим значения ИМН в различных типах поселения России по базе RLMS—HSE. Как видно из таблицы 3, наибольшее значение ИМН принимает в *городе* (55,81), а наименьшее — в *поселке городского типа* (49,03). В исследованиях ВЦИОМ мы также наблюдаем, что наиболее остро чувствуют межэтническую напряженность жители крупных городов (Москвы и Санкт-Петербурга) [ВЦИОМ..., 2014], где этноконтактная ситуация более напряженная в силу миграционного притока, высокой плотности взаимодействий, ощущения конкурентности и культурной дистанции [Межнациональное согласие..., 2015: 85].

По материалам круглого стола «Проблемы обеспечения межэтнического согласия в России», проведенного в Институте социологии ФНИСЦ РАН, наблюдается тенденция отторжения иноэтнических мигрантов принимающим сообществом, прежде всего жителями крупнейших городов России [Проблемы обеспечения..., 2011: 92]. Хотя в нашем исследовании речь идет не только о межэтнической напряженности в отношении мигрантов, но в целом и к людям иной национальности, мигранты тоже входят в их число.

Таблица 3

Средние значения ИМН в различных типах поселения России (в баллах)

Название места поселения	Значение ИМН
Город	55,81
Областной центр	55,78
Село	52,39
Поселок городского типа	49,03

Одной из причин данной тенденции «может быть резкое углубление в последние годы социальных неравенств, особенно — в крупных городах и, прежде всего, Москве» [Двадцать лет..., 2011: 127]. Как отмечает Л. М. Дробижева, решение экономических

проблем, рост числа эффективных собственников, активно действующих в экономической сфере, способствует снятию этнического напряжения, которое имеет свойство быстро прогрессировать в условиях социально-экономического неравенства, когда увеличивающаяся поляризация социальных групп создает для этого благоприятную почву [Социальное неравенство..., 2002: 347]. Другой причиной может быть то, что в городах больше возможностей для устройства на работу, что привлекает большое количество трудовых мигрантов, что в свою очередь усиливает конкуренцию за рабочие места.

Таким образом, мы видим, что значения индекса отражают тенденцию, отмеченную в других исследованиях. Несмотря на то, что в них межэтническая напряженность измерялась не через индекс, а с помощью прямого вопроса, тенденции выявлены одни и те же, что подтверждает адекватность построенной модели индекса в условиях ограничений базы.

Чтобы определить, с чем связан рост уровня межэтнической напряженности, выясним, какие факторы оказывают на нее влияние. Для этого проведем многоуровневый регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной в нашу модель была внесена переменная индекс межэтнической напряженности, а в качестве независимых: место проживания респондента; основное занятие респондента в настоящее время (работает ли респондент); удовлетворенность условиями труда, работой в целом, оплатой труда, жизнью в целом, своим материальным положением; обеспокоенность тем, что респондент может потерять работу; будет ли семья респондента и сам респондент жить лучше или хуже, чем сегодня; уровень доверия руководству предприятия, коллегам, друзьям, семье, соседям, людям своей национальности, людям других национальностей; оценка респондентом возможности взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми людьми; уровень образования респондента; уровень дохода респондента; возраст и пол респондента. Результаты регрессионного анализа приведены в таблице 4 ($R^2=0,40$).

Наибольший вклад вносит переменная доверие людям другой национальности. В некоторых исследованиях доверие рассматривается как важная часть сложных мотивационных состояний, существенно влияющих на уровень напряженности в социальных

Таблица 4

**Факторы, влияющие на индекс межэтнической напряженности
(уравнение линейной регрессии)**

Параметры (аналоги в базе RLMS–HSE)	Нестандартизи- рованные коэффициенты В	Стан- дартная ошибка	Стандартизиро- ванные коэффициенты В	Значи- мость
Работает ли ре- спондент в настоя- щее время	-0,51	0,05	-0,17	0,01
Тип населенного пункта	1,25	0,03	-0,14	0,00
Доверие людям других националь- ностей	-1,87	0,00	-0,52	0,00

отношениях, в том числе и в межэтнических [Социальное неравенство..., 2002: 141]. Также отмечается, что доверие является важной составляющей позитивного психологического фона межгрупповых и межличностных отношений, выражающейся в открытости по отношению «к другим», в ощущения безопасности [Социальное неравенство..., 2002: 154].

Заключение

В нашем исследовании показано, что с уменьшением доверия к людям другой национальности возрастает уровень межэтнической напряженности. Чем больше населенный пункт, тем больше межэтническая напряженность. Значимым оказывается и трудовая занятость респондента (работает ли в настоящее время). Работающие респонденты испытывают меньшую межэтническую напряженность, т.к. их занятость обеспечивает им достаточный уровень жизни и не оставляет времени концентрировать свое внимание на проблемах межэтнических отношений. В том случае, если респондент не работает, уровень межэтнической напряженности увеличивается.

Расчет индекса межэтнической напряженности, построенный на данных RLMS–HSE, позволил рассмотреть средний уро-

вень ИМН в различных типах поселения и выявить, что наибольшее значение индекс принимает в городах. На ИМН наибольшее влияние оказывает переменная «*доверие людям другой национальности*»: с уменьшением доверия людям другой национальности возрастает уровень межэтнической напряженности. Также на ИМН влияют переменные «*тип поселения*»: чем больше населенный пункт (город), тем больше межэтническая напряженность; «*работает ли респондент в настоящее время*»: работающие респонденты испытывают меньшую межэтническую напряженность.

Библиографический список

- Арутюнян Ю. В., Дробижьева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
- Бромлей Ю. В.* Этносциальные процессы: теория, история и современность. М.: Наука, 1987. 333 с.
- ВЦИОМ: почти половина россиян отмечает межнациональную напряженность в стране [Электронный ресурс] // Русская планета [веб-сайт]. 2014. URL: <http://rusplt.ru/news/vtsiom-pochti-pоловина-rossiyan-otmechaet-mejnatsionalnuyu-napryajennost-v-strane-85866.html> (дата обращения: 10.06.2017).
- Давыдов А. А., Давыдова Е. В.* Измерение социальной напряженности [монография] / [А. А. Давыдов, Е. В. Давыдова]. М.: ИС РАН, 1992. 32 с.
- Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / [М. К. Горшков и др.]; Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.
- Дробижьева Л. М.* Ресурс межэтнического согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России: Социология, этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 91–110.
- Кубякин Е. О.* Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Кубякин Евгений Олегович. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет, 2005. 154 с.
- Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] // ИНАБ № 2–2015 / [Л. М. Дробижьева и др.]; Отв. редактор Л. М. Дробижьева. М.: Институт социологии РАН, 2015. С. 1–125.

- Омуралиев Н. А., Усенова К. Б.* Индикаторы и показатели межэтнической напряженности [Электронный ресурс] // Kyrlibnet электронные ресурсы. 2015. URL: http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KNUOM_URALIEVN.A.USENOVAK.B.2015-1.pdf (дата обращения: 10.06.2017).
- Проблемы обеспечения межэтнического согласия в России [Электронный ресурс] // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 19. С. 85–105. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Vestnik19.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность [монография] / [Л. М. Дробижева и др.]; Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
- Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования [Электронное издание] // ИНАБ № 2–2016 / [М. Ф. Черныш и др.]; Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2016. 103 с. ISBN 978–5–89697–280–8. DOI 10.19181/inab.2016.2.
- Социологическая энциклопедия: в 2 т. Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.
- Столярова Т. Ф.* Особенности разрешения межэтнических конфликтов в эпоху глобальной капитализации // История и современность. 2015. № 2 (22). С. 132–139.
- Толстова Ю. Н.* Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000. 352 с.
- Широкорогов С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012. 138 с.

РАЗДЕЛ III
Новые социальные группы

Консистентность властного статуса занятого населения в современном российском обществе

Введение

Вопросы власти и властного статуса уже на протяжении многих лет исследуются социологами. В ряде работ, в том числе и классических, само понятие власти интерпретируется по-разному. Так, некоторые авторы в качестве предмета своих исследований анализировали политическую власть [Blau, Duncan, 1967; Dornbusch, Scott, 1975; Weber, 1978]. Другие акцентировали внимание на власти рынков и организаций [Pfeffer, Salancik, 1978; Podolny, 1993]. Часть исследователей поднимали тему власти в контексте неравенства и стратификации [Bendix, Lipset, 1966; Ridgeway, 2011], а также при изучении конфликтов и социальных изменений [Dahrendorf, 1959].

В работах современных исследователей власть все чаще понимается как потенциал для создания неравного перераспределения ресурсов и выгод, а также для продвижения кого-либо или чего-либо посредством применения своих властных полномочий [Molm, 1988; Thye, 2000]. При этом обычно подчеркивается, что власть зависит от доступа к ресурсам, которые ценят другие. К одному из таких ресурсов относится возможность влиять на распределение вознаграждений и санкций.

---

* Коленникова Нина Дмитриевна, аспирантка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аналитик практики анализа социальной политики Всероссийского центра изучения общественного мнения. kolennikova-nina@mail.ru.

Властный статус имеет две ипостаси — объективную и субъективную. Субъективное измерение власти наиболее активно исследуется психологической наукой (особое внимание данному вопросу уделяет психология организаций). При таком подходе наиболее эффективным оказывается метод эксперимента, посредством которого можно зафиксировать ощущение и восприятие власти через поведение индивида. Однако исследования организационных психологов в большей степени сконцентрированы на изучении поведения индивида, обусловленного его властным положением [Hays, Bendersky, 2015]. Социологи же ориентированы на анализ сути изучаемого социального признака или явления. В нашем случае это властный статус, который, так или иначе, влияет на положение человека в обществе и анализ которого является одной из ключевых задач социологии.

Наша задача будет состоять, соответственно, в определении критериев, по которым мы могли бы установить реальный властный статус каждого из респондентов, включенных в выборку, и оценить взаимосвязь данных критериев с другими переменными, характеризующими иные статусы (квалификационный, образовательный, экономический и др.) представителей массовых слоев российского населения.

Теоретико-методологические основания анализа властного статуса

Для нашего исследования наиболее эвристически значимым и интересным оказался градационный подход классика социологии Макса Вебера, отмечавшего значимость жизненных шансов индивида, определяющих особенности его социального действия и связанных с его местом в социальных иерархиях [Вебер, 1994]. Согласно М. Веберу, социальная стратификация связана, в том числе, с распределением власти в рамках общества. Положение индивида в обществе, т.е. принадлежность к тому или иному социальному слою или классу, определяется в зависимости от обладания теми или иными способами воздействия на поведение других. Источниками же власти являются статусные позиции в экономическом и статусном полях, а также в поле властных отношений.

В качестве эмпирической базы нашего исследования были использованы данные 24-й волны ежегодного опроса RLMS–HSE¹, проходившей в октябре 2015 — январе 2016 гг. Численность подмассива работающих россиян, ставших объектом нашего исследования, составила в этой волне 5230 человек. При этом в силу специфики инструментария в основу анализа властного статуса нами был заложен показатель административной власти, операционализируемый с помощью таких индикаторов как: 1) наличие подчиненных; 2) количество подчиненных; а также того, 3) является ли индивид владельцем / совладельцем организации / предприятия, на котором он работает.

Расчет индекса властного статуса осуществлялся по следующей схеме. За наличие у респондента подчиненных ему присваивался один балл. Следующий показатель (количество подчиненных) подразумевал отнесение респондента в одну из выделенных нами групп: от 0 до 5 подчиненных — ноль баллов, от 6 до 10 — один балл, от 11 до 20 — два балла, от 21 и более подчиненных — три балла. За то, что респондент являлся владельцем или совладельцем предприятия, на котором он работал, присваивался еще один дополнительный балл. На основе перечисленных индикаторов была построена шкала для замера властного статуса индивида в диапазоне от нуля до пяти баллов. Она позволила зафиксировать текущее состояние властного статуса респондентов, а также определить его связь с другими статусными характеристиками индивида.

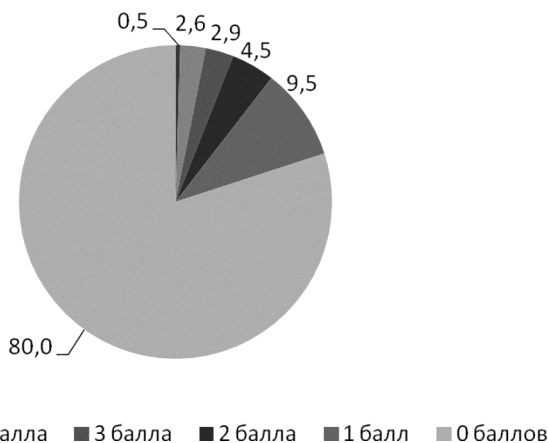
К вопросу о консистентности властного статуса занятого населения

Анализа данных 24 волны RLMS–HSE показал, что властный ресурс в современном российском обществе действительно является дефицитным. Так, полное его отсутствие характерно для большинства (80,0%) работающего населения России (рис. 1), тогда как максимальным властным статусом по предложенной

---

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН.

нами шкале обладают лишь 0,5% работающих россиян (что, впрочем, не так уж мало с учетом того, что в выборку не попали элитные группы, недоступные для массовых опросов). Однако, учитывая, что у большинства занятого населения страны властный ресурс не просто ограничен, но и вообще отсутствует, более чем вероятно, что у не попавшего в поле нашего анализа безработного и экономически неактивного населения данный вид ресурса также отсутствует полностью. Последнее не может не влиять и на их статусные характеристики в других измерениях.

Рис. 1. Распределение населения по шкале властного статуса, RLMS–HSE, 2015 г., % от общей численности работающего населения

Поскольку объектом нашего анализа выступает работающее население, следует, прежде всего, уделить внимание особенностям распределения властного ресурса в профессиональных группах (для выделения профессиональных групп нами применялся классификатор профессий ISCO-08¹). Может ли принадлежность к той или иной профессиональной группе влиять на показатель по шкале властного статуса индивида? Так, ненулевые характеристики властного статуса присутствовали в значимом объеме во всех профессиональных группах кроме неквалифицированных рабочих. Как видно из таблицы 1, для всех профессиональных групп харак-

¹ Профессии и специальности в использованном нами массиве RLMS–HSE кодируются в соответствии с четырехзначной Международной стандартной классификацией профессий 2008 г. (ISCO-08).

терна дифференциация по властному статусу, хотя степень ее различна. При этом неудивительно, что вероятность оказаться в числе имеющих показатели властного статуса в два и более баллов в наибольшей степени характерна для руководителей (первый класс согласно ISCO-08). Однако и в этой группе 5,3% имеют нулевые показатели властного статуса, а у пятой части они не превышают одного балла. У специалистов же и полупрофессионалов, напротив, каждый четвертый имеет ненулевые показатели властного статуса, а каждый десятый — показатели не менее двух баллов.

Таблица 1

Принадлежность к профессиональной группе в зависимости от положения по шкале властного статуса, RLMS–HSE, 2015 г., % от общей численности работающего населения

Классы по ISCO-08 ¹	Сумма баллов по шкале						Доля группы в массиве
	0	1	2	3	4	5	
Руководители (1 класс)	5,3	20,8	24,1	19,1	24,8	5,9	6,6
Специалисты ² (2 класс)	73,6	17,3	4,1	8	2,0	0,2	18,2
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники (полупрофессионалы) (3 класс)	75,5	11,8	5,9	4,0	2,7	0,1	19,3
Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	85,1	8,6	4,7	0,8	0,8	-	5,1
Работники сферы торговли и услуг (5 класс)	91,3	5,1	2,3	0,8	,4	-	17,3
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	93,9	4,2	1,5	0,5	-	-	13,9
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	95,3	3,3	1,1	0,2	0,2	-	12,4
Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	99,4	0,6	-	-	-	-	7,2

¹ Учитывая незначительную численность в массиве квалифицированных работников сельского, лесного хозяйств и рыбоводства — семь человек (6 класс), данные по ним в таблице не представлены.

² Учитывая незначительную численность в массиве представителей нулевого класса (военнослужащие — 27 человек), а также тот факт, что в массе своей это люди с дипломом о высшем образовании, данные по ним были учтены в группе специалистов с высшим образованием (2 класс).

Таким образом, *в группах рядовых исполнителей властный ресурс также присутствует и находится примерно на одном уровне среди всех групп, занятых нефизическим трудом* (за исключением четвертого класса, в который входят занятые на таких должностях как, к примеру, курьер, кладовщик и т.д.). Причем в данных группах в сравнении с занятыми физическим трудом доля имеющих ненулевой властный статус несколько выше. Однако это не означает, что рабочий заведомо не может иметь высоких показателей властного статуса. Как видно из таблицы 1, около 2% квалифицированных рабочих имеют властный ресурс даже в два и более баллов, что вообще встречается в российском обществе достаточно редко. Данное явление объясняется тем, что некоторые рабочие руководят бригадами, численность которых, согласно заложенным нами критериям, зачастую составляет более пяти человек. В случае же, когда индивид является неквалифицированным рабочим (9 класс по ISCO-08), вероятность обладания ненулевым властным статусом у него близка к нулю (только 0,6% неквалифицированных рабочих обладают властным статусом в один балл, и в 100% случаев количество подчиненных у таких руководителей не превышает пяти человек).

Таким образом, *в целом с понижением предполагаемого работой уровня квалификации уменьшается и вероятность обладания властным статусом во всех формах*. Данное заключение подтверждается проверкой статистической связи между принадлежностью к профессиональной группе и величиной властного статуса, коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил — 0,426, что свидетельствует о наличии сильной и значимой статистической связи между данными переменными (корреляция значима на уровне 0,01).

Как видим, между профессиональной принадлежностью и положением по шкале властного статуса существует четкая связь. Однако каждая позиция на рынке труда предполагает, как минимум, наличие каких-либо навыков, а как максимум — установленного для той или иной профессиональной позиции уровня образования, уникального объема знаний и регулярного повышения квалификации. В этом смысле важно рассмотреть также соотношение уровня образования работника с его профессиональной принадлежностью и величиной властного статуса.

Из данных таблицы 2 видно, что чем более высокую позицию занимает работник в профессиональной структуре, тем выше уровень его образования, и, напротив, чем ниже его профессиональный статус, тем ниже его общий образовательный уровень. Данное утверждение подтвердилось и при корреляционном анализе¹. Хотя новым в сопоставлении уровня образования и профессионального статуса является, естественно, не хорошо известный факт их связи, а получение нами ее некоторых количественных характеристик в современной России.

Итак, положение в профессиональной структуре тесно связано с местом на шкале властного статуса и уровнем образования работника. Однако есть ли связь между величиной показателя властного статуса и уровнем образования? Как оказалось, такая связь также присутствует, хотя и довольно слабая². Это не позволяет однозначно утверждать, что властный статус индивида является своего рода немонетарной рентой на полученное им образование. Вероятно, существует еще множество факторов, помимо образования, обуславливающих положение работника в профессиональной структуре и влияющих через него на властный статус. Как было отмечено и некоторыми отечественными исследователями консистентности в области образования, далеко не во всех случаях корректно принимать формальное образование за устойчивый группообразующий признак или индикатор «реального» образовательного статуса. Обладатели одного и того же образовательного статуса («по диплому») могут принадлежать к разным социальным слоям и различаться по образу жизни, ценностным ориентациям, потребительским практикам [Социальная мобильность..., 2017].

В связи с этим перед нами возник еще один вопрос: могут ли сказываться различия в моделях распределения показателей властного статуса на экономическом статусе индивида? И как вообще

---

¹ Коэффициент корреляции Спирмена составил — 0,501, что свидетельствует о сильной обратной связи между переменными. Корреляция значима на уровне 0,01.

² Коэффициент корреляции Спирмена составил 0,235, что свидетельствует о наличии статистически значимой, хотя и не очень ярко выраженной связи между переменными. Корреляция значима на уровне 0,01.

Таблица 2
Принадлежность к профессиональной группе в зависимости от уровня образования, RLMS—HSE, 2015 г.
% от общей численности работающего населения

Классы по ISCO-08	Образование				
	Незаконченное среднее и ниже	Законченное среднее	Законченное среднее-специальное	Законченное высшее	Законченное высшее и выше (аспирантура, курсы и др.)
Руководители (1 класс)	3,0	3,0	4,5	11,1	13,4
Специалисты (2 класс)	2,1	3,8	11,5	35,0	43,1
Специалисты среднего уровня квалификации; чиновники (полупрофессионалы) (3 класс)	5,7	8,7	22,7	26,2	25,4
Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	5,1	5,4	5,6	4,7	3,2
Работники сферы торговли и услуг (5 класс)	21,4	25,7	18,8	9,8	8,5
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	25,6	22,2	14,5	6,0	3,5
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	16,4	19,0	14,9	5,8	2,3
Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	20,8	12,1	7,5	1,4	0,6
Доля группы в массиве	6,5	25,5	31,0	30,4	6,6

связаны между собой в современной России показатели властного, квалификационного и экономического статусов, насколько они консистентны? Ведь, как мы выяснили, хорошее образование не всегда гарантирует высокое положение в профессиональной структуре и обладание высоким властным статусом. Данный факт может быть обусловлен и тем обстоятельством, что современной российской экономике присущи серьезные структурные дисбалансы между качеством человеческого капитала работников, теми рабочими местами, которые в ней существуют и отдачей на человеческий капитал на этих рабочих местах [Каравай, 2016].

Для проверки степени консистентности властного и экономического статусов мы использовали показатели индивидуальных среднемесячных доходов работающих индивидов, что для подавляющего большинства соответствовало размерам их зарплат. Учитывая неоднородность доходов населения в разных регионах страны, мы соотнесли индивидуальные доходы респондентов с медианными показателями по региону. Использование медианного подхода к формированию шкалы доходов индивида позволяет учесть тот порог, ниже которого поддержание определенного образа жизни, характерного для сообщества, становится невозможным. Данный показатель успешно применялся при изучении российских реалий в работах ряда отечественных исследователей (Л. Овчаровой, Н. Давыдовой, Н. Тихоновой и др.).

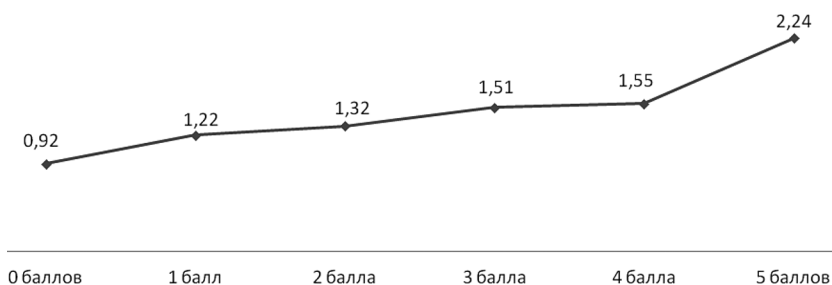
Рассматривая среднемесячную зарплату индивида относительно региональной медианы в зависимости от величины властного статуса, мы видим, что два этих показателя связаны довольно тесно (рис. 2). Это подтверждает и корреляционный анализ¹. Фактически, только наличие ненулевого властного статуса позволяет иметь зарплату, величина которой выше среднемесячной зарплаты относительно региональной медианы для работающего населения². В особенности же значительный рост зарплаты обусловлен

---

¹ Коэффициент корреляции Спирмена составил 0,286, что свидетельствует о наличии значимой статистической связи между этими переменными. Корреляция значима на уровне 0,01.

² Среднемесячная зарплата относительно региональной медианы в данном массиве для работающего населения (N=5230 чел.) составила всего 1,14 медиан доходов населения в целом.

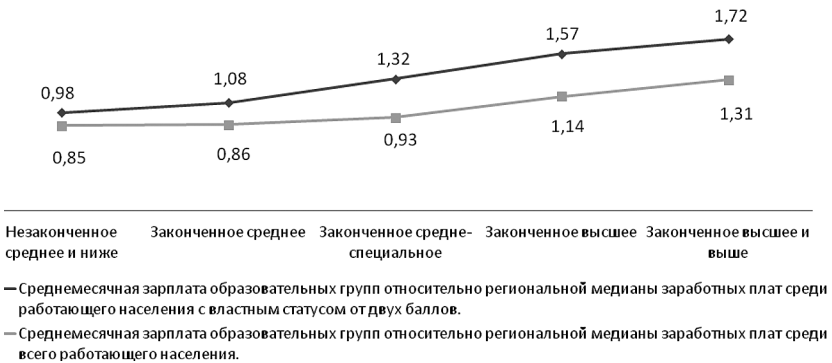
максимальным властным ресурсом. Остальные работающие имеют среднемесячную зарплату ниже этой величины.

Рис. 2. Среднемесячная з/п относительно региональной медианы з/п в зависимости от положения по шкале властного статуса для всего работающего населения, RLMS–HSE, 2015 г., разы

Все вышесказанное позволяет предположить, что *более высокое положение по шкале властного статуса, действительно, приносит экономическую отдачу*. Однако, как неоднократно отмечалось в научной литературе, в российском обществе квалификационный статус также способен приносить материальную отдачу [Капелюшников, Лукьянова, 2010; Каравай, 2016]. В таком случае резонен вопрос о том, насколько прирост заработной платы обусловлен властным статусом, и насколько квалификационным?

Наибольший интерес при ответе на данный вопрос вызывают те работники, властный статус которых составляет от двух баллов и выше. Как видно из данных рис. 3, образование в этой группе напрямую связано с уровнем заработной платы, составляя для тех, чей властный статус находится на отметке выше двух баллов, тот ресурс, который способен приносить экономическую отдачу. Если же говорить о работающем населении в целом, то даже в группе с высшим образованием и выше среднемесячная заработная плата составляет всего 1,31 медианы зарплат. Это практически на четверть меньше, чем в группе работников с таким же образовательным уровнем, но имеющих сколько-нибудь значимый властный ресурс. Это подтверждает вывод о том, что наибольшую отдачу на свой человеческий капитал в современной российской экономике получают руководители [Тихонова, 2017].

Рис. 3. Среднемесячная зарплата относительно региональной медианы в зависимости от уровня образования и властного статуса, RLMS—HSE, 2015 г., разы¹

Таким образом, квалификационный ресурс и образование индивида способны, как и властный ресурс, приносить экономическую отдачу, но в основном в качестве элемента композитных рент [Sorensen, 2000] при сочетании со значимым властным ресурсом (как минимум два балла), т.е. работник должен быть либо руководителем, либо владельцем / совладельцем предприятия и иметь при этом число подчиненных более пяти.

Заключение

По итогам проведенного анализа можно утверждать, что ненулевой властный статус в современной России встречается достаточно редко, так как лишь 20,0% работающего населения имеют показатели по шкале властного статуса более одного балла, а лиц с высокими его показателями (4–5 баллов), при которых на него идут значительные денежные отдачи, в разы меньше (2,9%).

Сопоставление показателей властного, экономического и квалификационного статусов свидетельствует о том, что для современного российского общества в большей мере характерна ситуация статусной консистентности (согласованности статусов),

¹ Общая численность респондентов с властным статусом от двух баллов составляла в массиве 494 человека.

особенно на полярных статусных позициях, нежели рассогласованности. Это, однако, не исключает наличие проблем при рассмотрении каждого вида статуса (властного, экономического, квалификационного) в отдельности. Так, сопоставление властного статуса индивида с его профессиональной принадлежностью продемонстрировало наличие тесной связи между ними. Во многом это связано с уровнем образования работника, которое служит фундаментом его места в профессиональной структуре. При этом связь между уровнем образования и величиной властного статуса по итогам анализа оказалась не столь тесной, как между положением в профессиональной структуре и образованием.

При анализе статистической связи экономического статуса и положения индивида по шкале властного статуса было установлено, что опережающий рост дохода наблюдается среди тех, чей властный статус превышает два балла. Это позволяет нам говорить о существовании экономической отдачи на властный статус для тех, у кого управленческая деятельность является основной, т.е. в том случае, когда количество подчиненных составляет более пяти человек. Для этой же группы экономический доход в большей мере обусловлен властным статусом, чем наоборот. В большинстве случаев для обладания более высокими показателями по шкале властного статуса необходимы достаточно высокие показатели квалификации, что в совокупности приносит и более высокие экономические отдачи.

Библиографический список

- Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
- Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л.* Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
- Каравай А. В.* Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 91–112. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.399.

- Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / [А. В. Ваньке и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. М.: Институт социологии РАН, 2017. 384 с. ISBN: 978-5-89697-278-5.
- Тихонова Н. Е.* Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. Т. 8. № 2 (21). С. 141–165. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.462.
- Bendix R., Lipset S. M.* Class, status, and power: Social stratification in comparative perspective. London: Taylor & Francis, 1966. 677 p.
- Blau P. M., Duncan O. D.* The American occupational structure. N.Y.: Wiley, 1967. 520 p.
- Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. Stanford, CA: Stanford University Press, 1959. 336 p.
- Dornbusch S. M., Scott W. R.* Evaluation and the exercise of authority. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1975. 398 p.
- Molm L. D.* The structure and use of power: A comparison of reward and punishment power // Social Psychology quarterly. 1988. Vol. 51. P. 108–122.
- Hays N. A., Bendersky C.* Not All Inequality Is Created Equal: Effects of Status Versus Power Hierarchies on Competition for Upward Mobility // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. Vol. 108. № 6. P. 867–882. DOI: 10.1037/pspi0000017.
- Pfeffer J., Salancik G. R.* The external control of organizations: A resource dependence perspective. N.Y.: Harper & Row, 1978. 336 p.
- Podolny J. M.* A status-based model of market competition // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. P. 829–872.
- Ridgeway C. L.* Framed by gender: How gender inequality persists in the modern world. N.Y.: Oxford University Press, 2011. 242 p.
- Thye S. R.* A status value theory of power in exchange relations // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. № 3. P. 407–432.
- Weber M.* Economy and society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

Российские рабочие: специфика и динамика человеческого капитала¹

Введение

Сложная экономическая ситуация, в которой оказалась сегодня Россия, а также взятый ею курс на импортозамещение резко актуализировали необходимость изучения российского рабочего класса как одного из ключевых субъектов, призванных повысить эффективность функционирования реального сектора экономики страны. Огромную роль в способности российских рабочих справиться с теми задачами, которые в связи с этим возлагаются на них, играет человеческий капитал. Актуальность этой темы объясняется несколькими причинами. Во-первых, по мнению ряда экспертов, мир стоит на пороге новой технологической революции, связанной с началом очередного — шестого — технологического уклада, способного полностью изменить большинство производственных процессов в результате массового внедрения новых технологий, например, 3-D печати, беспилотных транспортных средств, полной роботизации производства и пр. Естественно, что эти процессы отразятся на характере труда всех профессиональных

---

* Каравай Анастасия Вадимовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. karavayav@yandex.ru.

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту РГНФ № 16-03-00098 «Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы».

групп, но особенно сильно они затронут труд рабочих, для которых изменится не только его характер, но и содержание. В то же время, с началом кризиса и введением различных санкций в отношении нашей страны, властями начали предприниматься попытки реиндустриализации экономики и перевода ее на инновационные рельсы. Развитие этих процессов также в перспективе потребует от российских рабочих человеческого капитала принципиально иного качества, нежели в индустриальную эпоху. Анализ его качества и неоднородности имеет, впрочем, не только практическое, но и теоретическое значение. Он позволяет глубже понять особенности рабочего класса как одного из ключевых элементов социально-профессиональной структуры российского общества.

Теоретическая и эмпирическая база исследования

Классическая теория человеческого капитала зарождалась в среде экономистов и связана с именами Г. Беккера, Т. Шульца, Д. Минцера и др. Эта концепция предполагает, что индивиды принимают решение о получении образования, повышении своей профессиональной подготовки, приобретении каких-то новых навыков и знаний, сравнивая ожидаемую экономическую отдачу от этих действий с альтернативной стоимостью потраченных на них средств и времени. Другими словами, мы имеем дело с инвестициями, совершаемыми человеком на протяжении всей его жизни, и эти инвестиции должны приносить соответствующие отдачи (ренды).

Согласно подходу Г. Беккера, человеческий капитал на уровне индивида делится на общий (ОЧК) и специфический [Беккер, 2003]. Первый свидетельствует об общем уровне профессиональной подготовки индивидов, наличии у него базовых знаний и умений по профессии, а также о его способности к обучению. Специфический человеческий капитал определяет «ценность» работника на конкретном предприятии и связан с его определенными навыками, включая знание не только особенностей профессиональной стороны своей работы, но и специфику корпоративной культуры и взаимоотношений с коллегами. Данный вид человеческого капитала обычно измеряется количеством лет работы на предприятии

(специальный стаж), и, с точки зрения классической теории, уровень заработной платы растет с увеличением специального стажа, поскольку работник накапливает в ходе работы необходимые на данном предприятии знания, в частности, перенимая их у коллег.

В своем исследовании мы сосредоточились на анализе качества общего человеческого капитала рабочих. Во-первых, потому, что по свидетельству ряда исследователей [Аникин, 2009; Кремнева, Лукьянова, 2015, Латова, 2017], спецификой одной из стратегий профессионального роста, используемой российскими рабочими, является сравнительно частая смена работодателей. Во-вторых, в последних исследованиях экономистов [Гимпельсон и др., 2017] показано, что «премия» за специальный стаж на российском рынке труда объясняется не с точки зрения теории человеческого капитала (чем больше инвестиции в работника, тем он ценнее и с ним с меньшей долей вероятности захотят расстаться), а, скорее, с точки зрения теории мэтчинга, когда у работодателя слабы стимулы к «расставанию», поскольку он опасается не найти в такой же степени подходящего работника.

В качестве эмпирической базы нашего исследования мы использовали данные RLMS–HSE — лонгитюдного исследования, выборки которого уже на протяжении более чем 20 лет репрезентируют население по полу, возрасту и типу поселения, а большая часть повторяющихся из года в год вопросов в инструментарии позволяет строить временные ряды по анализируемым показателям¹. Основным массивом для построения индекса качества ОЧК рабочих стали данные 24 волны RLMS–HSE (опросы в которой пришлось на конец 2015 г.). Для анализа динамики мы использовали данные за период с 2000 по 2015 гг., т.к. в инструментарии именно этих лет присутствовали все необходимые для построения индекса качества ОЧК переменные. В то же время по отдельным компонентам индекса мы смогли проследить динамику со второй половины 1990-х гг.

---

¹ См. подробнее: «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>).

Специфика и динамика общего человеческого капитала российских рабочих

Для исследования ОЧК рабочих нами был построен специальный индекс, включавший в себя три субшкалы¹. Во-первых, субшкала «Количество лет обучения», традиционно используемая во всем мире для оценки объема человеческого капитала. Наша логика присваивания баллов преследовала цель выделить тех, кто получил образование, превосходящее обязательную для всех среднюю школу. Поэтому 10–12-летнее образование нами оценивалось в один балл, а за каждый дополнительный год обучения мы добавляли по баллу. Как показано в таблице 1, в большинстве своем рабочие ограничиваются 10–12 годами обучения, и, по крайней мере, формально свое образование не продолжают, хотя в данный расчет не вошли образовательные курсы длительностью менее одного года. Однако сразу стоит сказать, что рабочие в большинстве своем не вовлечены в процессы непрерывного образования ни в формальной форме, ни тем более в форме самообразования [Каравай, 2016].

Таблица 1

Распределение баллов по субшкале «Количество лет обучения»,
RLMS–HSE, 2015 г., %²

Количество лет обучения	Баллы	Доля среди рабочих	Доля среди всех работающих
Менее 10 лет	0 баллов	12	6
10–12 лет	1 балл	57	38
13 лет	2 балла	13	12
14 лет	3 балла	7	9
15 лет	4 балла	4	11
16 лет	5 баллов	3	12
17 лет	6 баллов	2	5
18 лет	7 баллов	1	3
19 лет	8 баллов	0	2
20 лет и более	9 баллов	1	2

¹ Более подробно описание методики построения индекса качества ОЧК см. [Тихонова, Каравай, 2017].

² Фоном выделены значения, которые в группе рабочих заметно превышают соответствующие среди работающих в целом.

Следующая субшкала — «Соответствие образования профилю занятости». Ее введение объяснялось тем, что, как показал наш анализ, среди рабочих, чей стаж на последнем месте не превышает одного года, имеющие профильное образование получают заработную плату выше, чем те, у кого его нет. Кроме того, работнику приходится тратить дополнительное время на то, чтобы довести свой профессиональный уровень до приемлемого на конкретном предприятии, что также означает дополнительные затраты для работодателя. В итоге наших расчетов получилось, что совсем небольшая доля рабочих имеет образование, соответствующее их профилю занятости (табл. 2). Подавляющее же большинство имеет по ней нулевые показатели, и это означает, что у них вообще нет профильного образования, за исключением обучения на рабочем месте.

Таблица 2

**Распределение баллов по субшкале
«Соответствие образования профилю занятости», RLMS–HSE, 2015 г., %¹**

Баллы	Доля среди рабочих	Доля среди всех работающих
0 баллов	87,7	80,9
1 балл	4,4	3,2
2 балла	6,7	3,4
3 балла	1,1	5,5
4 балла	0,1	5,9
5 баллов и выше	0,1	1,1

При построении третьей субшкалы мы стремились учесть наличие таких необходимых в наше время навыков как умение работать на компьютере и знание иностранных языков. С одной стороны, конечно, для рабочих эти навыки не столь актуальны, как, например, для специалистов и руководителей. Однако с другой стороны, каждый шестой рабочий в течение 2015 г. пользовался компьютером на работе.

К тому же развитие таких направлений, как робототехника, промышленное прототипирование, 3D-моделирование и печать² опре-

¹ Фоном выделены значения, которые в группе рабочих заметно превышают соответствующие среди работающих в целом.

² Именно такие профессии рабочих наряду с более традиционными указаны в материалах российского отделения Международного некоммерче-

деленно требует нетривиальных навыков работы на компьютере и знаний английского языка, в первую очередь для того, чтобы уметь ознакомиться с профессиональной литературой или инструкциями. Как показано в таблице 3, довольно заметная часть рабочих имеет баллы по данной субшкале — в основном, за счет все большего распространения навыков работы на компьютере. Даже в возрастных группах 40–55 лет около половины рабочих владеют этим навыком.

Таблица 3

**Распределение баллов по субшкале
«Соответствие образования профилю занятости», RLMS–HSE, 2015 г., %¹**

Баллы	Доля среди рабочих	Доля среди всех работающих
0 баллов	40,4	23,5
1 балл	37,1	24,3
2 балла	18,3	35,3
3 балла	2,5	4,0
4 балла	1,7	12,9

Суммирование полученных трех субшкал позволило нам получить интегральный индекс качества ОЧК. Его анализ показал, что по этому показателю на фоне работающих в целом российские рабочие выглядят заметно хуже (табл. 4). Согласно используемым данным среди рабочих средние показатели Индекса качества ОЧК составляли в конце 2015 г. 2,72 балла (медиана — два балла), тогда как у работающих в целом — 4,97 баллов (медиана — 4 балла). Даже среди квалифицированных рабочих этот показатель в среднем не превышал 4 баллов. Так, например, среди представителей 7 класса по ISCO (рабочие квалифицированного ручного труда²) средние

ского движения WorldSkills, направленного в том числе на повышения престижа рабочих специальностей и развитие профессионализма рабочих. См. более подробно: Официальный сайт WorldSkills Russia. URL: <http://worldskills.ru/> (дата обращения: 01.07.2017 г.).

¹ Фоном выделены значения, которые в группе рабочих заметно превышают соответствующие среди работающих в целом.

² В большинстве случаев (свыше 80%) к данной категории относятся механики, слесари, токари, электрики, монтажники и др., задействованные в добывающей, обрабатывающей и автомобильной промышленности, а также в строительстве.

значения нашего Индекса составляли 3,80 балла (медианные — два балла), а в восьмом классе (операторы машин и механизмов¹) — 2,65 балла (медиана — два балла). В то же время почти для 10% неквалифицированных рабочих (9 класс ISCO²) показатели качества ОЧК превышали четыре балла, т.е. их уровень был выше, чем у половины работающих россиян. Последнее обстоятельство на первый взгляд выглядит парадоксально, однако анализ возрастных групп свидетельствует, что четверть рабочих с высоким качеством ОЧК, занимающихся неквалифицированным трудом, старше трудоспособного возраста, т.е. их образование и опыт не были востребованы рынком труда³.

Таблица 4

**Распределение показателей Индекса качества ОЧК
в различных группах рабочих, RLMS–HSE, 2015 г., %**

Баллы	Профессиональные классы по ISCO			В целом рабочие	Справочно: все работаю- щие
	7 класс	8 класс	9 класс		
0	4,4	5,5	10,3	6,1	2,7
1	22,0	28,5	38	27,9	14,8
2	24,5	30,4	28,6	27,5	18,8
3	13,1	12,5	8,4	11,8	9,5
4	13,6	7,4	5,4	9,6	8,4
5	8,4	4,4	5,1	6,3	6,3
6	3,4	3,7	1,4	3,0	7,6
7	4,0	2,8	1,4	3,0	7,3
8	1,6	1,9	0,3	1,4	5,4
9	2,3	1,6	0,8	1,7	6,3
10 и бо- лее	2,7	1,3	0,3	1,7	12,9

¹ Свыше 60% данной группы составляют водители различного вида транспорта, включая железнодорожный и водный, однако чаще всего — это водители грузовых автомобилей.

² Свыше 60% неквалифицированных рабочих — это грузчики и уборщики.

³ В принципе, нужно отметить, что в 2015 г. пятую часть группы неквалифицированных рабочих составляли лица старше трудоспособного возраста.

Для классификации рабочих по качеству их человеческого капитала мы использовали метод двухэтапного кластерного анализа, который позволил выделить два кластера с достаточно высоким качеством разбиения (силуэтная мера связности и разделения 0,7). Большинство рабочих (73,3%) алгоритм кластеризации отнес к кластеру со средним значением Индекса качества ОЧК в 1,61 балла (медиана — два балла), мы условно назвали ее группой с низким качеством ОЧК. Во втором кластере, составляющем 26,7% рабочих, средние значения нашего Индекса составляли 5,76 баллов (медиана — пять баллов). И его мы условно назвали группой с высоким качеством ОЧК. Порогом качества человеческого капитала для представителей данных двух групп стало значение Индекса в четыре балла, который являлся минимальным в группе с высоким качеством человеческого капитала.

Покомпонентный анализ показывает, что основные различия между рабочими с высоким и низким качеством человеческого капитала заключаются в нескольких показателях (табл. 5). Во-первых, рабочие с высоким его качеством дольше учились (медиана количества лет обучения — 14 лет, против 11 лет во второй группе). Во-вторых, в подавляющем своем большинстве они владели наиболее востребованными навыками, особенно, работы на компьютере (90,0% против 48,5%), хотя и знание иностранных

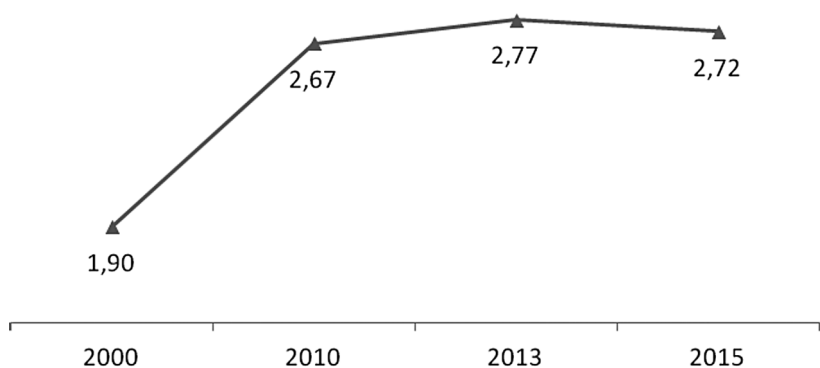
Таблица 5

Средние значения индекса качества ОЧК и его компонент,
RLMS–HSE, 2015 г., баллы

Показатели	Качество ОЧК рабочих		Рабочие в целом
	Высокое	Низкое	
Баллы по субшкале «Количество лет обучения»	3,4	1,0	1,6
Баллы по субшкале «Соответствие образования профилю занятости»	0,5	0,1	0,2
Баллы по субшкале «Навыки», в т.ч.:	1,8	0,5	0,9
«Знание иностранных языков»	0,2	0,0	0,1
«Умение работать на персональном компьютере»	1,6	0,5	0,8
Баллы индекса качества ОЧК	5,76	1,61	2,72

языков в данной группе встречалось чаще, чем в группе с низким качеством человеческого капитала (19,0% против 3,8%). Что же касается наличия образования по профилю занятости, то в этом плане рабочие с разным качеством человеческого капитала различались сравнительно слабо. В обеих группах у большинства рабочих его не было, хотя среди рабочих с высоким качеством человеческого капитала профессиональное образование, соответствующее их профилю занятости, встречалось все же в три с лишним раза чаще, чем в группе с низким его качеством (соответственно, 26,3% против 7,4%).

Как уже отмечалось выше, мы проследили изменения построенного Индекса с 2010 по 2015 гг., поскольку в инструментарии именно этих волн были все необходимые нам переменные. Отсутствие одной из них (знание иностранных языков) в массиве 2000 г. также не помешало построить нам индекс и применительно к этой волне. Так как у подавляющего большинства рабочих данный навык традиционно отсутствует, и его вклад в значения субшкалы «Навыки» минимален. Как показано на рисунке 1, за рассматриваемые 15 лет качество ОЧК рабочих если и росло, то только в первую декаду XXI в.

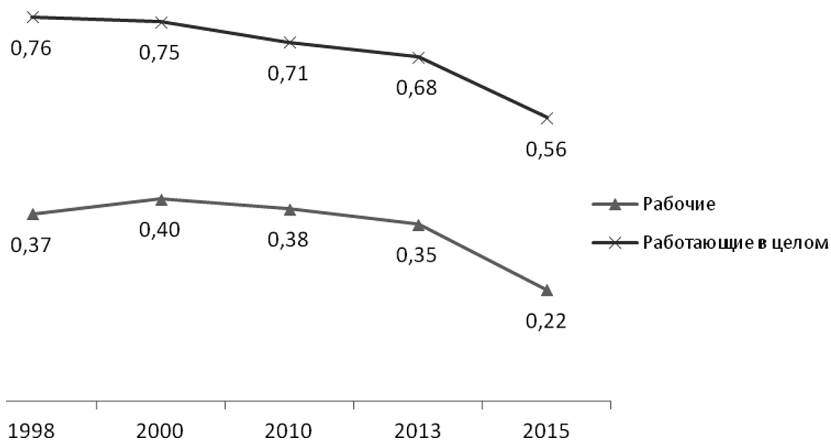
Рис. 1. Динамика средних значений Индекса качества ОЧК рабочих, RLMS-HSE, 2000–2015 гг., баллы

Покомпонентный анализ показал, что качество ОЧК российских рабочих росло, во-первых, за счет все большего распростра-

нения среди них навыков работы на персональном компьютере. Так, начиная с 2000-х гг. выросла доля взрослого населения, использующего персональные компьютеры, с 22,6% в 2000 г. до 47,1% в 2010 г. и до 56,2% в 2015 г. Среди рабочих пользовались хотя бы раз в год в любых целях персональным компьютером в 2000 г. — 15,7%, в 2010 г. — 41,5%, а в 2015 г. — 59,6%. И даже в возрастной группе 45–55 лет свыше половины рабочих в конце 2015 г. были охвачены цифровыми технологиями. В перспективе рабочие вместе с остальными россиянами все шире будут включаться в компьютерные технологии, а значит, показатели по данной субшкале будут расти.

Что касается третьей субшкалы «Соответствие образования профилю занятости», то еще с 1998 г. наблюдается постепенное снижение числа тех, кто характеризуется соответствием профилей полученного образования и выполняемой работы, причем как среди рабочих, так и среди работающих в целом (рис. 2). Основное снижение в этой области наблюдалось в период с 2013 по 2015 гг. Так, в 2013 г. среди квалифицированных рабочих ручного труда 77,5% не имели никакого профильного для их деятельности образования. Среди операторов машин и механизмов таких было 63,1%. К 2015 г. эти показатели выросли до 81,5 и 87,2% соответственно. Для сравнения среди работающих россиян старше 18 лет, доля тех,

Рис. 2. Динамика средних показателей по субшкале «Соответствие образования профилю занятости», RLMS–HSE, 1998–2015 гг., %

кто не имел никакого образования по профилю занятости, выросла с 75,1 до 80,9% за тот же период. Очевидно, что рабочие, также как и остальные работающие россияне, включены в процессы всеобщей депрофессионализации, когда для занятия той или иной должности достаточно формального наличия определенного уровня образования безотносительно к его профилю.

К сожалению, отсутствие части используемых для построения Индекса качества ОЧК переменных не позволило проследить динамику численности доли группы рабочих с высоким качеством человеческого капитала до 2010 г. Однако тренды в динамике основных компонент нашего Индекса позволяют предполагать, что до 2010 г. доля рабочих с высоким качеством человеческого капитала постепенно увеличивалась, а после 2010 г. произошла ее стабилизация и даже смена трендов. Причины таких изменений, несомненно, должны стать предметом дальнейшего отдельного изучения.

Заключение

Рассчитанный нами Индекс качества ОЧК помог выделить группу рабочих с высокими (превышающими медианные значения для всех работающих россиян) показателями данного индекса. К 2010 г. группа рабочих с высоким качеством человеческого капитала достигла четверти всех рабочих и с тех пор их доля практически не изменялась. Их преимущество по сравнению с остальными рабочими заключается в том, что все они имеют профессиональное образование хотя бы в виде курсов и практически все владеют компьютерной грамотностью. Даже знание иностранных языков в этой группе встречается в пять раз чаще, чем среди рабочих с низким качеством человеческого капитала. Что касается соответствия образования профилю выполняемой работы, то хотя оно у рабочих с высоким качеством человеческого капитала встречается чаще, чем у остальных, однако и в этой группе оно есть лишь у меньшинства. Основываясь на имеющихся данных, мы можем сказать, что рабочие вместе с остальными работающими россиянами все реже устраиваются на работу в соответствии с профилем полученного профессионального образования, которое все чаще носит чисто формальный характер.

Динамика других показателей, входящих в предложенный нами Индекс качества ОЧК, показывает, что, во-первых, рабочие не остались в стороне от процессов «информатизации» общества, хотя до сих пор даже на бытовом уровне отстают по степени вовлеченности в компьютерные технологии от других работающих россиян. Во-вторых, уровень образованности рабочих рос с середины 1990-х гг. вплоть до начала 2010-х гг. — они все чаще получали профессиональное образование, причем этот рост обеспечивали те, кто учился в учебных заведениях средне-специального и высшего профессионального образования. После 2010 г. данный тренд сменился на противоположный. В силу разных факторов, природу которых еще предстоит выяснить, рабочие больше не заинтересованы в получении профессионального образования. Учитывая, что большинство рабочих, по крайней мере, формально, не включены в процессы получения дополнительного профессионального образования и повышения квалификации, это может свидетельствовать об угасающей их заинтересованности в повышении качества их человеческого капитала.

Библиографический список

- Аникин В. А.* Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994–2006 гг. (по материалам RLMS–HSE) // Мир России. 2009. Т. 18. № 3. С. 114–131.
- Беккер Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход / Пер. с англ. под науч. ред. Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2003. 672 с.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Ощепков А. Ю.* «Новички» и «старожилы»: что говорят показатели специального стажа [Электронный ресурс]. Препринт WP3/2017/01. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/64/15002406755c8f0dd0f280e68c27bc082773782514/WP3_2017_01.pdf (дата обращения: 15.07.2017).
- Каравай А. В.* Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 91–112. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.399.

- Кремнева Н., Лукьянова Е.* Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте // ИНТЕР. ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 26–38.
- Латова Н. В.* Роль профессионального образования в воспроизводстве российского рабочего класса // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 99–113.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В.* Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России. 2017. Т. 26. № 3. С. 6–35.

Прекаризация труда: новые подходы к социологическому анализу

Введение

В силу своей высокой актуальности вопрос распространения прекарного труда активно включается в сферу политической борьбы и спекуляций. Как следствие, большинство теоретических исследований в данной сфере в значительной мере идеологизированы. В то же время существует недостаток эмпирических данных, которые бы позволили взглянуть на показатели микроуровня и проанализировать фактическое влияние трансформаций трудовых практик на вовлеченных в них людей.

В данном исследовании была предпринята попытка найти отправную точку в дальнейшем анализе того, как новые формы трудовых практик, входящих в концепт прекаризации труда, влияют на осознанное и неосознанное восприятие человеком самого себя. В данной статье акцент сделан на прекаризации молодежи, в частности, молодых специалистов и студентах вузов. Для исследования был специально разработан индекс прекаризации. А для оценки влияния уровня прекаризации на личность использовалась методика оценки временных перспектив. Данная методика была разработана Ф. Зимбардо и Дж. Бойдом [Zimbardo, Boyd, 1999: 1271–1288].

Новый опасный класс прекариата

В современной трактовке основным фактором отнесения работника к прекариату выступают выделенные Г. Стэндингом виды

---

* Дурнов Алексей Вячеславович, руководитель исследовательских проектов Аналитического центра «НАФИ». a.v.durnov@gmail.com.

трудовых гарантий, которыми не обладают представители данного класса [Стэндинг, 2014: 5]. Укоренение приоритета максимизации прибыли и снижения издержек привело к возникновению ряда новых гибких форм занятости. Многие модели трудовых отношений, выстроенные в соответствии с современными вызовами глобализованного мира, в значительной мере коммодифицируют человеческие ресурсы и прилагают все возможные усилия, чтобы их оптимизировать.

Новые формы трудовых отношений подробно описаны в статье Р. А. Долженко «Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий». Автор дает им следующее определение: «это комплекс трансформаций в экономических, социально-психологических, правовых взаимоотношениях, которые реализуются в процессе трудовой деятельности между субъектами различного уровня, получают постепенное распространение на рынке труда» [Долженко, 2014: 179].

Статус временного работника содержит в себе главную характеристику прекариата в современной трактовке. Молодые специалисты — наиболее уязвимая категория прекариата. Это обусловлено спецификой конъюнктуры рынка труда. По оценке Агентства стратегических инициатив большое количество профессий в обозримом будущем либо устареют, либо исчезнут полностью [Атлас..., 2014].

Такое массовое устаревание профессий обусловлено техническими достижениями: задачи, решаемые теми или иными специалистами, могут выполняться различным программным обеспечением без потери качества. В то же время, когда объем данных и их сложность возрастает, современное ПО может обрабатывать подобный поток информации существенно быстрее и надежнее. Р. А. Долженко и Э. И. Попов отмечают, что «постепенное исчезновение подобных профессий будет сопровождаться усиливающейся прекарризацией труда работников, ими занятых» [Долженко, Попов, 2014: 184]. Тем не менее рынок труда и система высшего образования не настолько гибкие, чтобы адекватно реагировать на подобные стремительные изменения. Поэтому можно предположить, что число молодых специалистов, попадающих в группу риска прекарнизации труда, в будущем будет увеличиваться.

Если говорить о других категориях населения, в частности, мигрантах и специалистах предпенсионного возраста, то они также подвержены прекаризации, носящей временный и несистемный характер. Поэтому в данной работе мы будем рассматривать только вопрос прекаризации молодежи, в частности, молодых специалистов и студентов вузов. Эта категория прекариата наиболее многочисленна, а последствия увеличения ее численности могут иметь серьезное влияние на социальные процессы в будущем.

Концептуальные определения и операционализация ключевых понятий

Под молодежью в рамках данного исследования будут пониматься молодые специалисты в возрасте от 18 до 35 лет из различных профессиональных сфер. Выбор специалистов обусловлен тем, что в работе рассматриваются практики осуществления трудовой деятельности. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2014 г. верхней возрастной границей для молодых специалистов и молодых ученых считается 35 лет [Распоряжение..., 2014]. Нижняя возрастная граница в рамках данного исследования определена на уровне 18 лет, поскольку начиная именно с этого возраста человек имеет право официально устраиваться на работу и получать полный социальный пакет.

В качестве рабочего определения прекарной работы возьмем за основу критерии Л. Ф. Воско, который определяет ее через низкий уровень оплаты труда, ограниченный уровень социальных гарантий и высокую неопределенность [Vosko, 2011: 3]. Основная гипотеза нашего исследования связана с влиянием прекаризации труда на трансформацию психологического восприятия времени молодыми специалистами. Измерение времени представляет интерес в качестве темпорального опыта, который оказывает значительное влияние на человека и организует его жизнь определенным образом.

Одну из наиболее широко распространенных трактовок психологического восприятия времени дают Дж. Хорник и Д. Закай. Они определяют временную ориентацию как «относительное доминирование прошлого, будущего или настоящего в мыслях

человека» [Hornick, Zakay, 1996: 385]. Во многом на основе данного подхода была разработана концепция временных перспектив Ф. Зимбардо и Дж. Бойда. Их методика позволяет определить значения следующих временных перспектив: негативное прошлое, позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее и будущее. Прекарный труд может иметь ряд значительных отличий в своей темпоральности по сравнению с традиционными формами труда. Помимо низкого статуса и уровня оплаты труда, важными особенностями в таких условиях является неустойчивость рабочего времени: его может быть как слишком мало, так и слишком много [Axelsson et al., 2017]. Кроме того, большое влияние на восприятие времени оказывает невозможность оценить продолжительность текущих формальных и неформальных договоренностей с работодателями и заказчиками. Сами по себе гарантии, которых в некоторой степени лишается прекариат, во многом нацелены на временную перспективу будущего. Гарантии занятости, рабочего места, воспроизводства навыков, получения дохода обеспечивают работнику различные преимущества в будущем по результатам или по самому факту работы. Определение значимости последствий таких темпоральных особенностей работы для специалиста, вовлеченного в прекарный труд, являются ключевыми вопросами нашего исследования.

Методы сбора первичной информации

В качестве метода сбора первичной информации был выбран анкетный онлайн-опрос. Этот метод полностью соответствует целям и задачам нашего исследования, а также хорошо подходит под особенности изучаемого объекта. Молодые специалисты — квалифицированная категория населения, имеющая доступ к интернету и активно пользующаяся персональными компьютерами и прочими девайсами в рабочих и иных целях. У данной группы напряженный график, который может значительно затруднить процесс проведения интервью оффлайн. Использованный же метод не имеет таких ограничений и позволяет значительно расширить выборку за счет того, что респондент дает ответы на вопросы в удобное для себя время.

Подобный метод был успешно опробован на близкой целевой аудитории — фрилансерах — и описан в литературе. В декабре 2008 г. сотрудники лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ совместно с сайтом Free-lance.ru провели первую всероссийскую перепись фрилансеров [Стребков, Шевчук, 2010: 45]. Метод онлайн-опроса позволил включить в анкету два необходимых блока: авторскую методику оценки уровня вовлеченности отдельного специалиста в практики precarious труда и русскоязычную адаптацию опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо (ZTPI), реализованную и апробированную А. Сырцовой и О. В. Митиной. Инструментарий для каждого отдельного респондента мог включать до 81 вопроса. Это позволило с большой достоверностью определить уровень precariousности каждого участника опроса. В то же время адаптированная методика Ф. Зимбардо дает возможность получить «надежные, внутренне консистентные и воспроизводимые шкалы, где факторная структура практически полностью воспроизводит структуру оригинального опросника ZTPI» [Митина, Сырцова, 2008: 67].

Единицами отбора послужили молодые специалисты, которые имели какую-либо оплачиваемую работу за последний год на территории Республики Беларусь или Российской Федерации в возрасте от 18 до 34 лет из различных профессиональных сфер. В выборку комбинированным методом доступной выборки и снежного кома было отобрано 107 человек. Из них семь было отбраковано по причинам некачественного заполнения анкеты. В целом выборку можно охарактеризовать как доступную целевую, а по своей сути она является теоретической. Важной задачей было найти доступных молодых специалистов, вовлеченных в разные виды труда и в разных профессиональных средах. Далее был запущен механизм «снежного кома».

Скрининговые вопросы отбирали только русскоязычных респондентов, которые работали на протяжении года в Республике Беларусь и Российской Федерации. Этот выбор объясняется тем, что Беларусь и Россия входят в Союзное государство, имеют соглашения о беспрепятственном перемещении рабочей силы, имеют одним из государственных языков русский, а также их объединяет долгий период общей истории. Поскольку precarious работа часто может подразумевать удаленный характер, то она существу-

ет в некотором роде вне государственных границ. Заказчики, работодатели, подрядчики и исполнители могут находиться территориально в абсолютно разных местах. Наиболее важное значение тут приобретает именно общий язык, который их объединяет. Временной период сбора первичных данных полевого этапа — от 21 до 25 марта 2016 г.

Описание процедуры подсчета индекса прекаризации

Цель создания методики определения индекса прекарности для каждого отдельного респондента заключалась в попытке соотнести респондентов между собой по вовлеченности в прекарный труд. Другими словами, значение данного индекса предлагается рассматривать в контексте значений для всех респондентов, принимавших участие в исследовании. Индекс не претендует на точное и исчерпывающее определение уровня прекарности для отдельного человека, хотя и стремится к этому. Значение индекса указывает на место на условной шкале прекарности, которое занимает данный индивид в сравнении с другими участникам исследования.

Для достижения заявленных целей на основе операционализации понятий был предложен кумулятивный индекс прекаризации. Этот индекс включает в себя следующие составные компоненты: индекс прекарности по доходу, по надежности рабочего места, по социальной защищенности, по гибкости труда, по возможностям развития, по социальным связям.

Вопросы, которые использовались для определения куммулятивного индекса и его компонентов, располагались в первом блоке анкеты (20 шт.). Задача индекса заключалась в получении шкалы именно относительных величин, а не абсолютных, что позволило избежать необходимости в определении веса каждого отдельного вопроса. Часть вопросов были альтернативными, еще часть — с множественным выбором ответов, остальные вопросы представляли собой пятибалльную шкалу Лайкерта. Каждый сделанный респондентом выбор добавлял или отнимал к индексу значение равное единице. Вопросы, организованные по шкале Лайкерта, давали в зависимости от выбора следующие значения: прибавление

к индексу двух единиц или одной в случае выбора первого или второго варианта, соответственно; к индексу ничего не прибавлялось и не отнималось в случае выбора третьего варианта ответа; индекс уменьшался на одни или две единицы в случае выбора четвертого и пятого вариантов ответа.

Индекс precariousности по доходу включал в себя следующие вопросы: «Оцените предсказуемость Вашего заработка или дохода в ближайшие шесть месяцев»; «Высокие риски, вероятность обмана со стороны работодателя», «Относительно невысокий уровень дохода», «Нестабильность, непредсказуемость будущих доходов»; «Сколько часов в день Вы в среднем работаете (включая все виды оплачиваемой занятости, если их несколько)?» и «Каков Ваш личный ежемесячный доход?». Вопросы 22 и 24 давали в индекс общую результирующую величину, которая определялась по алгоритму, представленному в таблице 1.

Таблица 1

**Алгоритм подсчета результирующей величины
для индекса прекаризации по вопросам Q22 и Q24, единицы**

Q22 доход / Q24 раб.ч.	1–2	3–4	5–6	7–8	9–10	11–12	13 +
До 150\$	-1	0	1	2	3	4	5
От 150\$ до 300\$	-2	-1	0	1	2	3	4
От 300\$ до 450\$	-3	-2	-1	0	1	2	3
От 450\$ до 600\$	-4	-3	-2	-1	0	1	2
Свыше 600\$	-5	-4	-3	-2	-1	0	1

Индекс precariousности по надежности рабочего места включал в себя следующие вопросы: «Полная занятость с официальным трудоустройством», «Полная занятость без официального трудоустройства», «Самозанятость (фриланс, работа по договорам подряда)»; «Как вы оцениваете вероятность того, что будете работать на том же месте или в той же сфере в течение ближайших 6 месяцев?»; «Оцените надежность своего настоящего места работы»; «Необходимость самостоятельно заниматься поиском новых проектов».

Индекс precariousности по социальной защищенности включал в себя следующие вопросы: «Есть ли у вас возможность взять оплачиваемый больничный?»; «Какие социальные гарантии

предоставляет ваша работа?»; «Отсутствие социального пакета и социальных гарантий (больничный, отпуск, пенсия и т.п.)».

Индекс прекарности по возможностям развития включал в себя следующие вопросы: «Как часто у вас есть возможность приобрести новые профессиональные знания и навыки?»; «Оцените возможности вашего карьерного роста».

Индекс прекарности по гибкости труда включал в себя следующие вопросы: «Как часто вам приходится работать сверхурочно?»; «Есть ли у вас возможность и необходимость работать удаленно?»; «Какая у вас фактически оплата труда?»; «Оцените гибкость вашего рабочего времени; «Насколько вы удовлетворены соотношением времени, которое вы тратите на работу, и времени, которое вы посвящаете другим сторонам вашей жизни?»; «Трудно работать в домашней обстановке, отвлекаясь на другие дела», «Приходится работать тогда, когда другие люди отдыхают», «Невозможно спланировать свое личное время из-за работы», «Необходимость самому себя организовывать и контролировать».

Индекс прекарности социальных связей включал в себя следующие вопросы: «Как часто у вас есть возможность обмениваться опытом с коллегами или другими специалистами?»; «Недостаток общения с людьми».

Представление и анализ собранных данных

Распределение по полу среди участников опроса следующее: 39 мужчин и 61 женщина. Минимальный возраст респондентов составил 18 лет, а максимальный — 34. Средний возраст оказался равным 25 годам при среднеквадратичном отклонении в 3,2 года. Корреляции между социально-демографическими характеристиками и вычисленными значениями временных перспектив обнаружено не было. Следовательно, различия во временных перспективах между участниками опроса объясняются факторами, отличными от их социально-демографических характеристик.

Индекс читается следующим образом: чем выше значение, тем в большей мере человек вовлечен в практики прекарного труда. Значение «0» показывает ту границу, когда специалиста еще нельзя назвать представителем прекариата, но он в пограничной ситу-

ации, его занятость нестабильна. Ключевые показатели кумулятивного индекса прекаризации следующие: среднее значение кумулятивного индекса по выборке составило $-0,19$, а медианное значение равно минус двум. Минимальное значение -17 , максимальное 23 .

Были получены следующие результаты оценки влияния кумулятивного индекса прекаризации и его составных частей на временные перспективы молодых специалистов. Статистически значимой ($p < 0.01$) оказалась обратная связь кумулятивного индекса прекаризации с временной перспективой будущего (Б). Значение корреляции Пирсона составило $r = -0,398$.

Для проверки характера связи между кумулятивным индексом прекаризации и временной перспективой будущего была построена модель линейной регрессии. Сводка для данной модели представлена в таблице 2, а ее графическое отображение на рисунке 1.

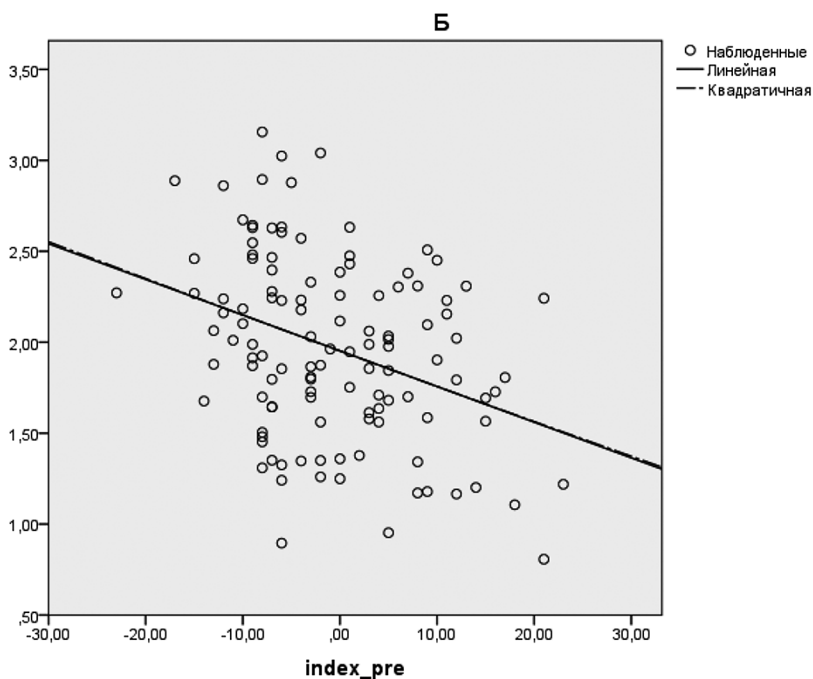

Рис. 1. Графическое отображение модели линейной регрессии

Таблица 2

Сводка для модели линейной регрессии

Сводка для модели ^b										
Модель	R	R-кв-драт	Скорректированный R-кв-драт	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений					Дарбин-Уотсон
					Изменение R-квдрат	Изменение F	ст.св.1	ст.св.2	Знач. Изменение F	
1	,351 ^a	,123	,116	,47454	,123	16,311	1	116	,000	,245
а. Предикторы: (константа). Index_pre										
б. Зависимая переменная: Б										
Коэффициенты ^a										
Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		Т	Значимость		Статистика коллинеарности		
	В	Стандартная ошибка	Бета	Допуск		VIF				
(Константа)	1,953	0,044			44,552	,000		1,000	1,000	
Index_pre	-0,020	0,005	-,351		-4,039	,000				
а. Зависимая переменная: Б										

Данную модель следует трактовать следующим образом: с увеличением индекса прекаризации на одну единицу значение временной перспективы будущего уменьшается на 0,02. Однако данная модель статистически значимо объясняет только 12,3% дисперсии. О наличии выраженной линейной связи говорить не следует, но общий тренд обнаружить удалось.

Заключение

В рамках данного исследования была обнаружена связь степени прекаризации труда с параметрами временной перспективы личности по методике ЗТРИ. Молодые специалисты, вовлеченные в практики прекарного труда, могут иметь особенности в восприятии окружающей реальности, а прекарный труд имеет темпоральную специфику. Параметры временных перспектив оказывают влияние на целеполагание, на установки в оправданном и неоправданном рискованном поведении, на склонность к зависимостям, на уровень притязаний и инициативности и др.

Так, в рамках адаптации и апробации методики ЗТРИ для использования на русском языке А. Сырцовой была обнаружена связь данного фактора с добросовестностью; а также выявлена отрицательная связь с импульсивностью. Кроме того, показана связь с позитивными состояниями и позитивной самооценкой [Митина, Сырцова, 2008: 87]. Уже в рамках данного исследования было обнаружено, что временная перспектива будущего (Б) имеет достаточно весомую обратную связь с кумулятивным индексом прекарности ($r = -0,398$; $p < 0,01$). Следовательно, молодые специалисты с высоким кумулятивным индексом прекарности, вероятно, будут более импульсивны, тревожны и склонны к депрессии. В то же время они могут оказаться менее добросовестными и иметь заниженную самооценку, чем молодые специалисты с менее прекарной работой. Результаты данной работы открывают дальнейшие перспективы для более глубокого, детального и предметного изучения вопроса воздействия прекаризации труда на молодых людей, вовлеченных в подобные практики труда.

Библиографический список

- Атлас новых профессий [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив. Сколково. 2014; URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 15.07.2017).
- Долженко Р. А., Попов Э. И.* Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2014. № 12 (122). С. 179–185.
- Долженко Р. А.* Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2014. № 1 (111). С. 168–173.
- Митина О., Сырцова А.* Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTPI): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 4. С. 67–89.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOUpdf> (дата обращения: 15.07.2017).
- Стребков Д. О., Шевчук А. В.* Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 45–55.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Axelsson L., Malmberg B., Zhang Q.* On waiting, work-time and imagined futures: Theorising temporal precariousness among Chinese chefs in Sweden's restaurant industry // Geoforum. 2017. Vol. 78. P. 169–178. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.12.007.
- Hornick J., Zakay D.* Psychological time: The case of time and consumer behavior // Time and Society. 1996. Vol. 5. № 3. P. 385–397.
- Vosko L. F.* Managing the Margins. Gender, Citizenship and the International Regulation of Precarious Employment. Oxford: Oxford University Press, 2010. 311 p. ISBN: 978-01995-7481-0.
- Zimbardo P. G., Boyd J. N.* Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. № 6. P. 1271–1288.

РАЗДЕЛ IV

Исследования идентичности и телесности

Оксана Михайлова*, Карина Еремеева**, Виктория Шелепина***

Что значит быть бодипозитивной? Конструирование идентичности участниц движения «Бодипозитив»¹

Введение

Движение «Бодипозитив» появилось в 1996 г. в Америке и ставило своей целью освобождение людей от страданий, связанных с необходимостью соответствовать нормативному образу тела, принятому в обществе. Основатели данного движения пришли к идее о его создании, т.к. сами столкнулись с пищевыми расстройствами: в роли больного (Конни Собчак) и в роли психиатра (Элизабет Скотт) [Sobczak, 2014: 8–10]. Идеологическая модель Body Positive, сформированная Э. Скотт и К. Собчак, предполагает, что людям необходимо освободиться от критики и общественного осуждения их собственного тела, чтобы услышать потребности тела и полюбить его [Sobczak, 2014: 8]. Любовь к своему телу

---

* Михайлова Оксана Рудольфовна, студент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа. oxanamikhailova@gmail.com.

** Еремеева Карина Сергеевна, студент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). karryfox5555@gmail.com.

*** Шелепина Виктория Борисовна, студент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). shelepinav@gmail.com.

¹ Данная статья написана по результатам учебного исследования в рамках курса «Методология и методы социологического исследования». Авторы выражают благодарность Е. В. Полухиной за помощь в проведении исследования.

позволяет получить доступ к интуитивной мудрости, освобождающей креативность и позволяющей менять мир к лучшему как большими, так и маленькими делами [Sobczak, 2014: 8]. Сторонники «Бодипозитив» используют свое время, энергию и мыслительные способности, чтобы улучшить свою жизнь и помочь другим исцелиться от желания сделать свое тело идеальным и ненависти к себе [Sobczak, 2014: 8].

Появившись в Америке, Body Positive нашло последователей и в российском общественном дискурсе, о чем свидетельствует появление одноименных сообществ в социальных сетях [Body Positive ♥ Бодипозитив, 2017]. Следует отметить, что феномен Body Positive не изучался не только российскими, но также и европейскими и американскими исследователями.

Можно предположить, что изучение Body Positive в России не проводилось из-за того, что движение несет не массовый характер, однако в качестве бодипозитивных себя публично идентифицируют (подписавшись на страницу в социальных сетях) более 60 тыс. человек [Body Positive ♥ Бодипозитив, 2017], а значит, можно утверждать, что бодипозитивная идеология имеет своих последователей.

Подобную ситуацию можно проследить и на примере англоязычных сообществ Body Positive, например, в социальной сети Facebook. По численности подписчиков данные сообщества уступают российским, однако их количество не ограничивается несколькими централизованными группами, а имеет более локальный характер [The Body Positive, 2017; Body Positive Yoga, 2017; Body Positive, 2017] и др. Таким образом, аналогично другим идеям, имеющим поддержку среди большого количества людей, Body Positive может оказывать влияние на социальную жизнь общества.

В качестве эмпирического объекта исследования выступили сторонницы Body Positive, идентифицировавшие себя как таковые, вступив в бодипозитивные сообщества в социальной сети «ВКонтакте» [Body Positive ♥ Бодипозитив, 2017; Страшная и горжусь этим, 2016]. Основным методом исследования стало полуструктурированное интервью. Мы провели семь полуструктурированных интервью. Длительность приверженности взглядам Body Positive среди опрошенных девушек варьировалась от года до десяти лет, в качественной выборке были представлены как студентки, так и работающие девушки. Помимо интервью было осуществлено

наблюдение в феминистском киноклубе «ОНА». Клуб для наблюдения был выбран на основе того, что, как следует из фотографий в тематической группе «ВКонтакте», некоторые информантки посещают данный клуб [Фемклуб «ОНА», 2016].

Теоретической основой нашего исследования выступают символический интеракционизм [Жигунова, 2014: 10], а также — структурный [Burke, Stets, 2009: 285—286] и когнитивный подходы [Burke, Stets, 2009: 288]. Ключевое различие в логике двух последних направлений — понимание очередности ролевых ожиданий и идентичности, причем важно отметить взаимодополняемость этих моделей, в т.ч. посредством объяснения сукцессии и стационарности идентичностей [Burke, Stets, 2009: 288—289]. В статье мы сначала рассмотрим теоретические основания исследования, а затем представим некоторые его результаты.

Теоретические основания исследования

Наше исследование относится к области социологии телесности, которая уже получила основательное развитие на Западе и находится на пути к институционализации в России [Гольман, 2015: 6—11]. «Тело» как категория стало частью социологического дискурса; оно соотносится с такими понятиями, как «техники тела», «технологии себя» и «телесная педагогика» [Гольман, 2015: 6—11]. Эти ракурсы разрабатываются в рамках структурализма, феноменологии и диспозиционного подхода.

В течение 2016—2017 гг. заметно увеличилось число зарубежных работ по социологии тела, посвященных телесности в спорте [Evans, Allen-Collinson, 2016], в квир-сообществах [Neary, Gray, O'Sullivan, 2016], среди людей с психиатрическими диагнозами [Haldrar, Engebretsen, Album, 2015], мужской телесности [Miller-Idriss, 2017], телесности людей с нестандартной массой тела [Bombak, Monaghan, 2016], телесности в связи с демографическими событиями [Gibson, Kierans, 2017], телесности людей с зависимостью [Boyd, 2017], телесности и религиозности [Blom, 2017], регулированию телесности в дисциплинарных учреждениях [Moreau, 2016]. Также телесность деконструировалась до отдельных элементов (например, в археологии волос) [Ashby, 2016].

В свою очередь, отечественная социология телесности в тот же временной период была сосредоточена вокруг телесности женщин, находящихся в пеницитарной системе [Omelchenko, 2016]; телесности в контексте профессий [Ваньке, 2014; Ваньке и др., 2016]; таких телесных практик, как, например, татуирование [Воробьева, 2016], вегетарианство [Барбарук, 2017]; вокруг биотехнологий [Полякова, 2016] и восприятия тела больных анорексией [Бардина, 2016]. В российской социальной науке была предпринята попытка изучения идей бодипозитивного сообщества, однако ее нельзя назвать успешной. Исследование, выполненное в 2017 г. группой саратовских исследователей, не ставило перед собой задачи изучения идей движения [Кенженбетова и др., 2017], носило количественный характер и заключалось в опросе жителей Саратова на тему их отношения к собственному телу. Далее респондентов классифицировали как бодипозитивных или не бодипозитивных. После анализа зарубежных и российских работ по социологии телесности, где, несмотря на широкий тематический охват, не было найдено исследований, посвященных изучению сообщества «Бодипозитив», мы обратились к междисциплинарным областям.

В рамках дисциплины «Fat studies» [Cooper, 2010: 1025], анализируются сообщества, которые транслируют позитивный телесный образ «Fat acceptance» и «Healthy at every size» [Taylor, 2016: 9]. Однако данные движения лишь частично идеологически пересекаются с «Бодипозитивом», поскольку сконцентрированы вокруг толерантности к весу человека, а «Бодипозитив», исходя из идей основательниц движения, имеет более широкую направленность на телесность в целом.

Движение «Fat acceptance» появилось как ответ на дискурс, направленный против полноты и медикализации ожирения в 50-е гг. прошлого столетия в Канаде и Америке. Развитие этого движения совпало с ростом активности других протестных движений, посвященных борьбе за гражданские права афроамериканцев, геев и феминистского движения, что привело к появлению взглядов «Fat acceptance» среди представителей этих движений. Сообщество сконцентрировало свою деятельность вокруг создания возможностей для критического обсуждения доминантных представлений о весе и нормативных стандартах по весу, существующих для представителей разных гендеров [Afful, Ricciardelli, 2015: 453–454].

Движение «Healthy at every size» [Hara, Taylor, 2014: 273–274] уже не направлено исключительно на борьбу с нормативными представлениями о весе, бытующими в обществе, данное движение также появилось в Америке и развилось из движения, которое критически относилось к диетам. На данный момент «Healthy at every size» придерживается следующих взглядов относительно ориентиров деятельности своего движения: принятие и уважение равенства вне зависимости от веса тела, поддержка социальной политики, направленной на борьбу с дискриминацией по весу, ненасильственное распространение взглядов о равенстве вне зависимости от веса, распространение идей интуитивного питания и поддержка физической активности, которая доступна людям любой весовой категории.

Обзор дискуссий в рамках социологии телесности, а также Fat studies, позволил получить информацию о текущем исследовательском контексте и сформулировать цель исследования, заключающуюся в том, чтобы понять, как сторонницы бодипозитивных взглядов конструируют свою идентичность. Мы подошли к анализу конструирования идентичности сторонницами «Бодипозитив» с точки зрения феноменологии, т.к. общая концепция движения, которая была изначально сформулирована его сторонниками, предполагает саморепрезентацию через телесные практики, анализ которых как способ изучения идентичности, как раз и характерен для исследователей в феноменологической традиции [Гольман, 2015: 6–11]. В рамках символического интеракционизма существуют два основных подхода к анализу идентичности — структурный и когнитивный [Stryker, Burke, 2000: 284–297].

В нашем инструментарии (гайде интервью) мы реализовали две модели, характерные для подходов, получивших развитие в символическом интеракционизме. Первый — структурный подход — является более современной адаптацией теории формирования личности Дж. Г. Мида [Stryker, Burke, 2000: 285–286]. В данном подходе ключевыми понятиями являются — «выпуклость идентичности», «приверженность группе» и «ролевой выбор» [Stryker, Burke, 2000: 286]. Сначала подробнее определим данные понятия через их функции в конструировании идентичности. Теория основана на следующем предположении: вследствие того, что индивиды включены во множество социальных групп, они

имеют множество социальных ролей. Данные роли могут как соответствовать одна другой, так и противоречить. В случае противоречия возникает ролевой конфликт, который решается на основе выпуклой идентичности. Выпуклая идентичность выделяется из иерархии идентичностей, которая существует у каждого индивида. Решение ролевого конфликта производится как следствие фреймирования выпуклой идентичностью восприятия социальных ситуаций путем концентрации внимания на определенных уликах (знаках). Выпуклая идентичность получает свое место в иерархии идентичностей на основе степени приверженности группе. Индивиды формируют свою иерархию идентичностей исходя из того, насколько для них значимы отношения с членами группы [Stryker, Burke, 2000: 286–287].

Второй подход (когнитивный) возник как попытка объяснить смену идентичностей [Stryker, Burke, 2000: 288]. В отличие от структурного он предполагает, что ролевые ожидания первичны и являются следствием интернализаций идентичностей. Для объяснения природы идентичности предлагается четырехкомпонентная модель, которая состоит из «стандартной (образцовой) идентичности», имеющей корни в культурных нормах, которые разделяет индивид, представлений индивида о значении ситуации, медирующего механизма, позволяющего соотносить образцовую идентичность и текущее значение ситуации для индивида, и, наконец, поведения. Таким образом, в этой модели поведение предстает как функция от разницы между текущими интерпретациями ситуации и стандартной идентичностью. Поведение ориентировано на то, чтобы установить равновесие между «образцовой идентичностью» и текущими интерпретациями ситуации индивидом (само-верификация).

Общая концептуальная схема идентичности сторонниц «Бодипозитив»

В результате дедуктивного и обобщающего контент-анализа [Hsieh, Shannon, 2005: 1281] нами были выделены и описаны компоненты бодипозитивной идентичности, входящие в «Я» и «Ме» — «отражение оценок других» [Жигунова, 2014]. Рассмотрим общую концептуальную схему (см. рис. 1.).

Рис.1. Концептуальная схема исследования

В «Я»-идентичности поведенческую компоненту составили телесные практики и включенность в активистскую бодипозитивную деятельность, а когнитивную компоненту — отношение к социальным нормам и интерпретациям когнитивных схем «Бодипозитив». «Ме»-идентичность образуется за счет интерпретации информантками аспектов взаимодействия с различными социальными акторами. «Я» и «Ме»-идентичности в свою очередь погружены во внутренние и внешние контексты. Внутренние контексты: личный и публичный предположительно создают вариацию бодипозитивной идентичности среди бодипозитивисток. Внешние контексты объясняют различия в проявлении идентичности у одной и той же бодипозитивистки.

Интерпретация когнитивных схем «Бодипозитива»

Интерпретация когнитивных схем «Бодипозитива», которая является вторым элементом когнитивной компоненты бодипозитивной идентичности, осуществляется через индивидуальное восприятие сторонницами таких моментов, как цель и главные идеи движения, отношение к категории красоты и оценка собственной роли в движении. По мнению информанток, «Бодипозитив»

появился из феминизма, затрагивающего проблемы объективации в отношении девушек, и является в некотором роде составной частью феминизма. Главная цель движения, по мнению бодипозитивисток, — помощь женщинам посредством изменения восприятия образа и роли женщины в современном обществе, борьбы с навязыванием стандартов красоты, а также посредством распространения идеи вариативности внешнего вида людей.

Отношение к красоте у девушек формируется по-разному. Во-первых, следует отметить, что было упомянуто существование двух направлений в российском «Бодипозитиве» в зависимости от отношения к красоте на примере двух сообществ «ВКонтакте»: «Body Positive» и «Страшная и горжусь этим». Участницы первого предполагают признание любого тела как красивого и достойного любви, а участницы второго настаивают на том, чтобы отказаться от категории красоты в принципе.

К красоте бодипозитивистки относятся следующим образом. Во-первых, красота выступает источником необоснованного преимущества «гетеронормативных» женщин, что порождает неравенство; *«очень часто есть такое, что... женщину, например, подходящую ближе к каким-то эталонам, будут больше слушать, если особенно в зале много мужчин, чем женщину, которая придет и будет выглядеть для них не настолько гетеронормативной»* (29 лет, работает в сфере кино, сторонница три-четыре года). Во-вторых, тело не может восприниматься в эстетическом контексте, т.к. несет функциональный характер: *«я считаю, что вообще нужно как-бы мыслить вне этой категории красоты. Нужно стараться уйти от этой категории, понять... что тело — это не какая-то красивая вещь, это не какой-то объект, у него главные функции не эстетические, а практические, потому что тело нужно нам для того, чтобы позволять нам дышать, ходить, существовать, а не для того, чтобы быть какой-то красивой вещью. Для этого существуют арт-объекты или просто красивые интерьеры вокруг нас»* (20 лет, студентка, направление лингвистика, фотограф, сторонница два года).

Несмотря на общность взглядов в отношении к своему телу, сообщество бодипозитив гетерогенно, некоторые идеи воспринимаются по-разному, вследствие этого некоторые участницы чувствуют одиночество и отчужденность от группы: *«Но с другой стороны, ты как бы одна в этом мире. Потому что да, единомышленни-*

цы — круто, но у меня вот, например, не сложилось с ними некоторой дружбы. И поэтому в контексте моих взглядов там, я чувствую себя единицей. И это нелегко» (20 лет, студентка факультета радиотехники, журналистка, сторонница примерно год).

Собственную роль в движении участницы презентуют как эмоциональную и когнитивную поддержку женщин. Частично роль в сообществе проявляется через участие во флэшмобах. Тем не менее некоторые участницы избегают публичной бодипозитивной деятельности из-за вышеупомянутых расхожих взглядов на «Бодипозитив» и его цели.

Относительно будущего российского «Бодипозитива» информантки не делают положительных прогнозов, полагая, что политика государства подавит существующие взгляды и не допустит их массового распространения, хотя сторонники движения будут присутствовать всегда: *«На западе, мне кажется, больше людей, в России я не уверена, учитывая то, что у нас последнее время усиливается консервативный уклон в политике, в общем-то какие-то новые явления, они не приветствуются, скажем так»* (18 лет, студентка юридического факультета, сторонница около трех лет).

Контексты идентичности

Публичный контекст. Говоря о ситуации в обществе, девушки выражают явное недовольство тем, что в данный момент происходит в стране и мире. Главные темы, волнующие сторонниц «Бодипозитива», — это проблемы, с которыми приходится сталкиваться женщинам, а именно: объективация, и, как следствие, проявление дискриминации в трудовой и семейной сферах, эксплуатация женского тела, а также представление рекламных образов женской внешности, которые могут поспособствовать развитию комплексов у девушек, что приводит к ментальным расстройствам. Наряду с этим, девушки высказываются в свою очередь и о том, как «Бодипозитив» позволяет по-другому взглянуть на мир, и хотя он не делает своих сторонниц счастливыми, тем не менее приносит уверенность в себе, чувство комфорта и «нормальности». Более того, «Бодипозитив» заставляет углубиться в детали повседневности: *«Я думаю, что если бы я оставалась в неведении, то в какой-то*

мере мне, возможно, было бы даже проще, потому что, когда девушка встает с утра и начинает краситься, я уж не думаю, что она страдает от этого вот, прямо в эту секунду ей действительно плохо. Естественно, она там ничего не понимает, не думает и не парится. Как раз-таки когда приходит понимание того, что есть ты, и перед тобой большой враг — этот мир, который весь такой неправильный, а ты знаешь истину, мне кажется это даже тяжелее» (20 лет, студентка факультета радиотехники, журналистка, сторонница примерно год).

Личный контекст. Социально-демографические характеристики, идеологическая включенность в другие движения, оценка своего тела и личная история прихода к «Бодипозитиву» составляют личностный контекст идентичности бодипозитивной девушки.

Источники идей, и причины, которые привели девушек к осознанию себя как сторонниц «Бодипозитива», разнообразны. Как правило, к идеям движения девушки приходили, скорее, в рамках феминистского движения под влиянием своих подруг-феминисток. Тем не менее были и случаи самостоятельного прихода, либо с ростом феминистского самосознания на фоне неуверенности в себе, либо в связи с возникновением конфликтов с окружающими по поводу тела: *«это был такой, непростой путь, скажем прямо, потому что в детстве я была такой очень крупной девочкой, при маленьком росте, таким прям шариком, вот, и я постоянно получала какую-то негативную информацию, о себе от одноклассников, и даже от домашних, вот, и вот это вот правило бодипозитива, которое «мое тело — мое дело», я его вывела еще очень рано»* (возраст не известен, работает кондитером, сторонница десять лет).

Среди других источников идей были выявлены сообщества в социальных сетях, посвященные тематике «Бодипозитива», отдельные статьи в Интернете, а также литература, в частности — книги В. Вульф. В настоящее время информацию о движении, какие-либо материалы по тематике бодипозитивности девушки получают посредством чтения статей в Интернете, разнообразных книг по психологии и самопознанию, а также из СМИ, рекламы и сообществ в социальных сетях. Наряду с бодипозитивными идеями, девушки разделяли раньше или поддерживают в данный момент антикапиталистические взгляды, феминизм (в частности

радикальный феминизм), лесбийский сепаратизм, чайлдфри, веганизм, волонтерскую деятельность и ЛГБТ сообщество.

В личном контексте рассматривается также оценка своего тела. По данному аспекту стоит отметить то, что девушки большее внимание начинают уделять своему здоровью по сравнению с периодом до прихода к «Бодипозитиву»; это проявляется, например, в отказе от бьюти-процедур, которые, по их мнению, наносят вред здоровью. В то же время, несмотря на такие положения «Бодипозитива», как принятие тела таким, какое оно есть, девушки не всегда удовлетворены своим телом. Можно заметить, что некоторые участницы движения все равно отмечают недостатки своей внешности, а также «стесняются своего тела»: *«Вообще я долгое время, ну и сейчас, наверное, до сих пор стесняюсь своего тела, я знаю, что у меня хорошая фигура и это именно объективно, просто с детства самого есть некоторое такое стеснение, я ношу здоровую одежду... потому что мне очень некомфортно, когда подчеркиваются формы, так или иначе ловишь на себе взгляды, именно объективирующие»* (возраст не известен, студентка магистратуры по направлению «маркетинг», работает в IT-сфере, сторонница полтора года).

Публичный контекст в отличие от личного, который отражает интерпретацию бодипозитивисткой субъективной ситуации своей жизни, укоренен в восприятии объективной окружающей социально-политической ситуации. Мы интерпретируем ощущение счастья как степень удовлетворенности бодипозитивистки данной социально-политической ситуацией.

Внешние контексты. Помимо внутренних контекстов, связанных с различием идентичностей среди бодипозитивисток, мы рассматриваем и внешние контексты, которые могут объяснять дифференциацию в идентичности одной и той же девушки. Среди таких контекстов были выделены: *рабочий, семейный, дружеский*, если бодипозитивистка учится, то — *учебный, и незнакомый контексты*.

Во всех контекстах девушки сталкиваются с необходимостью либо подстраивать реальность со всеми ее правилами и ожиданиями под себя, либо приспосабливать свою бодипозитивность к ней. То, какой из этих типов поведения выбирает бодипозитивистка, зависит от нескольких аспектов: длительности включенности в движение, личностных характеристик бодипозитивистки, особенностей контекста.

Полнота идентичности бодипозитивистки связана с тем, насколько сама бодипозитивистка включена в бодипозитивность, т.е. от степени принятия идей. Изначально бодипозитивистки испытывают стеснение, требуется время прежде, чем им становится «комфортно» транслировать бодипозитивные идеи. Со временем значимость бодипозитивной идентичности возрастает, что проявляется в попытках бодипозитивисток вести споры или давать советы. Вырабатываются даже некоторые представления о том, как должно происходить воздействие на собеседников, не разделяющих бодипозитивные идеи: *«Сначала это было очень трудно для меня... на меня обрушились все эти великие истины феминистские, мне было очень тяжело с людьми об этом разговаривать. Сейчас мне все равно, если честно. Если какие-то острые темы поднимаются, то я стараюсь, естественно, высказать свою точку зрения и стараюсь людей переманить на свою сторону, но все-таки не делаю это с каким-то остервенением и там не пытаюсь что-то навязать»* (20 лет, студентка факультета радиотехники, журналистка, сторонница примерно год).

Проявление бодипозитивной идентичности в данном контексте может быть связано с личностными характеристиками, т.е. состоять не только в степени приверженности бодипозитивной идеологии, а в том, например, насколько бодипозитивистка уверена в себе и в своем теле. Недовольство своим телом может как увеличивать выпуклость идентичности в рамках определенного контекста, так и уменьшать ее.

Помимо продолжительности включенности в «Бодипозитив» и личностных характеристик, регулировать проявление идентичности в рамках разных контекстов могут характеристики контекстов, в которых находятся бодипозитивистки. Следует отметить, что контексты, состоящие из родственников, друзей, коллег, одноклассников и т.д. могут пересекаться и образовывать единый контекст — близкий круг общения. То, что, по мнению информанток, количество людей, которые поддерживают их невелико, с одной стороны, может свидетельствовать о некотором чувстве одиночества, которое испытывают бодипозитивистки, а с другой стороны, это может восприниматься как попытка показать свою исключительность: *«Большинство людей, которые меня окружают, наверно, мои взгляды не разделяют, вот. Там, мои коллеги, мои од-*

ногруппники, ну это люди да, с которыми я часто соприкасаюсь и поэтому кто-то из них становится мне, ну, друзьями, так скажем» (20 лет, студентка факультета радиотехники, журналистка, сторонница примерно год).

Каждый из контекстов имеет свои объективные нормы поведения, которые создают люди, составляющие содержание данного контекста. Эти нормы также могут фреймировать идентичность. В контексте семьи такого рода нормами являются представления о женственности, свойственные родственникам, которые осуществляют оценку поведения девушки, могут поддерживать некоторые из их практик, относиться нейтрально или пытаться изменить практики и схемы. Согласно данным интервью, нельзя сказать, что под давлением семьи бодипозитивным девушкам приходится отказываться от определенных элементов бодипозитивной идентичности. Скорее, можно выдвинуть предположение о том, что если мнение имеет негативный характер, то оно может увеличивать присутствие бодипозитивной идентичности в контексте семьи.

В дружеском контексте изменения в структуре идентичности могут иметь место, исходя из степени соответствия взглядов друзей «Бодипозитивизму». Адаптация идентичности к дружескому контексту может происходить, если друзья не разделяют бодипозитивные взгляды. Сначала бодипозитивистки стараются переубедить не-бодипозитивных друзей, но, если это у них не получается, они избегают бесед на бодипозитивные темы, скрывая когнитивную часть своей идентичности, чтобы не породить конфликтов.

Однако бодипозитивистки не полностью адаптируют свою идентичность под дружеский контекст. В ситуации, если кто-то из друзей высказывает мнение, противоречащее их суждениям, девушки начинают защищать свою когнитивную часть идентичности, таким образом, их конструирование идентичности начинает быть похожим на конструирование в незнакомом контексте и может породить конфликт: *«...был у меня один конфликт очень серьезный с подругой, которая мне очень важна была, мы сидели в Макдоналдсе, пару лет назад это было, и она почему-то посмотрела на двух девушек, которые, по ее там мыслям, взяли очень много еды и в принципе их вес довольно большой, сказала, что их жалко... Я попросила ее просто хотя бы не обсуждать этих женщин, потому что им и так, скорее всего, дискомфортно сидеть... я помню, мы очень*

сильно разругались, она встала, ушла, и мы около года не разговаривали» (29 лет, работа в сфере кино, сторонница более четырех лет).

Еще один контекст, в котором происходит конструирование идентичности сторонницами «Бодипозитив» — рабочий, который иногда совмещается с учебным контекстом. Работа может способствовать как проявлению определенных компонент идентичности, так и размывать их. Нормы поведения на работе, и в частности рабочий дресскод, не всегда могут соответствовать взглядам бодипозитивистки. В таком случае особое значение приобретает компонента идентичности, которая связана с трансляцией бодипозитивных телесных практик и характеристик одежды: *«Скажем так, я считаю, что, если работодатель не готов принимать вот этот мой стиль, значит, мне не по пути с этим работодателем, просто у нас, скорее всего, будут расходиться и другие взгляды вообще на многие вещи и, соответственно, это будет очень некомфортно»* (возраст не известен, студентка магистратуры по направлению «маркетинг», работает в IT-сфере, сторонница полтора года). Однако рабочий контекст может не просто активизировать отдельные части идентичности или поддерживать их, но и подавлять бодипозитивную трансляцию идентичности.

Заключение

В результате анализа данных интервью и сообщений в социальных сетях мы можем выдвинуть гипотезу о том, что сторонницы «Бодипозитив» осуществляют конструирование своей идентичности, состоящей из «Я» и «Ме» компонент, в рамках внешних и внутренних контекстов. Внутренние контексты определяют выраженность бодипозитивной идентичности среди бодипозитивисток. Внешние контексты отражают устойчивость различных компонент идентичности одной и той же бодипозитивистки. Исходя из анализа различных внешних контекстов, можно выдвинуть предположение о том, что наиболее устойчивой является когнитивная компонента «Я»-идентичности, тогда как другие компоненты становятся более выпуклыми или менее выпуклыми в зависимости от внешнего контекста. С тем, будет ли бодипозитивистка подстраивать контекст под себя или приспосабливать часть

своей бодипозитивной идентичности к нему, могут быть связаны длительность включенности в бодипозитивность, личностные характеристики бодипозитивистки, особенности контекста, в котором находится бодипозитивистка. В дальнейшем для того чтобы оценить распространенность практик, присущих сторонницам исследуемого движения, планируется провести количественный опрос.

Библиографический список

- Барбарук А. В.* «Тело как инструмент сознания»: повседневная концептуализация телесных практик в вегетарианстве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1 (89). С. 22–36.
- Бардина С. М.* Взгляд, тело и социальное взаимодействие: проблема искаженного восприятия собственного тела при анорексии // Социология власти. 2016. Т. 28. № 1. С. 35–54.
- Ваньке А. В.* Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 1. С. 60–83.
- Ваньке А. В., Рождественская Е. Ю., Гольман Е. А., Абрамов Р. Н.* Визуализация телесности в контексте профессии: аналитическая дискуссия // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2016. № 12. С. 80–88.
- Гольман Е. А.* Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Гольман Евгения Андреевна. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 239 с.
- Жигунова В. Г.* Социальная идентичность лиц с ювенальной инвалидностью: монография М., Берлин: Директ-медиа, 2014. 206 с.
- Кенженбетова А., Высоцкая Т., Мякота А.* Бодипозитив // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2017. Т. 7. № 1. С. 213–214.
- Полякова В. В.* Мое тело — моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. 2016. Т. 28. № 1. С. 185–207.
- Страшная и горжусь этим [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/nekrasiva> (дата обращения: 23.10.2016).
- Фемклуб «ОНА» (Москва) [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/ona.fem.club> (дата обращения: 13.11.2016).

- Afful A. A., Ricciardelli R.* Shaping the Online Fat Acceptance Movement: Talking About Body Image and Beauty Standards // *Journal of Gender Studies*. 2015. Vol. 24. № 4. P. 453–472.
- Ashby S. P.* Archaeologies of Hair: The Head and Its Grooming in Ancient and Contemporary Societies // *Internet Archaeology*. 2016. № 42. DOI: <https://doi.org/10.11141/ia.42.6>.
- Blom A.* Emotions and the Micro-foundations of Religious Activism: The Bitter-sweet Experiences of Born-again? Muslims in Pakistan // *The Indian Economic & Social History Review*. 2017. Vol. 54. № 1. P. 123–145. DOI: <https://doi.org/10.1177/0019464616683473>.
- Body Positive [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/wearebodypositive> (дата обращения: 11.01.2017).
- Body Positive ♥ Бодипозитив [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/positivebody> (дата обращения: 20.07.2017).
- Body Positive Yoga [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/bodypositiveyoga> (дата обращения: 11.01.2017).
- Bombak A. E., Monaghan L. F.* Obesity, bodily change and health identities: a qualitative study of Canadian women // *Sociology of Health & Illness*. 2016. № 39 (6). P. 923–940. DOI: 10.1111/1467–9566.12537.
- Boyd J.* (Re)visualizing women who use drugs // *Visual Studies*. 2017. Vol. 32. № 1. P. 70–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1472586X.2017.1286948>.
- Burke P. J., Stets J. E.* Identity Theory. Oxford: Oxford University Press, 2009. 272 p.
- Cooper C.* Fat Studies: Mapping the Field // *Sociology Compass*. 2010. Vol. 12. № 4. P. 1020–1034.
- Evans A. B., Allen-Collinson J.* From just a swimmer to a swimming mother: women's embodied experiences of recreational aquatic activity with pre-school children // *Leisure Studies*. 2016. Vol 35. № 2. C. 141–156.
- Gibson G., Kierans C.* Ageing, masculinity and Parkinson's disease: embodied perspectives // *Sociology of Health & Illness*. 2017. Vol. 39. № 4. P. 532–546.
- Haldar M., Engebretsen E., Album D.* Legitimizing the illegitimate: How doctors manage their knowledge of the prestige of diseases // *Health: An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine*. 2015. Vol. 20. № 6. P. 559–577. DOI: 10.1177/1363459315596798.
- Hsieh H. F., Shannon S. E.* Three approaches to qualitative content analysis // *Qualitative Health Research*. 2005. Vol. 15. № 9. P. 1277–1288. DOI: 10.1177/1049732305276687.

- Miller-Idriss C.* Soldier, sailor, rebel, rule-breaker: masculinity and the body in the German far right // *Gender and Education*. 2017. Vol. 29. № 2. P. 199–215. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09540253.2016.1274381>.
- Moreau M.* — *P.* Regulating the student body/ies: University policies and student parents // *British Educational Research Journal*. 2016. Vol. 42. № 5. P. 906–925.
- Neary A., Gray B., O'Sullivan M. A.* Queer politics of emotion: reimagining sexualities and schooling // *Gender and Education*. 2016. Vol. 28. № 2. P. 250–265.
- Omelchenko E. L.* Gender, Sexuality, and Intimacy in a Women's Penal Colony in Russia // *The Russian Sociological Review*. 2016. Vol. 15. № 4. P. 76–95.
- Sobczak C.* *Embody: Learning to Love Your Unique Body (and quiet that critical voice!)*. Carlsbad, CA: Gyrrze Books, 2014. 120 p. ISBN 978-0-936077-81-9 (e-book).
- Stryker S., Burke P. J.* The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*. 2000. Vol. 63. № 4. P. 284–297.
- Taylor A. N.* *Fat Cyborgs: Body Positive Activism, Shifting Rhetorics and Identity Politics in the Fatosphere*, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=bgsu1479311506093833 (дата обращения: 11.01.2017).
- The Body Positive [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/thebodypositive> (дата обращения: 11.01.2017).

Кризис идентичности у работников творческих профессий: смена занятий и адаптация

Введение

Настоящее исследование посвящено вопросу о том, какие стратегии для приспособления к новой социальной позиции, к новому набору социальных ролей, а также к возможному кризису идентичности используют вышедшие на пенсию артисты балета. Кризис идентичности связан с тем, что человек выходит из профессии, что влечет за собой необходимость адаптации к новой жизни вне привычной профессиональной деятельности. Специфика адаптации артиста балета раскрывается в необходимости пересмотреть его отношение к собственному телу и возрасту, которые являются для него главным инструментом профессионализации. Проблема состоит в том, что профессиональная идентичность артистов является первичной по отношению к другим идентичностям, поэтому при потере работы артисты предположительно переживают кризис. Наличие большого набора социальных ролей может служить социальным инструментом продуктивной адаптации к ситуации выхода на пенсию, а также снижению остроты переживания кризиса идентичности. Узкая специализация артистов балета может стать негативным фактором, препятствующим адаптации.

---

* Аникина Ксения Игоревна, магистр социологии, аналитик-социолог Института социального маркетинга. azhevskaya@yandex.ru.

Понятия «идентичности» и «кризиса идентичности»: проблема определения возраста

Э. Эриксон — автор, которому принадлежит термин кризиса идентичности, пишет о том, что жизнь человека состоит из нескольких фаз, обусловленных изменением социальных ролей, статусов, структуры деятельности [Эриксон, 2006]. Эти социальные переходы на разных этапах жизни могут привести к кризису идентичности, в случае настоящего исследования — на стадии выхода человека на пенсию или при необходимости оставить основную профессиональную деятельность. Фазы, выделенные Э. Эриксоном (юность, зрелость, старость), являются универсальными, что не подходит под описываемую в исследовании профессиональную специфику. В работе «возраст» рассматривается не как биологический конструкт, а как категория, специфичная и зависящая от физических возможностей артистов балета. Поэтому фаза «старения» у артистов может наступать по-разному, вне зависимости от их реального возраста. Артисты могут выйти на пенсию, но продолжать танцевать на сцене или же получить травму еще до пенсии и оставить профессию. От различных обстоятельств зависит и самоопределение артистов, и их «возраст». Ввиду того, что профессиональная идентичность в иерархии идентичностей артиста балета во время профессиональной деятельности является основной, то необходимо говорить о механизме ее формирования. Для этого обратимся к рассмотрению повседневности артистов балета.

Специфика повседневности артистов балета и ее влияние на формирование идентичности

Повседневность артистов балета характеризуется такими аспектами как ранняя профессионализация, замкнутый круг общения, сформированный внутри профессионального сообщества, пересечение рабочей и личной жизни, высокое физическое и эмоциональное напряжение. Данные фрагменты повседневности профессионального поля артистов балета при выходе на пенсию выражаются в их адаптации к новому жизненному периоду. Одной из ключевых характеристик профессии артиста балета является

закрытость сообщества [Parker, 2011], которую можно сравнить со свойствами тотальных институтов И. Гофмана. Так, сами информанты говорят о процессе обучения, дисциплине, отсутствии свободного времени и достаточно устойчивой первичной группе. Одним из ограничений профессии является почти полная потеря контактов за пределами профессионального сообщества по причине постоянного цейтнота. «Сообщество в чем-то авторитарно, строго иерархично и опирается на железную дисциплину (близкую к армейской) и самодисциплину, а в чем-то демократично» [Райкова, 2012: 175–196]. Информанты отмечают, что в училищах и театрах существует дисциплина, которая является определяющим фактором в жизни артистов балета: *«Дисциплина жесткая, конечно, в училище, как полувоенное заведение, фактически со своим режимом»* (ж., 40 лет, педагог балета); *«да, конечно, там была дисциплина»*; *«балетные никогда детства не знают»* (м., 45 лет, педагог балета). То, как устроена жизнь в балетном училище, определяет дальнейшую специфику творческой профессии артиста балета. Артисты полностью вовлечены в свою профессию и, с одной стороны, проводят все время в училище во время образования, с другой стороны, при переходе к профессиональной деятельности так же проводят почти все свое время в театре: *«Так как я работал в кордебалете, утро-вечер у меня были заняты, возможность репетировать сольные партии оставалась только днем. Поэтому, в общем, первые годы в театре, я там практически жил, с утра приезжал, поздно вечером уезжал, там происходила вся моя жизнь»* (м., 45 лет, юрист).

В связи с недостатком свободного времени или же его отсутствием обычным для представителей профессии является заключение браков из своей профессиональной группы. Респонденты называют такие отношения «цеховыми»: *«с мужем познакомилась где-то на работе, на очередной»* (ж., 45 лет, домохозяйка). Несмотря на то, что артисты балета часто создают семьи со своими коллегами, приобретение нового статуса в качестве мужа или жены предполагает новое определение собственной идентичности, которая дополняется представлением о себе как о муже или жене: *«Потом я встретила Гайдарова, и вышла за него замуж. И вот вся жизнь началась по новой»* (ж., 60 лет, педагог балета).

Артисты балета также отличаются некоторыми эмоциональными характеристиками, успешность овладения хореографиче-

ским искусством зависит от их эмоциональной реактивности. Одними из особенностей являются высокая тревожность и нейротизм, которые присущи большинству артистов. Данные выводы показывают, что профессия артистов балета характеризуется постоянным напряжением — не только физическим, но и эмоциональным.

Основным испытанием для артистов балета являются те физические и моральные нагрузки, которым подвергается танцовщик на протяжении всего процесса обучения и самой карьеры [Муталиева, 2014]. Идентичность определяется артистами балета в первую очередь через определение своей профессии, через танец. В то же время зарубежные исследования показывают, что, учитывая физическую составляющую профессии, артисты сравнивают себя со спортсменами [Martin, 2009: 333–338]. Важным отличием выступает творческая характеристика профессии артиста балета, которая также тесно связана со спортивными физическими нагрузками и возможными травмами [Райкова, 2012: 175–196]. Таким образом, одной из частей повседневности артиста балета является постоянная подверженность сильным физическим нагрузкам и возможность получения травм, что влияет на идентичность артистов и связывает профессию с телесными практиками, управлением собственным телом. Поскольку тело является инструментом профессиональной деятельности артистов балета, опишем подробнее его специфику.

Дуальность природы тела артистов балета

Тело в профессии артистов балета имеет дуальную природу: с одной стороны, травмированное тело танцовщика — неотъемлемая часть карьеры в балете, с другой стороны, тело позволяет получать ренту, оно же и является основным источником дохода. Данные тезисы относительно природы тела артистов балета относятся к двум разным молодым социологическим линиям. К первому направлению относятся концепции М. Мосса и М. Фуко о манипулятивном обращении с телом, к другому направлению относится концепция габитуса П. Бурдьё. Травмы нарушают достижения артистов в формировании «балетного габитуса» и иден-

тичности танцора [Wainwright, Williams, Turner, 2005: 49–66]. Известно то, что к концу своего профессионального пути артисты испытывают трудности со здоровьем, появляются такие болезни, как «поясничный или шейный остеохондроз» [Муталиева, 2014], проблемы с суставами и мышцами, постоянные боли вследствие травм.

Артисты не мыслят себя без своего тела, т.к. оно становится частью их идентичности [Martin, 2009: 333–338]. На тело человека оказывает воздействие общество, власть и культура, формируя его социально-приемлемый образ, который играет важную роль в построении идентичности. Идея «эталона» влечет постоянный контроль над собственным телом [Гольман, 2012]. Так, для артистов балета характерны постоянные диеты, контроль над телом и над чувством боли: *«Стертые ноги до крови, а тебе надо выходить. И все эти диеты, помню, девочки худели. Хотя у меня проблем не было, но я видела страдания других. Ограничения всю жизнь»* (ж., 45 лет, домохозяйка).

Артисты балета подчиняют боль: несмотря на то, что даже во время спектаклей могут получить травму, они все равно не могут не продолжить выступление: *«Я не смог ее удержать она повредила себе подъем. Ей сделали новокаиновую блокаду, чтобы не болело, и она на этом конкурсе выступала с разбитой ногой, подъемом»* (м., 70 лет, педагог балета). Кризис идентичности артистов балета связан, в первую очередь, с возрастными психологическими и физическими изменениями: ухудшением здоровья, травмами: *«Травма мениска и крестообразная травма... Чувствовала морально тяжело себя, сразу чувствуешь себя ненужной, все о тебе забывают»* (ж., 48 лет, педагог-хореограф).

Важную роль в процессе адаптации артистов балета играет тело, т.к. на протяжении карьеры именно оно является средством личностной и профессиональной реализации. Процесс идентификации артистов происходит через боль, которая становится частью специфики профессиональной идентичности. Поскольку столкновение с нагрузками происходит в самом начале обучения, они становятся характеристикой повседневности артистов балета. Раннее осознание возможностей своего тела приводит артистов балета к мысли о «недолговечности» профессии и необходимости поиска путей выхода из нее с сокращением издержек. Поскольку

переходный период наступает у артистов балета уже через 15–20 лет работы, то необходимо перейти непосредственно к рассмотрению этапа выхода на пенсию и возможного кризиса идентичности.

Переходный период в жизни артистов балета: выход на пенсию и возможные пути преодоления кризиса идентичности

Несмотря на осознание быстротечности своей карьеры, артисты балета планируют танцевать максимально долго: до пенсии [Jeffri, Throsby, 2006: 54–69]. Отечественные исследования показывают, что «часть респондентов связывает жизнь с балетом, планируя стать балетмейстером, постановщиком, создать свой коллектив. Артисты «среднего» (по балетным меркам) возраста еще не задумываются о будущем, либо представляют его достаточно абстрактно. Есть респонденты, настроенные скептически относительно перспектив дальнейшего трудоустройства» [Студеникина, 2011].

Артисты балета в первую очередь выделяют физическую форму и хорошее здоровье как основной фактор сценического долголетия. Среди других артисты балета выделяют такие факторы, как внутреннее (психологическое) состояние, профессиональную пригодность и внешние обстоятельства. Кризис идентичности артистов балета связан в первую очередь с возрастными психологическими и физическими изменениями: «ухудшением здоровья, снижением работоспособности, ослаблением психических процессов, профессиональной усталостью» [Мацаренко, 2012: 182–185]. В начале профессиональной деятельности физические нагрузки, постоянные репетиции и возможные травмы легко переносятся артистами, однако с возрастом приносят определенные затруднения. Даже если артист балета сумел избежать физической травмы, необходимость оставить карьеру в 35–40 лет доставляет глубокую эмоциональную боль. Сама ситуация, в которой артисту необходимо покинуть профессию, приводит к эмоциональной неустойчивости и возможному кризису идентичности.

На стадии, близкой к пенсии, артисты, задумываясь о будущем, не испытывают желания менять сферу профессиональной деятель-

ности, информанты не представляют себя в каком-либо другом профессиональном амплуа, предпочитают сферу, близкую к хореографии. Самая серьезная проблема, с которой сталкиваются информанты — физическая травма, которая не позволяет продолжить карьеру. Вследствие столкновения с проблемами переходного периода артисты балета из Австралии, Швейцарии и США получают финансовую и эмоциональную помощь от специальных организаций. Однако, несмотря на существование вышеописанных центров поддержки бывших артистов, больше половины информантов в качестве основной поддержки называют семью и друзей [Jeffri, Throsby, 2006: 54–69]. Данный тезис показывает, что приватная сфера — ближайшее окружение индивида — лучше всего способствует успешной адаптации артиста балета на этапе выхода на пенсию. Минимизация приватной сферы и ее поглощение публичной — сферой профессии — может усиливать кризис идентичности. В публичной сфере индивид реализовывается как артист, но, выходя на пенсию, реализация прекращается ввиду невозможности выходить на сцену. Резкое сворачивание публичной сферы может усиливать кризис идентичности, особенно, если она тесно связана с приватной сферой, т.к. работа и театр для артистов — их дом.

Новые роли как инструмент адаптации

Узкая специализация артистов балета может быть негативным фактором, препятствующим адаптации на стадии выхода на пенсию. Происходит деквалификация артистов балета, т.к. ввиду нехватки средств им приходится соглашаться на любую работу: *«Я сначала работал на автостоянке сторожем, так как не мог найти нигде подходящую работу, а потом я пришел в центр детского творчества и предложил свои услуги, как хореограф — артист балета»* (м., 70 лет, педагог балета).

Описанная ситуация более характерна для мужчин, т.к. ввиду восприятия себя в статусе кормильца семьи, подтверждение идентичности происходит не только через профессию, но и через возможность обеспечить свою семью, поэтому мужчины чаще соглашаются на любую работу для того чтобы приносить доход семье.

Одна из гипотез исследования состоит в том, что наличие широкого набора социальных ролей может поспособствовать продуктивной адаптации к ситуации утраты основной роли и снижению переживания кризиса идентичности в связи с выходом на пенсию или потерей прежнего места работы в качестве артиста балета: «*Когда родился ребенок, все это смирилось*» (ж., 60 лет, педагог балета).

Несмотря на первоначальные изменения ролей и замену профессии на заботу о ребенке, через некоторое время у женщин заново возникает вопрос о продолжении реализации себя в профессии, что говорит о превалирующей профессиональной идентичности, которая не может полностью исчезнуть, когда на первый план выходят другие социальные статусы.

Заключение

Профессиональная идентичность людей творческих профессий является центральной жизненной идентичностью. В ситуации выхода на пенсию эта особенность может привести к возможному кризису идентичности в связи с необходимостью ухода из профессии. В данной ситуации может быть несколько сценариев развития событий: либо бывший артист остается в сфере привычной деятельности, но не выходит на сцену, либо полностью меняет профессию. В обоих случаях фактор отсутствия привычных выступлений на сцене ведет к необходимости адаптации, социальной и эмоциональной, в чем индивиду помогают новые роли в семье и профессии. Чем больше набор ролей у артиста балета, тем проще ему адаптироваться к ситуации выхода на пенсию.

Важную роль в переопределении идентичности играет тело, отражая специфику творческих профессий. Исследование показало, что столкновение с нагрузками происходит в самом начале обучения, и что привыкнуть к ним невозможно, т.к. боль постоянно напоминает о себе. Для артистов боль — нормальное состояние. Настоящей трагедией для артиста является травма, т.к. она не дает выйти на сцену, не дает в полной мере реализовать себя в профессиональном плане и тем самым действенным образом подтвердить свою профессиональную идентичность.

Также было показано, что обращение к социально-психологической трактовке возраста является очень продуктивным при изучении кризиса идентичности работников балета. В данных интервью прослеживается четкое различие между социальным и биологическим возрастом внутри профессии артиста балета.

Артисты балета начинают эмоциональную работу достаточно рано, т.е. эмоциональная сторона быстро становится неотъемлемой частью рассматриваемой профессии, что обычно не учитывается в исследованиях об артистах балета. Эмоции сопровождают весь процесс их работы, т.к. он связан с сильным физическим и психологическим напряжением. Мы выявили, что своевременное решение этих задач способствует формированию эмоциональной зрелости артистов балета еще на стадии активной работы на сцене, поэтому при переходе к новому жизненному этапу многие из респондентов не испытывали кризиса идентичности. Заранее проведенная эмоциональная работа позволила артистам балета параллельно со своей основной занятостью построить семью, освоить новую профессию, тем самым подготовить эмоциональную основу для будущей адаптации к новой деятельности и жизненной ситуации, связанной с выходом на пенсию.

Библиографический список

- Гольман Е. А.* Социология тела: к теоретическим истокам // VI Научно-практическая конференция «Современная социология — современная Россия»: Сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 423—431.
- Мацаренко Т. Н.* Профессиональная адаптация артистов балета к новой сфере деятельности // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2012. № 27. С 182—185.
- Муталиева М.* Искусство танца: шипы и розы, 2014. [Электронный ресурс] // Наукові конференції: [веб-сайт]. URL: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/653> (дата обращения: 19.07.2017).
- Райкова И.* Профессиональное сообщество артистов балета: традиции и фольклор // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред.: П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 175—196.

- Студеникина Е. С.* Артисты балета: гендерный аспект творческой профессии // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Ярославль, 20–22 октября 2011 года / Отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. В. Новикова, М. Г. Муравьева. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 488–491.
- Эриксон Э. Г.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352 с.
- Jeffri J., Throsby D.* Life after Dance: Career Transition of Professional Dancers // International Journal of Arts Management. 2006. Vol. 8. № 3. P. 54–69.
- Martin R.* Pirouetting with Pain: Attitudes Surrounding Female Ballet Dancers Dancing with Pain, 2009. [Электронный ресурс] // International Symposium on Performance Science. URL: <http://www.performance-science.org/ISPS2009/Proceedings/Rows/053Martin.pdf> (дата обращения: 15.07.2017).
- Parker R.* An Exploration of the Identity Issues Faced by Retiring Male Ballet Dancers, 2011. [Электронный ресурс] // University of Birmingham Research Archive. URL: <http://etheses.bham.ac.uk/2970/1/Parker11MPhil.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).
- Wainwright S. P., Williams C., Turner B. S.* Fractured Identities: Injury and the Balletic Body // An Interdisciplinary Journal for the Social Study of Health, Illness and Medicine. 2005. Vol. 9. № 1. P. 49–66.

Типизация содержательных наполнений этнической идентичности (на примере бурятской студенческой молодежи)

Введение

На сегодняшний день под воздействием процессов глобализации и глокализации проблема идентичности становится все более актуальной. В данной работе понятие «идентичность» будет восприниматься как способ идентификации в качестве представителя этнической группы согласно различным формам и контекстам актуализации. Стоит добавить, что проведенное исследование основывается на нарративных высказываниях, которые включают ситуативную субъектность, способную изменить само понимание индивида в ином контексте.

Россия является многонациональной страной, в которой проживают более 190 национальностей. Одной из таких национальностей являются буряты, проживающие в основном в республике Бурятия. Буряты обладают своими этническими и религиозными особенностями, в числе которых национальные традиции и обычаи, а также — бурятский язык. Бурятский язык под воздействием глобализационных факторов исчезает: в 2002 г. по решению ЮНЕСКО он был внесен в список умирающих языков, что является критерием ослабления бурятской идентичности в современных

---

* Раднаева Арюна Витальевна, магистрант отделения «Социология» Новосибирского национального исследовательского государственного университета. aryuna.radnaeva.95@gmail.com.

реалиях. Забывание языка, наряду с растущей образовательной мобильностью молодежи, уезжающей из республики Бурятия, актуализирует проблему бурятской идентичности современной бурятской молодежи.

Современная бурятская культура, формирующая бурятскую идентичность, видоизменяется под воздействием многих факторов. Среди них можно выделить переезд из деревень в города, знание (или незнание) бурятского языка, следование традициям и обычаям, самоидентификацию и самоощущение себя бурятом. Современность накладывает новые установки, которые формируют новую бурятскую идентичность. Молодежь отличается не только от старшего поколения, но также далека и от устоявшегося образа буряты. Таким образом, можно сказать, что бурятская идентичность молодежи складывается из двух основных компонент: традиционности и современности.

Обзор исследований

Социолог Э.Д. Дагбаев выделяет такие этнодифференцирующие признаки бурятской идентичности, как этнический язык, проживание на общей территории, внешние отличия. [Дагбаев, 2010]. В меньшей степени, выделяются религия и культурно-хозяйственные признаки. Язык остается первоосновой этноса, однако известно множество случаев сочетания используемых языков. Тогда как «этническое своеобразие на основе религиозных, хозяйственных и бытовых различий по мере включения в модернизационные процессы становится все менее значительным» [Дагбаев, 2010].

Поскольку буряты (как и русские) являются титульной нацией в Республике Бурятия, остается неизменным положение о двух государственных языках на ее территории — русском и бурятском. Однако на практике буряты перестают использовать свой язык, что связано с городским образом жизни, поскольку существует культурное различие между городским населением и сельским. Буряты, живущие в селах, не только активно используют бурятский язык, но и ведут более «традиционный» образ жизни. Выполнение

определенных практик и ритуалов, которые составляют часть бурятского этноса, предполагают скорее сельскую среду, чем городской уклад жизни. Согласно И.И. Осинскому и В.А. Хабудаевой, свободно владеют бурятским языком только 23,1% городской национальной молодежи и 42,0% сельской национальной молодежи. [Осинский, Хабудаева, 2014]. Однако в той или иной степени владеют бурятским языком 62,5% городских и 70,5% сельских представителей национальной молодежи. Использование бурятского языка не предусмотрено в городских реалиях и поэтому оно возможно лишь в кругу семьи, родственников и друзей.

Также не малозначимым фактором формирования бурятской идентичности является следование традициям и культурным нормам. По данным исследования И. И. Осинского: «18,9% респондентов-бурят придерживаются всех традиций своего народа (у русских — 11,7%), 62,5% в основном придерживаются (у русских — 39,1%), 19,6% придерживаются «изредка» (у русских — 39,8%), 3,8% не придерживаются, не видят необходимости (у русских — 9,2%)» [Осинский, 2001]. Однако данное исследование направлено на изучение идентичности бурятской интеллигенции, в рядах которой можно выделить работников сфер литературы и искусства, ламаистского духовенства, а также — учителей, врачей, специалистов сельского хозяйства.

В количественном исследовании Э. Н. Дагбаева, целью которого было выявить наиболее значимые факторы в проявлении бурятской идентичности среди городских жителей и сельских, приняло участие в анкетном опросе 1045 человек, из них жителей города — 601 человек, жителей села — 444 человека [Дагбаев, 2010]. На вопрос «Почему Вы считаете себя бурятом?» большая часть респондентов ответила: потому, что они родились в бурятской семье (родители — буряты). Менее популярным стало объяснение «Я знаю бурятские традиции и обычаи». Однако самосознание («Я чувствую себя бурятом») и владение бурятским языком («Я говорю по-бурятски») неожиданно оказалось не столь важным признаком бурятской идентичности.

На основе собранных данных, Э. Н. Дагбаев делает вывод о том, что происходит «размывание» бурятской идентичности под влиянием процессов урбанизации, глобализации, модернизации, в част-

ности социальной дифференциации и развития образования [Дагбаев, 2010]. Бурятский язык теряет свою функцию скрепляющего элемента бурятского этноса. Что касается традиций и обычаев, то общество уделяет большое внимание их сохранению и поддержанию. Таким образом, главным этнодифференцирующим признаком является самосознание, а именно осознание того, к какому этносу причисляют люди себя сами.

Согласно Ц. Ч. Жимбаевой, изучавшей студенческую идентичность в Агинском филиале Бурятского государственного университета, фактор этнокультурной идентичности оказывает сильное влияние на позиционирование себя [Жимбаева, 2011]. Фокусируясь на значимости различных этнокультурных факторов, формирующих студенческую идентичность, она выделяет следующие факторы как наиболее значимые: «общая культура, искусство, литература (86%)», «Традиция предков» (86%), «Единство языка» (70%).

Методологические основания

Эмпирическим объектом в данном исследовании выступает студенческая бурятская молодежь, обучающаяся в г. Улан-Удэ, а также — молодежь, которая выехала за пределы своего родного города с целью обучения, в данном случае, это город Новосибирск. Обоснованием выбора именно студенческой бурятской молодежи является то, что студенты являются наиболее мобильными представителями молодежи. Основным критерием для отбора информантов среди студенческой бурятской молодежи (на основе отношения себя к бурятскому этносу) является обучение на третьем-четвертом курсе бакалавриата, поскольку на данном этапе обучения студенты обладают большим жизненным опытом по сравнению с теми, кто только поступили в университет и адаптируются к новой городской среде.

Для проведения данного исследования нами были выбраны качественные методы, поскольку они позволяют достичь цели исследования. Формы проявления идентичности могут носить неосознанный, субъективный характер. Количественный метод

не позволяет в полной мере изучить смыслы, придаваемые бурятской идентичности, и осуществить ее интерпретацию. В исследовании мы используем метод полужормализованного интервью, в рамках которого информанту предлагается набор ключевых тем для разговора, отражающих исследовательские вопросы. Для информанта нет строгих рамок для высказываний, он с легкостью может затрагивать различные темы не по порядку. Информанты высказываются о формах проявления идентичности посредством нарративов, которые не только репрезентируют социальное существование индивида, но также и конструируют его.

Различия содержательных наполнений и способов конструирования национальной идентичности современной бурятской молодежи

В первую очередь было замечено, что в самом начале интервью, отвечая на вопрос: «Расскажите, пожалуйста, о себе и о своей семье», вне зависимости от того, где родился информант, он обязательно поясняет, где родились родители. Тем самым, современная бурятская молодежь обозначает свою причастность к селу. Тип поселения важен в контексте истории семьи информантов для понимания и осознания своих корней.

«...Обычная бурятская семья. Папа джидинский, мама из Баргузина. Есть старший брат, на три года старше меня» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

«...Я родился в Санкт-Петербурге. Мама — бурятка, папа — башкир. Мы — иркутские буряты. Род у нас идет с Алайского района... Родом моя фамилия с Иркутской стороны, с Усть-Орды, а именно из села Байтек. Оттуда родом мой дедушка, мой прадедушка. Также мой отец, он родился в Кижинге, но считается, что мы иркутские. Мама у меня полностью тоже кижингинская, и дедушка, бабушка тоже кижингинские. Ну, я, соответственно, считаю себя иркутским бурятом. Зовемся мы — эхирит — булагатскими бурятами» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

Идентичность отражает сходство с одними людьми и в то же время отличает от других. При этом сходство с одними начинает осознаваться после того, как начинает осознаваться отличие от других, например, при встрече с ними. Дж. Урри в своей работе, посвященной мобильности говорил: «В более общем смысле идентичность человека стала выстраиваться через долгосрочные соединения с другими местами» [Урри, 2012: 219]. Приобретая опыт знакомства с другой культурной средой, индивид пересматривает свою собственную культуру. Можно сказать, что подобный контекст способен сформировать новый тип идентичности. «...Идея национальной идентичности уступает место все более универсальным моделям сообщества членов, связанных с детерриториализированным понятием универсальных прав личности» [Урри, 2012: 350]. В данном случае, важными характеристиками послужили места рождения, а именно город или село, поскольку для этих типов поселений характерны разные контексты социализации; а также места учебы сыграли важную роль, поскольку сами по себе сформировали контекст формирования идентичности (см. табл. 1).

Таблица 1

**Типизация содержательных наполнений этнической идентичности
(на примере бурятской студенческой молодежи)**

Место рождения	Место учебы	
	Улан-Удэ	Новосибирск
Город	<i>Культуро-поверхностный тип идентичности, основанный на внешних атрибутах и генетической принадлежности</i>	1. <i>Культуро-приближенный тип идентичности</i> , основанный на восприятии принадлежности к локальному этническому сообществу 2. <i>Культуро-отдаленный тип идентичности</i> , основанный на пассивном восприятии этнической принадлежности, появление новой опосредованной социальной идентичности
Село	<i>Культуро-наследованный тип идентичности, основанный на знании национального языка и следовании традициям и обычаям</i>	<i>Культуро-передающий тип идентичности</i> , основанный на побуждении принадлежности к локальному этническому сообществу, транслировании знаний национального языка, традиций и обычаев

Культурно-поверхностный тип идентичности, основанный на внешних атрибутах и генетической принадлежности

Для представителей современной бурятской молодежи, родившихся в городской среде, характеристиками к пониманию своей этнической идентичности можно отнести внешние атрибуты, генетическую принадлежность и знание своей родословной, тогда как бурятский язык, традиции и обычаи имеют другое значение: не определяющую для бурятской идентичности. Возможно, знание своей родословной становится важным основанием для приписывания себе бурятской идентичности.

«У меня есть дедушка и бабушка, и все буряты. Знаю свою родословную до седьмого колена. Все были буряты. И родители тоже. Значит и я — бурят» (м., 5 курс, Улан-Удэ).

«Внешне же бурят...» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

Также можно заметить самокритику со стороны тех представителей бурятской молодежи, которые не владеют бурятским языком, не знают и не следуют бурятским традициям и обычаям. В связи с этим, теряется значимость бурятской идентичности в целом.

«Быть бурятом — это разговаривать на чистом бурятском, следовать бурятским традициям. Т.е. я скорее наполовину» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

«...Сейчас размываются все границы и меньше придают значение тому, что ты бурят» (ж., 4 курс, Улан-Удэ).

Информантами подмечалось, что бурятский язык ассоциируется со сравнительно менее низким уровнем культуры, чем предполагается в современном городе, т.е. бурятский язык обладает низким символическим статусом.

«Ассоциация с человеком, который знает бурятский язык, это либо районский, либо головар¹ там, или что-то такое» (м., 4 курс, Улан-Удэ).

«Мне кажется, это становится немодно. Не знаю, к сожалению, почему. Есть пару причин, наверное. Может, бурятский язык ассоциируется с приезжими из деревень, может быть, что-то такое... Хотя власти пытаются бороться с этим. Я слышал, что порядка 30% госбюджета вложили в развитие изучения бурятского языка. Но, к сожалению, этого нигде не видно. Хотелось бы, чтобы мы все говорили на своем родном языке» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

Что касается знания обычаев и традиций, то информантами подчеркивается знание и следование таким традициям, как празднование Сагаалгаана, посещение дацана. Данный тип идентичности характеризуется тем, что происходит упрощение следования традициям и обычаям. С другой стороны, подчеркивается важность знания традиций как альтернативного признака бурятской идентичности.

«Ну я знаю, Сагаалгаан, например. Ну в Сагаалгаан что там. До Сагаалгаана два костра разводят, где мы обтираемся тестом, а потом все плохое сжигаем. Вот это самое основное как бы... А как таковые обычаи, мы в основном в Сагаалган только и все что с ним связано. Допустим там, до Сагаалгаана, после. Допустим, в пять часов встать, все приготовить к столу, чистота должна быть, белая пища там. Все что с этим связано, мы знаем» (м., 4 курс, Улан-Удэ).

«Мы хоть и не разговариваем на бурятском языке, но мы каждый раз отмечаем Сагаалгаан, ходим в дацан» (ж., 3 курс, Улан-Удэ).

Таким образом, культурно-поверхностный тип идентичности отражает специфику ассимиляции, а также основан на забывании

---

¹ «Сельский чужак», деревенский, в самом худшем понимании этого слова: глупый, грубый, матерящийся, пьющий.

этнодифференцирующих национальных признаков, таких как национальный язык, традиции, обычаи. Основными признаками, характеризующими национальную, этническую идентичность являются внешность и генетическая предрасположенность. Возможно, знание своей родословной также является этнодифференцирующим признаком к принятию своей этнической идентичности.

Культуро-наследованный тип идентичности, основанный на знании национального языка и следовании традициям и обычаям

Теми представителями современной бурятской молодежи, которые родились в селе, особенно выделялось значение бурятского языка, традиций, обычаев, на что, скорее всего, повлиял контекст социализации в селе. Например, информанты владеют бурятским языком, поддерживают и практикуют его дома [Ечевская, Раднаева, 2012: 42]. Одна их основных характеристик бурятского языка заключается в том, что его используют исключительно дома, в быту.

«Да, я владею бурятским языком. Вся семья разговаривает на бурятском языке... Очень мало тех, кто говорит на бурятском языке. Наверное, из всех моих друзей только двое-трое владеют им» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

«Мы можем говорить с мамой о повседневных делах, повседневных вещах на бурятском языке, но так чтобы рассуждать — нет» (ж., 3 курс, Улан-Удэ).

Также, поскольку данному типу идентичности соответствуют те представители современной бурятской молодежи, которые родились в селе, в котором практика использования бурятского языка более развита, чем в городе, село становится местом обучения и использования бурятского языка в целом.

Культуро-наследованный тип идентичности характеризуется тем, что включает в себя знание нюансов религиозных и нацио-

нальных бурятских обычаев, которые не всегда включены в практики городского образа жизни [Ечевская, Раднаева, 2012: 43–44].

«Каждое утро начинается с того, что мы делаем подношения, брызгаем молоко, что-то еще, молимся по утрам» (м., 3 курс, Улан-Удэ).

«Допустим, когда открываешь молоко, надо не себе в чай наливать, а надо отлить в отдельную чашечку, и на утро своему Богу подать и помолиться» (ж., 4 курс, Улан-Удэ).

Культуро-наследованный тип основан на факте рождения в сельской среде, в связи с чем и передаются знания национального языка, традиций, различных нюансов, особенностей быта, знания, которые утрачиваются в городской среде представителями современной бурятской молодежи. Также село является местом, способствующим обучению национального этнического языка для представителей современной бурятской молодежи.

Культуро-приближенный тип идентичности, основанный на восприятии принадлежности к локальному этническому сообществу

Данный тип формируется исходя из опыта переезда в другой город и сравнения разных культур, впоследствии чего возникает потребность в самоопределении и самопрезентации. Информантами было подмечено желание показать себя с лучшей стороны в новом городе при рассмотрении себя как представителя своей национальности.

«Если приезжаешь откуда-то издалека, то понимаешь, что здесь другой менталитет» (м., 4 курс, Новосибирск).

«Выезжая за пределы республики, ты говоришь всем, что ты бурят» (м., 3 курс, Новосибирск).

В различных городах организуются автономные этнические сообщества или землячества, направленные на общение между

земляками, преимущественно одной национальности. Так и в городе Новосибирск, существуют такие сообщества, как, например, бурятское землячество. Информанты, посещающие мероприятия, которые организывает бурятское землячество, отмечают привычную, родную, домашнюю атмосферу, которая их и притягивает.

«О бурятском землячестве знаю, в последнее время часто посещаю, всякие клубные штуки, посвящения первокурсников. Эти встречи нравятся, потому что с бурятами легче — даже визуально родные лица, атмосфера особенная» (ж., 5 курс, Новосибирск).

«На таких именно мероприятиях, люди встречаются, общаются, поддерживают друг друга... Сюда люди приезжают, и как-то тянутся к чему-то родному. Вот эти все землячества для этого же созданы» (ж., 4 курс, Новосибирск).

Данному типу свойственно то, что в другом городе в локальных сообществах приобретаются такие характеристики, как сплоченность, поддержка и взаимовыручка. Как писал Р. Робертсон в своей статье, посвященной феномену глокализации: «Глокализация также включает конструирование или изобретение местных традиций или форм частностей... Мы считаем, что этот процесс аналогичен тем, которые концептуализируются как “изобретение культуры”, “изобретение традиции” или создание “воображаемых сообществ”. Эти формы частностей могут быть сформулированы с помощью конкретных “идеологий дома” (*ideologies of home*), которые имеют сильные ностальгические или меланхолические темы» [Giulianotti, Robertson, 2006: 172]. Исходя из переживаемого опыта переезда в другой город, информанты обретают единство и достигают сплоченности внутри локального этнического сообщества.

«Когда приезжаю в Улан-Удэ, друзья меня спрашивают: “Что ты там делаешь в этом землячестве?”. Я говорю, что мне нравится собирать родных людей. А у них все дома под жопой есть, живут они в квартире в доме, у них все вместе там родители, а когда ты в городе один — у тебя нет никого кроме земляков

и общаги. Поэтому здесь мы сплоченнее, чем в Бурятии. Я думаю, что те студенты, которые выехали из своих городов, им будет легче в жизни двигаться» (ж., 3 курс, Новосибирск).

Культуро-приближенный тип идентичности основан на факте переезда в другую местность, благодаря чему появляется возможность для сравнения культур, а также переосмысления своей идентичности. Данному типу свойственен интерес к своей культуре, благодаря чему формируются локальные сообщества, поддерживающие национальную, этническую идентичность в других городах. Интерес к своей культуре может перерасти также и в практики обучения и использования национального языка, приготовления национальных блюд, следования традициям и обычаям.

Культуро-отдаленный тип идентичности, основанный на пассивном восприятии этнической принадлежности, появление новой опосредованной социальной идентичности

Следует обратить внимание на сюжет касательно студентов Новосибирского государственного университета (далее — НГУ), родившихся в городских условиях, проживающих в Академгородке с целью обучения. Поскольку Академгородок является довольно изолированным местом, студентам сложнее посещать встречи, которые организует бурятское землячество, преимущественно вечеринки в клубах. Студенты-буряты Академгородка мало поддерживают связь с земляками и бурятами даже в пределах Академгородка. У студентов Академгородка, особенно у тех, кто прошли обучение в физико-математической школе, при поступлении в университет уже было много знакомых, и был сформирован примерный круг общения. Поэтому им не так было важно познакомиться с кем-то из бурятского землячества. Также была замечена критика общения в бурятском землячестве со стороны тех, кто посещал встречи в бурятском землячестве.

Ответ на вопрос интервьюера «Посещаете ли Вы встречи в бурятском землячестве?»:

«Не посещаю. Не считаю это нужным, неинтересно. Меня вполне устраивает мой круг общения и образ жизни, мне хватает этого» (м., 4 курс, НГУ, Новосибирск).

«Там в принципе все нормально, но мне не нравится, что у всех Это через край льет. Надо всем показать, что ты бурят. Такое ощущение, что некоторые люди даже больше начинают разговаривать с акцентом. Например, стараются очень часто использовать бурятский язык, хотя в обычной жизни они так не делают, а потом принижают людей, которые не говорят на бурятском» (ж., 4 курс, НГУ, Новосибирск).

Данные цитаты показывают, что у представителей современной бурятской молодежи, проживающей в Академгородке, нет желания поддерживать бурятскую идентичность, поскольку Академгородок является локальным сообществом, возможно, что вместо бурятской идентичности, студентами НГУ формируется новая идентичность «академгородковца». Также данному локальному сообществу приписываются характеристики высокого уровня образованности, что связано со статусом университета, а также — со статусом всего научного городка в целом.

«Академгородок родной, а вот Новосибирск мрачный какой-то» (ж., 4 курс, НГУ, Новосибирск).

«Здесь люди тактичнее, культурнее, образованнее» (ж., 4 курс, НГУ, Новосибирск).

В такой среде восприятие себя бурятом становится менее важно для культурно-отдаленного типа идентичности.

«...я не самоопределяю себя как бурят, мне без разницы» (м., 4 курс, НГУ, Новосибирск).

«Ну, мог бы и родиться вообще папуасом. Ну и пофиг» (м., 4 курс, НГУ, Новосибирск).

Таким образом, культурно-отдаленный тип идентичности характеризуется тем, что в связи с переездом появляется другая идентичность, связанная с локальным сообществом, которая

не имеет отношения к этническому локальному сообществу. Представители данного типа идентичности транслируют ценности нового локального сообщества, отвергая или ставя на порядок ниже свою этническую идентичность.

Культуро-передающий тип идентичности, основанный на побуждении принадлежности к локальному этническому сообществу

Что касается тех студентов, которые родились в селах, а затем переехали в другой город с целью обучения, то интервью с ними были наиболее насыщенными, поскольку они имеют обширный опыт, сформировавший и усиливший бурятскую идентичность. Также было замечено, что в иной среде, в том числе под воздействием локального сообщества, проявляется интерес к своей культуре, а именно — желание выучить родной язык, соблюдать традиции и обычаи.

«Хотя вот есть друг, который не знал бурятский, и когда переехал сюда, он просил нас говорить с ним по-бурятски, чтобы научить его. И мы его за три года, вот более-менее подтаскали» (м., 3 курс, Новосибирск).

Что касается бурятских традиций, то представители национальной бурятской молодежи, родившиеся в селах, подчеркивают различные нюансы национальных традиций, о которых не все знают. Также значимость следования традициям транслируется представителями данного типа идентичности.

«Мы тоже в общаге: вставали в четыре утра, готовили белую пищу, позы там, творог... мне кажется, чем дальше мы от дома, тем больше в нас просыпаются патриотические чувства, тем больше мы соблюдаем традиции, тянемся к дому» (ж., 4 курс, Новосибирск).

«Традиции — это что-то для меня неотъемлемое, но из традиций уже многое утекает, допустим, какие-то обычаи или какие-то суеверия. Типа ночью нельзя мусор выносить,

там в плане, что алкоголь нельзя заносить домой ночью, выносить нельзя, в лесу орать, кричать нельзя» (м., 4 курс, Новосибирск).

Представителями данного типа идентичности подчеркивается значение своего места рождения, знание традиций, обычаев, от чего и складывается бурятская национальная идентичность. Также подчеркивается желание подать себя и свою культуру с лучшей стороны.

«Я больше чувствую себя бурятом здесь, чем дома. Потому что это не мой дом, и я хочу идентифицировать себя как бурят, чтобы все знали, что я бурят. Стараюсь показать себя с лучшей стороны» (м., 4 курс, Новосибирск).

«Я родился в бурятской среде, и я очень люблю свою Родину. Зачем считать себя кем-то другим, если ты уже родился бурятом. Я родился в Бурятии, в бурятской среде, я бурят. Я знаю традиции, праздники. Если меня считают представителем другой национальности, то мне очень обидно, поэтому я себе такую толстовку сделал» (м., 4 курс, Новосибирск).

Среди тех, кто родился в селах, и проходит обучение в Новосибирске, многие активно участвуют в организации бурятского землячества. Например, возможно, что выбирают наиболее авторитетного среди представителей бурятской молодежи в президенты бурятского землячества, а критериями являются помимо всего прочего и знание бурятского языка, и следование традициям и обычаям.

«Я являюсь президентом бурятской молодежной организации, которая занимается сплочением бурят, поддержанием нашей культуры, традиций. Находясь не в своем городе, в любом случае надо знать и помнить свои традиции, скажем, свои корни» (м., 4 курс, Новосибирск).

Таким образом, культуру-передающий тип идентичности характеризуется намерением транслировать знания о национальном

языке, традициях и обычаях. Также представители данного типа идентичности являются лидерами в среде локальных этнических сообществ, поскольку обладают знаниями тех практик, которые утрачены в городской среде.

Заключение

Можно сделать предварительный вывод о том, что представители бурятской молодежи, которые родились в селах, связывают свою этническую идентичность со знанием бурятского языка, бурятских традиций и обычаев, что характеризует культуру-наследованный тип идентичности. Тогда как представители бурятской молодежи, которые родились в городе, описывают этническую идентичность в связи с внешними атрибутами: принадлежностью их семьи к бурятам. Проявляется критика к незнанию бурятского языка, бурятских традиций и обычаев среди представителей городской бурятской молодежи. Возможно, поворот к знанию своей родословной становится новой характеристикой, определяющей бурятскую идентичность. Подобные черты отличают культуру-поверхностный тип идентичности.

Что касается тех представителей бурятской молодежи, которые переехали с целью обучения в Новосибирск, то их идентичность трансформируется в связи с новым контекстом. Возможен вариант приобщения к локальным этническим сообществам, тогда идентичность преобразуется, становится более явной и в случае с теми представителями бурятской молодежи, которые родились в городах, формирует культуру-приближенный тип идентичности; тогда как те представители бурятской молодежи, которые родились в селах, еще сильнее переосмысливают свою этническую идентичность, участвуя в организации локальных этнических сообществ, что формирует культуру-передающий тип. Мы также выделяем культуру-отдаленный тип идентичности, который может быть сформирован принятием другой идентичности. Он свойственен представителям городской бурятской молодежи, которые обучаются в НГУ, расположенном в Академгородке: территориально «оторванном» районе Новосибирска и имеющим свою собственную локальную идентичность.

Библиографический список

- Дагбаев Э. Н.* Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 134–141.
- Ечевская О. Г., Раднаева А. В.* Национальная идентичность современной бурятской молодежи // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 3. С. 40–49.
- Жимбаева Ц. Ч.* Особенности становления социокультурной идентичности у современных студентов // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6. С. 267–273.
- Осинский И. И.* Традиционные ценности в духовной культуре в бурятской национальной интеллигенции // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 80–83.
- Осинский И. И., Хабудаева В. А.* Традиции в культуре современной бурятской молодежи // Вестник бурятского государственного университета. 2014. № 6–2. С. 69–73.
- Урри Дж.* Мобильность / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
- Giulianotti R., Robertson R.* Glocalization, Globalization and Migration: The Case of Scottish Football Supporters in North America // International Sociology. 2006. № 21 (2). P. 171–198.

РАЗДЕЛ V

**Новые тенденции
в социальной политике**

Использование социальных приоритетов Европейского Союза в системе совершенствования социальной защиты ЕврАзЭС

Введение

Сегодня Европейский Союз (ЕС) представляет собой надгосударственное объединение 28 европейских стран, экономический и политический союз с единой валютой, парламентом, исполнительными органами (Европейской комиссией). Но такие формы он обрел постепенно в процессе послевоенных десятилетий интеграции. Причем, окончательная модель уточнялась и формировалась на протяжении самого процесса. По словам Ж. Делора, бывшего председателя Еврокомиссии, процесс интеграции Европы носил беспрецедентный характер и не был ориентирован ни на какую модель [Цыганков, Дробот, 2008: 263].

Принципы социальной политики европейского сообщества были отмечены еще в 1951 г. при создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), поддержанные Францией, ФРГ, Италией и странами Бенилюкса. Однако в полной мере они обозначились с учреждением Европейского экономического сообщества (ЕЭС). К числу основных социальных целей были отнесены: обеспечение социального прогресса, ускоренный рост

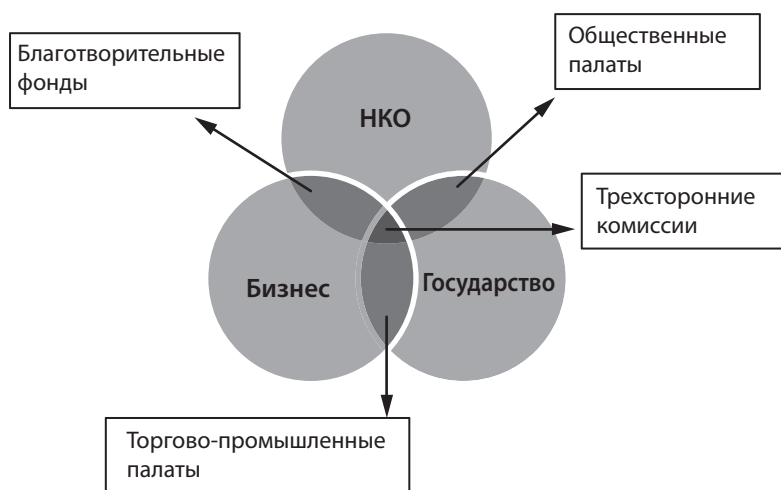
* Малышев Максим Алексеевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Malishev@spa.msu.ru.

уровня жизни, высокий уровень занятости, улучшение условий жизни и труда, гармонизация социальных условий и социального законодательства стран участниц и содействие развитию остальных регионов. Конкретные задачи подразумевали: свободное перемещение рабочей силы внутри ЕЭС; устранение дискриминации в вопросах найма, оплаты и других условий труда; модернизация национальных систем подготовки рабочих кадров; разработка принципов общей политики в области профессионального обучения с целью формирования единого рынка труда; финансирование профессиональной переподготовки [Пашков, 1999: 19–20].

Если говорить о факторах снижения эффективности существующих моделей социальной политики ЕС, то эксперты обращают внимание на следующие. (1) Глобализация и обострение мирохозяйственной конкуренции создают угрозу европейской модели социального государства с помощью социального демпинга. В продаже появляется много конкурентоспособных дешевых товаров из стран, где ниже оплата труда и ниже социальные расходы. Вследствие этого в условиях глобализации европейские капиталы стали активно перемещаться в страны Юго-Восточной Азии, Центральной и Восточной Европы и др. (2) Демографическая ситуация — долгая продолжительность жизни при низкой рождаемости в Европе приводит к тому, что число плательщиков в пенсионную систему становится меньше, а число получателей все больше. (3) Высокая степень социальной защиты снижает стремление к более производительному труду. Таким образом, возникают препятствия для роста эффективности европейской экономики [Совместимы..., 2005: 14–16]. Также можно добавить, что демографическая ситуация осложняется и тем, что усиливается массовая иммиграция из стран «третьего мира», выходцы из которых также претендуют на социальные пособия. Несмотря на все программы толерантности, данный факт возбуждает в европейском обществе инстинкт национального самосохранения и ведет к росту шовинизма и ксенофобии.

С целью практической реализации идеи «вовлечения» граждан и некоммерческих организаций (НКО) в процесс обсуждения государственных решений органы власти последовательно расширяют возможности их экспертной деятельности посредством со-

здания специализированных организационных форм. В 2005 г. создается новая структура — Общественная палата РФ (ОП РФ) и региональные палаты, через которые вместе со структурами Торгово-промышленной палаты и Трехсторонней комиссии осуществляется организация публичной дискуссии. Посредством создания структуры ОП РФ и включения некоммерческих организаций в публичное обсуждение государственных решений завершается формирование социальных форм и соответствующей им инфраструктуры. Так обеспечивается взаимодействие трех секторов экономики — государства, некоммерческих организаций и бизнеса, в рамках которых они способны формировать повестку дня внутренней политики государства (см. рис. 1) [Клементьев и др., 2016: 18].

Рис. 1. Трехсекторная модель экономики. Структуры и формы межсекторного взаимодействия

Теоретическое осмысление социального партнерства

В научной литературе социальное партнерство исследуется в двух аспектах: межсекторном и социально-трудовом. Из современных российских ученых, занимающиеся межсекторным

аспектом, следует отметить Л. Н. Коновалову, М. И. Корсакову, М. И. Либоракину, Л. И. Никовскую, Н. Л. Хананашвили, В. Н. Якимца. Данные авторы исследуют муниципальный спектр проблем формирования межсекторного социального партнерства. Взаимодействие субъектов местного сообщества в ограниченном территориальном пространстве посвящены работы А. Мендера, Т. Шанина. Как часть государственного управления местное самоуправление рассматривалось в работах В. П. Безобразова, Г. Елинека, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского; как форма народовластия — А. Градовским, М. Курчинским, К. Марксом, Б. Н. Чичериным; как часть государственного управления и форма народовластия — М. Свешниковым. Социальная ответственность бизнеса и его взаимодействие с властью и местными сообществами раскрывается в трудах И. Ю. Беляевой, А. Керолла, Т. Китчина, М. А. Эскиндарова.

На практике круг вопросов, решаемых посредством договоров (соглашений) между работодателями, наемными работниками и органами государственной власти, значительно шире. Они включают в себя тесно связанные с социально-трудовыми экономические, а иногда и социально-политические проблемы, влияющие на жизнедеятельность всего населения страны.

Международная организация труда (МОТ) определяет социальное партнерство как осознанную цивилизованными предпринимателями, цивилизованными профсоюзами и прогрессивными государствами необходимость в сохранении мира и прогресса. МОТ также провозгласила основные принципы социального партнерства: равноправие сторон, полномочность представителей, свобода выбора и обсуждения вопросов, неотвратимость ответственности и др.

Такой подход к социальному партнерству признает следующее:

- профсоюзы заинтересованы в успешной работе организации, т.к. это обеспечивает гарантированные рабочие места;
- сотрудничество, а не конфронтация является способом решения проблем, возникающих между работниками и работодателями;
- работники могут выразить свои требования только через независимые профсоюзы.

Факторы социального партнерства

Рассмотрим факторы, которые содействовали становлению и развитию социального партнерства в мире, а так же те особенности, которые определяют его современное состояние. К таким факторам мы можем отнести:

- существование социалистической системы как альтернативы капитализму и достаточно сильного опирающегося на нее левого движения, в том числе профсоюзного (например, во Франции, Италии);
- послевоенный подъем социального единения, который дал импульс для формирования национального согласия в социальных вопросах;
- развитие национального капитализма и протекционистская политика государств;
- рынок труда с идеей полной занятости и неотъемлемости социальных гарантий;
- активная государственная социальная политика, проводимая на основе роста социальных расходов.

Очевидно, что сейчас перечисленные факторы или вообще не действуют, или существенно изменились:

- исчез социализм как мировая общественно-политическая и экономическая система, как противовес капитализму, что привело к снижению социального давления на капитал;
- вездесущая глобализация и свободная торговля размывают национальные рамки экономики; интернационализации рынка способствует деятельность ТНК;
- возникла ситуация экономического роста без роста занятости, а состояние рынка труда характеризуется достаточно высоким уровнем безработицы, развитием новых форм занятости (неполный рабочий день, временная занятость, работа по Интернету);
- изменения в организации производства, в том числе и под влиянием ИТ, создают возможности достаточно легко территориально перебрасывать производства или его отдельные функции. Национальное законодательство, в том числе и в вопросах цены труда и условий занятости, которое исходит из необходимости соблюдения общего интереса и социаль-

ного мира в стране, теряет свое экономическое, политическое и моральное значение для ТНК. Поэтому достигнутые на национальном уровне договоренности работают до определенного предела.

В профсоюзном движении наблюдается реструктуризация профсоюзов за счет слияний. Внутри коалиций профсоюзов происходит объединение небольших членских организаций. С одной стороны, данный процесс ведет к снижению конкуренции между профсоюзами, обеспечивает более эффективное представительство и обслуживание интересов членов профсоюза, сокращает административные издержки. С другой стороны, вызывает необходимость увольнения части работников.

Что касается работодателей, то обратим внимание на следующее. Во-первых, отраслевые объединения работодателей являются основой социального партнерства в большинстве европейских стран. Однако многие из них реально представляют, прежде всего, деловые, коммерческие интересы. Поэтому нередко функции лоббирования этих интересов преобладают над функциями работодателя, заключения коллективных договоров. Во-вторых, господствующей формой современного капитала являются транснациональные корпорации, представляющие собой институциональную форму международного капитала, способную оказывать значительное воздействие на развитие тех стран, в которых они присутствуют. Современный капитал превращает мировые рынки капитала и товаров в господствующие в мировом масштабе сферы экономической деятельности.

Если говорить о глобальных изменениях в сфере труда, то здесь отметим, прежде всего, две группы тенденций. Во-первых, изменения в характере труда. В промышленно развитых странах «массовый» индустриальный труд замещается автоматами, роботами и компьютерами в различных сферах экономической деятельности, поэтому растут ряды безработных и частично занятых. Технологическая безработица увеличивается и в развивающихся странах — главным образом, вследствие применения ТНК высоких технологий. Введение компьютерных технологий резко увеличивает объем, поток и скорость протекания информации, что вызывает у миллионов людей чувство «перегруженности».

Во-вторых, тенденции формирующегося глобального рынка рабочей силы. С одной стороны, этот рынок уже стал единым и мировым, ибо ТНК эксплуатируют наемных работников в любой стране. С другой стороны, капитал делает все возможное, чтобы этот рынок был, в отличие от рынка товаров, например, несвободным; чтобы наемные работники, как сила, противостоящая капиталу, были разделены государственными барьерами; чтобы воспроизводились глубочайшие диспропорции в заработной плате, занятости, условиях и характере труда в развитых и развивающихся странах. Эти диспропорции включают: воспроизводство преимущественно низкоквалифицированного труда в «третьем» мире и квалифицированного труда — в «первом» мире; разрыв в оплате труда работников одной и той же квалификации в десятки раз; качественные различия в уровнях и масштабах социальной защиты, условиях труда, социального страхования и обеспечения.

Методология исследования социального партнерства

В апреле-июне 2017 г. кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова было проведено социологическое исследование на тему «Роль профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений и развитии социального партнерства в Москве». Целью исследования явилось изучение роли профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений и развитии социального партнерства на предприятиях Москвы на современном этапе. Для достижения цели исследования были сформулированы следующие задачи: проанализировать практику участия профсоюзов в становлении системы социального партнерства; выявить трудности и перспективы становления и развития системы социального партнерства на предприятиях Москвы; выработать рекомендации профсоюзным организациям по оптимизации социально-трудовых отношений на предприятиях (в организациях) Москвы.

В центре внимания находилась деятельность профсоюзов как представителей работников по защите их интересов на уровне предприятия (организации).

В качестве предмета анализа рассматривались:

1. Состояние социально-трудовых отношений и деятельность профсоюзных организаций по защите интересов работников.
2. Статус первичных профсоюзных организаций в системе социального партнерства, обеспечивающий им возможность осуществлять согласование интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений.
3. Участие работников в отношениях социального партнерства на уровне предприятия (организации), знание работниками своих трудовых прав и готовность их отстаивать.

Методом сбора первичной информации (осуществлялся в апреле-мае-июне 2017 г.) был выбран анкетный опрос (N = 847). Выборка для осуществления сбора первичной информации была многоступенчатая, с учетом отраслевой принадлежности организаций и социально-демографических признаков респондентов. Исследование проводилось на предприятиях и организациях пяти крупнейших отраслей.

Для оценки состояния социально-трудовых отношений в ходе исследования были проведены измерения *удовлетворенности* работников такими существенными аспектами этих отношений как размер заработной платы; система оплаты труда; режим труда и отдыха; безопасность труда; социальные льготы; психологический климат в коллективе. Сводные результаты полученных в ходе опроса данных представлены на рис. 1.

В наибольшей степени работников в их организациях *удовлетворяют безопасность труда, психологический климат в коллективе, применяемый режим труда и отдыха*. Удовлетворенность системой оплаты труда и социальными льготами находится в зоне слабых положительных значений. Единственный индикатор, оказавшийся в зоне отрицательных значений, — это *размер заработной платы*. Несмотря на то, что средняя заработная плата по Москве в последние годы росла устойчивыми темпами, большинство респондентов не рассматривают получаемый ими заработок как достойный и способный обеспечить воспроизводство рабочей силы в условиях постоянно дорожающей жизни в мегаполисе.

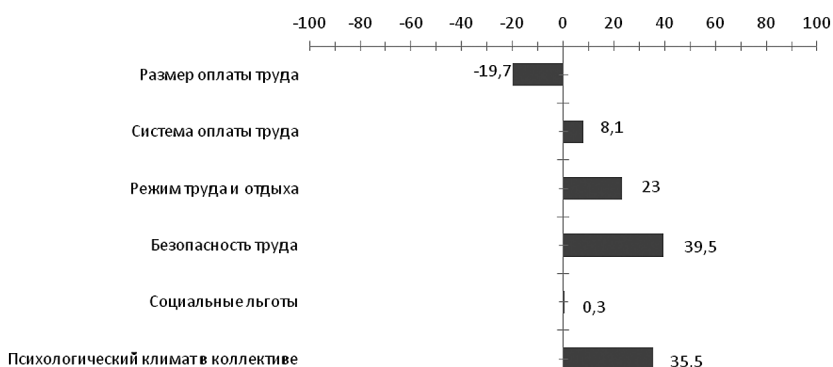

Рис. 1. Сводные показатели удовлетворенности аспектами труда¹

Размер заработной платы

Неудовлетворенность работников размером получаемой ими заработной платы смело можно назвать массовым явлением. Полностью или частично тем, во сколько оценивается их труд, недовольны 62,8% работников — членов профсоюза, 56,1% работников, не состоящих в профсоюзе, и 56,5% выборных профсоюзных работников и активистов профсоюзных организаций.

Из всех социальных групп респондентов чаще других полную удовлетворенность размером оплаты своего труда высказывали руководители разного уровня (23,1%), в то время как у специалистов (15,6%) и в особенности у рабочих (7,6%) этот показатель оказался заметно ниже.

Больше всего недовольны размером получаемой заработной платы следующие категории:

- *по отраслевому признаку:* работники образования (44% ответов «нет»),

¹ В ходе вычислений суммировались полученные данные, причем значения «да» и «нет» умножались на коэффициенты «1» и «-1», а значения «скорее да» и «скорее нет» — на коэффициенты «0,5» и «-0,5» (т.е. рассматривались как усредненные показатели частичной удовлетворенности или частичной неудовлетворенности). Представленная на графике шкала имеет максимальное значение 100, возможное в том случае, если бы все участники опроса ответили «да», и минимальное значение -100, возможное в том случае, если бы все они ответили «нет».

- *по признаку возраста*: молодежь (37,6%),
- *по признаку статуса в производственной иерархии*: рабочие (35,6%),
- *по признаку стажа работы в организации*: работники, проработавшие в ней 10 и более лет (34,8%).

На основе полученных данных можно рекомендовать профсоюзным организациям при проведении коллективных действий уделять максимальное внимание использованию протестного потенциала именно этих категорий трудящихся.

Система оплаты труда

Система оплаты труда в организациях вызывает неоднозначные отзывы респондентов, со слабым перевесом в сторону положительных суждений. Обращает на себя внимание тот факт, что выборные профсоюзные работники и активисты в большей степени удовлетворены системой оплаты труда, чем остальные участники опроса. Возможно, это связано с тем, что эта группа респондентов непосредственно участвует в установлении системы оплаты труда в своих организациях (через коллективный договор или через процедуру учета мнения выборного профсоюзного органа). Поэтому систему оплаты труда выборные профсоюзные работники и активисты в какой-то мере рассматривают как «плоды собственных усилий», отсюда и более благожелательное к ней отношение. Примерно так же оценивают систему оплаты труда и представители администрации: среди руководителей разного уровня полную удовлетворенность этим аспектом социально-трудовых отношений высказали 31,2% респондентов.

Режим труда и отдыха

Этот аспект труда в целом устраивает большинство опрошенных. Как и в случае с системой оплаты труда, режим труда и отдыха полностью устраивает выборных профсоюзных работников и активистов первичных организаций в большей степени (49%), нежели рядовых членов профсоюза (33,7%) и работников, не состоящих в профсоюзе (35%). Чаще всего полную или частичную не-

удовлетворенность режимом труда и отдыха высказывали рабочие (46,2%), в то время как у ИТР, специалистов (33,2%), у руководителей разного уровня (25,7%) этот показатель заметно ниже. Можно предположить, что причиной недовольства рабочих являются неудобные графики сменности.

При анализе полученных данных по отраслевому признаку, можно увидеть, что максимальное недовольство режимом труда и отдыха испытывают работники образования (55,3% ответов «нет» и «скорее нет, чем да»). Это выглядит парадоксально, с учетом того, что для педагогических работников законодательством установлена сокращенная продолжительность рабочего времени и удлиненный ежегодный отпуск. Скорее всего, в основе негативных настроений работников образования лежит усталость от дополнительной учебной нагрузки, которую им приходится брать ради увеличения своего заработка, а также недовольство, которое они испытывают в отношении не всегда удачно составленного расписания занятий.

Безопасность труда

Безопасность труда на сегодняшний день представляет собой наиболее «безупречный» аспект труда в организациях. Больше всего состояние дел с безопасностью труда устраивает следующие группы респондентов: женщин (45,3% среди них выбрали ответ «да», в то время как среди мужчин 32,8%), ИТР, специалистов (46,3% ответов «да»). Полную или частичную неудовлетворенность безопасностью труда чаще других высказывали рабочие (41,7% ответов «нет» и «скорее нет, чем да»), в то время как ИТР, специалистами (22,5%), руководителями разного уровня (21,1%) такие суждения высказывались заметно реже.

Социальные льготы

Социальные льготы, которые организации предоставляют своим работникам, вызывают у них неоднозначную оценку. Женщины, например, предъявляют к содержанию и объему социальных льгот большие требования, чем мужчины, поэтому они чаще сообщали о недовольстве (27,6% ответов «нет» по сравнению с 18% у мужчин).

Максимальную удовлетворенность социальными льготами продемонстрировала молодежь в возрасте до 30 лет (61,4% ответов «да» и «скорее да, чем нет»). Скорее всего это связано с тем, что у молодежи, в отличие от старших по возрасту групп респондентов, нет возможности сравнивать объем и содержание льгот во времени (а такое сравнение, в большинстве случаев, явно не в пользу сегодняшнего дня). Чаще других удовлетворенность предоставляемыми им социальными льготами высказывали железнодорожники (66,7% ответов «да» и «скорее да, чем нет»), а неудовлетворенность — работники образования (73,2% ответов «нет» и «скорее нет, чем да»).

Психологический климат в коллективе

Этот аспект трудовых отношений в большей или меньшей мере устраивает большинство участников опроса. Интересно, что различий между разными группами респондентов в понимании психологического климата в коллективе практически нет. Можно лишь отметить, что максимально он устраивает работников, недавно пришедших в данную организацию, — со стажем до одного года (53,9% ответов «да» и 38,5% «скорее да, чем нет»), молодежь (46,8 и 33%) и лиц в возрасте старше 60 лет (48,7 и 24,3%), работников здравоохранения (48,7 и 28,4% соответственно).

Самой распространенной формой социальной поддержки работников является предоставление материальной помощи, вручение подарков, премий к юбилейным и памятным датам, отмеченное большинством респондентов. Достаточно распространенным явлением можно считать предоставление ежегодных дополнительных отпусков и отпусков в связи с особыми событиями в жизни работника, дополнительное медицинское страхование работников. А вот полная или частичная оплата обучения, кредитование и ссуды работникам практикуются довольно редко. В дополнительных ответах респондентами были названы: «*Детский отдых*», «*Санаторное лечение*», «*Ипотека на приобретение жилья*», «*Страхование*», «*Выделение автотранспорта за 50%*», «*Бесплатные билеты (проезды)*», «*Неполный рабочий день*», «*Оплата экскурсий*» и др.

Наиболее незащищенными в сфере социально-трудовых отношений чувствуют себя работники старше 60 лет. Они чаще

других заявляли о возникновении проблем социально-трудового характера. Наоборот, респонденты в возрасте до 30 лет в большинстве своем предпочли ответ «редко» (50,5%). Это связано, видимо, что молодые люди не придают особого значения многим проблемам, возникающим на рабочем месте, а в случае их обострения легко могут сменить работу.

Самая серьезная проблема, с которой сталкиваются работники — это *оплата труда*. В максимальной мере эта проблема волнует рабочих (60,6%) и работников здравоохранения (68%). На втором месте по значимости — «режим труда, предоставление отпуска», на третьем и четвертом — «организация труда» и «предоставление социальных льгот и гарантий» (таблица 1).

Важно подчеркнуть, что выборные профсоюзные работники и активисты в 1,5–2 раза чаще, чем остальные участники опроса, сталкиваются с проблемами режима труда, предоставления отпусков, охраны труда, соблюдения техники безопасности, предоставления социальных льгот и гарантий. Это показывает, на каких направлениях регулирования социально-трудовых отношений сосредоточено в настоящее время внимание профсоюзных представителей. В то же время работники, не состоящие в профсоюзе, в три раза чаще, чем их коллеги — члены профсоюза, сталкиваются с проблемой конфликтов на рабочем месте. Это свидетельствует о том, что *деятельность профсоюзных организаций по предотвращению и разрешению социально-трудовых конфликтов приносит свои реальные плоды*.

Таблица 1

Основные социально-трудовые проблемы работников

Социально-трудовые проблемы	%
оплата труда	48,9
режим труда, предоставление отпуска	28,6
организация труда	25,6
предоставление социальных льгот и гарантий	25,4
устаревшее оборудование и технологии	18,3
конфликты с администрацией (начальством)	16,9
охрана труда, соблюдение техники безопасности	16,8
конфликты с коллегами, с другими подразделениями организации	6,3
другое	4,1

Осведомленность работников о содержании коллективного договора

Для выяснения современного состояния отношений социального партнерства в организациях Москвы в ходе исследования выяснялись вопросы, связанные с осведомленностью работников о содержании коллективного договора; с их мнением о роли коллективного договора в защите интересов наемных работников; с оценкой работниками уровня выполнения работодателем обязательств по коллективному договору и др.

Как показал опрос, 94% выборных профсоюзных работников и активистов, 81,4% членов профсоюза и 46,3% работников, не состоящих в профсоюзе, хорошо знают содержание коллективного договора или знакомы с его отдельными положениями. Заметное невооруженным глазом различие (почти в два раза!) в осведомленности членов профсоюза и работников, в нем не состоящих, отчетливо показывает роль первичных профсоюзных организаций как представителей работников в отношениях социального партнерства. Женщины интересуются содержанием коллективного договора несколько больше, чем мужчины (36% женщин сообщили, что хорошо с ним знакомы, в то время как среди мужчин такой ответ выбрали 29,6%).

Исследование зафиксировало недопустимо высокий уровень незнания рабочими и молодежью содержания коллективного договора. Каждый третий рабочий и каждый четвертый респондент в возрасте до 30 лет сообщили, что знают о существовании в организации коллективного договора, но не знакомы с его содержанием. Этот факт заслуживает особого внимания. Очевидно, что профсоюзным организациям города необходимо предпринять дополнительные усилия для разъяснения рабочим и молодежи правового и социально-экономического значения коллективного договора и ознакомления их с этим документом.

Мнение работников о роли коллективного договора в защите их интересов

Большинство выборных профсоюзных работников и активистов, рядовых членов профсоюза отмечают значение коллектив-

ного договора в защите их интересов. В то же время довольно большое число работников, не состоящих в профсоюзе, считают, что оплата и условия труда были бы не хуже и без коллективного договора (41,5%). Как показывают исследования, проводившиеся в последние годы кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова по теме мотивации профсоюзного членства, уверенность в собственных возможностях защитить свои интересы — немаловажная причина отказа от участия в профсоюзе. Причины подобного отношения следует объяснять не только непониманием и незнанием роли профсоюзов в деле защиты прав и интересов работников, но и недостаточно эффективной и результативной работой профсоюзных организаций, тем, что слова у них не всегда подкрепляются делами.

Оценка выполнения работодателем обязательств по коллективному договору

Большинство участников оказались единодушны во мнении, что обязательства работодателей по коллективному договору выполняются лишь частично. Особенно часто это мнение высказывали респонденты — муниципальные работники (81%). Следует обратить внимание на тот факт, что существует заметный разрыв во мнениях выборных профсоюзных работников и активистов, рядовых членов профсоюза и работников, в нем не состоящих. О том, что коллективный договор выполняется полностью, сообщили 45,5% выборных профсоюзных работников и активистов, 32,8% членов профсоюза и 17,1% работников, в нем не состоящих. А между тем все они работают в одних и тех же организациях. Следовательно, причину стоит искать в неэффективной системе информирования о ходе контроля над выполнением коллективного договора. Судя по всему, эта информация распространяется в основном среди профсоюзного актива и представителей администрации. В подтверждение этого предположения приведем следующие факты: о полном выполнении коллективного договора в ходе опроса сообщили 44% руководителей, 36,3% ИТР и специалистов и 15,9% рабочих.

К вопросу о деятельности профсоюзов

Исследование выявило довольно *высокий мобилизационный потенциал* профсоюзов. 72,3% выборных профсоюзных работников и активистов, 48,5% членов профсоюза и даже 14,6% работников, не состоящих в профсоюзе, безоговорочно заявили о своей готовности участвовать в акциях протеста, солидарных действиях профсоюза. Особенно часто так отвечали железнодорожники (64,8%) и работники образования (57%). Наиболее активно выражали готовность участвовать в коллективных действиях следующие группы респондентов: женщины (53,1%, в то время как среди мужчин этот ответ выбрали 44%), лица с высшим образованием (63%), руководители разного уровня (61,5%). Последний результат свидетельствует о том, что руководители не видят в коллективных акциях протеста что-то направленное во внутреннюю среду организации (против работодателя и его представителей), а в основном рассматривают их как направленные во внешнюю среду (против властей и вышестоящих хозяйственных структур).

Большинство руководителей разного уровня (61,5%) и ИТР, специалистов (52,1%), выразили полную готовность участвовать в акциях протеста и в солидарных действиях профсоюза, а в то время как наибольший процент отказа от них зафиксирован среди рабочих (16,7%). Из этого можно сделать вывод, что изменяется парадигма активности профсоюзного членства. Если раньше опорой профсоюзного движения был рабочий класс, наименее обеспеченные и образованные слои населения, то в современной ситуации наиболее активно готовы защищать свои права более образованные работники, занимающие средние позиции в производственной иерархии — руководители среднего и низового звена, инженерно-технические работники и специалисты.

В то же время исследование показало низкую осведомленность молодых работников о предназначении и возможностях профсоюза, а также недостаточно активную информационную работу профсоюзных организаций. Необходимы большие усилия для формирования имиджа профсоюзной организации, повышения ее авторитета как реального и действенного защитника интересов и прав работников. В этом смысле важнейшей задачей профсоюз-

ных организаций в современных условиях становится не только работа над внутренней формой своей деятельности, но и над ее внешней формой — имиджем организации.

Заключение

1. Анализ состояния социально-трудовых отношений показал, что в наибольшей степени наемных работников удовлетворяют безопасность труда, психологический климат в коллективе, а также применяемый в организациях Москвы режим труда и отдыха. В то же время наблюдается неудовлетворенность работников размером заработной платы. В максимальной степени ей недовольны: 1) работники образования, 2) молодежь, 3) рабочие, 4) работники, проработавшие в организации 10 и более лет.

2. В большинстве организаций применяются условия труда и социальные гарантии, улучшающие положение работников. Самой распространенной формой социальной поддержки работников является предоставление материальной помощи, вручение подарков и премий к юбилейным и памятным датам. Основная масса социально-трудовых гарантий, применяемых в организациях, распространяется на всех работников. Однако такие гарантии как дополнительное медицинское страхование, полная или частичная оплата обучения в большей мере предназначены для руководителей, что вызывает недовольство рядовых работников, многие из которых не удовлетворены объемом предоставляемых социальных льгот и гарантий и ожидают от профсоюзной организации действий по его расширению.

3. Основная масса работников трудится в относительно спокойной обстановке, сталкиваясь с теми или иными социально-трудовыми проблемами время от времени («иногда») или достаточно редко. Борьба за достойную заработную плату — это главное, чего они ждут в настоящее время от профсоюзов. Исследование показало, что 72,3% выборных профсоюзных работников и активистов, 48,5% членов профсоюза и даже 14,6% работников, не состоящих в профсоюзе, готовы участвовать в акциях протеста, солидарных действиях профсоюза.

4. Исследованием отмечена повышенная обеспокоенность железнодорожников — вопросами режима труда, предоставления отпуска, организации труда, охраны труда, соблюдения техники безопасности; медиков — конфликтами с администрацией, устаревшим оборудованием и технологиями; строителей — предоставлением социальных льгот и гарантий.

5. Выборные профсоюзные работники и активисты в 1,5–2 раза чаще, чем остальные участники опроса, сталкиваются с проблемами соблюдения режима труда, оформления отпусков, охраны труда и соблюдения техники безопасности, предоставления социальных льгот и гарантий. Это показывает, на каких направлениях регулирования социально-трудовых отношений сосредоточено в настоящее время внимание профсоюзных представителей.

6. Как показал опрос, 94% выборных профсоюзных работников и активистов, 81,4% членов профсоюза и 46,3% работников, не состоящих в профсоюзе, хорошо знают содержание коллективного договора или знакомы с его отдельными положениями. Столь заметное различие в осведомленности членов профсоюза и работников, в нем не состоящих, отчетливо показывает роль первичных профсоюзных организаций как представителей работников в отношениях социального партнерства.

7. Выборные профсоюзные работники и активисты, рядовые члены профсоюза в большинстве своем отмечают значение коллективного договора в защите их интересов. Однако для рабочих характерно довольно скептическое отношение к этому вопросу, что свидетельствует о необходимости адресной работы с рабочими, разъяснения им сущности социального партнерства и важности его инструментов — коллективных договоров и соглашений. В то же время необходимо отметить, что источник негативных оценок роли коллективного договора следует искать не только в низкой информированности работников, но и в том факте, что обязательства работодателей по коллективному договору в большинстве случаев выполняются лишь частично.

8. Опрос работников показал, что наиболее распространенными формами контроля на уровне организации в настоящее время

являются: работа комиссии по контролю над выполнением коллективного договора; проведение (один или два раза в год) конференций (собраний) по контролю над выполнением коллективного договора; отчеты на профсоюзном собрании (конференции); отчеты на совместных заседаниях администрации и профкома; ознакомление работников с письменным отчетом о выполнении коллективного договора.

9. Большинство выборных профсоюзных работников и активистов, равно как и рядовые члены профсоюза, не вполне знакомы со своими трудовыми правами, установленными законодательством. Хуже всех знают свои трудовые права представители рабочих специальностей. Полученные данные свидетельствуют о невысоком уровне правосознания и правовой культуры работников. Преодолеть этот недостаток поможет организация в самых широких масштабах «правового ликбеза» для членов профсоюза и всех заинтересованных работников, тем более что в настоящее время существует серьезный информационный повод для проведения лекций и бесед в организациях — состоявшееся внесение изменений и дополнений в Трудовой кодекс РФ [Трудовой кодекс..., 2001].

10. Большинство работников, состоящих в профсоюзе, обращались для решения возникавших у них проблем в профком и оказались довольны полученной помощью. Наименьший опыт взаимодействия с выборными профсоюзными органами отмечается у молодежи. Это может свидетельствовать, во-первых, о незнании многими молодыми людьми предназначения и возможностей профсоюза, и, во-вторых, о недостаточно активной информационной работе профсоюзных организаций, слабом использовании примеров о действенности помощи, ранее оказанной другим работникам.

При этом роль профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений и развитии социального партнерства в Москве повышается, несмотря на существование ряда проблем, связанных, прежде всего, со слабой информированностью части работников, их недостаточной вовлеченностью в коллективно-договорную компанию, а также с неразвитостью эффективных механизмов контроля над выполнением коллективного договора.

Библиографический список

- Клементьев Д. С., Корнилович В. А., Малышев М. А.* Формы социальной организации участия граждан в принятии государственных решений // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2016. № 59. С. 113–130.
- Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / [П. А. Цыганков и др.]; отв. ред. П. А. Цыганков. М.: Альфа-М, Инфра-М, 2008. 320 с.
- Пашков А. В.* Европейская социальная политика. Киев: Глобус. 1999. 132 с.
- Совместимы ли социальные модели России и ЕС? [Текст]: дискуссии / комитет «Россия в объединенной Европе». М.: Пробел-2000, 2005. 44 с.
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [веб-сайт] / URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.07.2017).

**Актуальные проблемы современного
школьного образования
(по материалам российской и американской
периодической печати)**

Введение

Процессы глобализации находят свое выражение в различных аспектах, в том числе и в изменениях образовательных систем. Интенсивная интеграция российского образования в международное образовательное пространство и стремление российской молодежи проходить обучение и стажировки за рубежом (по данным ЮНЕСКО в 2015 г. насчитывалось 55 тыс. учебных мигрантов из России, что составляет 55% от общей молодежной миграции [Численность и миграция..., 2015]) порождают необходимость анализа состояния системы российского школьного образования.

Образовательные миграции США также достаточно высоки (67,2 тыс. человек), но происходят в основном внутри страны [Outbound..., 2016]. США является одним из основных регионов-реципиентов для студентов Европы и России, в то время как Россия является реципиентом для стран бывшего Советского Союза. Между тем, по международным показателям школьное образование в США и России находится на одном уровне. Поэтому необходим сравнительный анализ проблем американского и российского школьного образования. Такой анализ позволит выявить

---

* Шульгина Наталья Витальевна, студентка 4 курса кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета Дубна. nataliavitshu@mail.ru.

имеющийся блок проблемных полей, выделить общее и особенное в образовательных системах, что, в свою очередь, позволит зафиксировать новые тенденции в российском образовании. Поскольку публикаций на эту тему множество и они разного уровня и качества, то необходимо выйти на более объемный массив данных, получить который и изучить можно с помощью контент-анализа публикаций академических журналов.

Обзор исследований

В отечественной и зарубежной социологии выделяется значительный пласт проблем школьного образования (социальная дифференциация, финансирование, нарушенная коммуникация, мотивационный аспект образования, снижение качества школьного образования). Так, специалист по американскому образованию Патриция Грэм в работе «Америка за школьной партией. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации» дает очень подробный анализ изменения школьного образования в Америке за весь период XX в. [Грэм, 2011]. Автор обращает внимание на политическую ситуацию в каждый конкретный период истории страны и на реакцию общества, вызванную реформами системы образования. Помимо указанных проблем, автор выделяет и значимые повороты в истории реформ образования в Америке.

При этом авторы стремятся к некоторому упорядочиванию проблем. В этом плане наиболее содержательной представляется классификация В. Р. Шмидта, предполагающая разделение на макро- мезо- и микроструктурные уровни и исходящая из предпосылки отношений между субъектами (макроуровень — проблемы, связанные с экономикой, политикой и правом; мезоструктурный, связанный с коммуникацией, идеологией и школой как микросообществом; микроуровень касается отношений людей к социальному феномену) [Шмидт, 2006]. Такое разделение проблем по уровням позволяет избежать редукации в ту или иную сторону и в полном объеме отразить взаимосвязь образования и других социальных институтов.

Анализ блока эмпирико-прикладных исследований дал представление об основных используемых методах в данной сфере

(анкетирование, экспресс-опросы) [Бекиров, 2016], а также позволил выявить ключевые проблемные области (отношение к экзаменам: ЕГЭ и Common Core, текучесть педагогических кадров). Преимущество метода контент-анализа материалов периодической печати заключается в том, что он позволяет проанализировать большой массив данных, выделив динамику проблемных полей, учитывая, что периодические издания быстрее реагируют на возникающие проблемы. Например, особенностью отечественных публикаций является их проблемная унификация (одна публикация — один блок проблем). Кроме того, контент-анализ минимизирует субъективную составляющую в исследовании.

Методы и организация исследования

При исследовании проблем современного школьного образования РФ и США в качестве основного метода использовался контент-анализ периодической печати российского и американского научных сообществ, который позволил выявить качество и степень осмысления проблематики школьного образования именно исследовательским сообществом. Журналы отбирались исходя из рекомендаций экспертов. Американские издания отбирались как аналоговые российским по профилю исследовательского интереса. В мониторинг вошла информация, связанная с проблемами школьного образования, которая была опубликована с января 2012 г. по март (включительно) 2017 г. Временной период обоснован вступлением в силу Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» [Федеральный закон..., 2016] и принятия ФГОС, в связи с чем представляется возможным проследить динамику проблемных полей. Выборка статей осуществлялась строго по схемам: российский журнал = российский автор = проблемы российского школьного образования и американский журнал = американский автор = проблемы американского школьного образования.

На первом этапе был проведен качественно-количественный контент-анализ статей за 2016 г., который был необходим не только для доработки словаря маркеров, категорий анализа, но и для получения более детального сравнения проблем двух образова-

тельных систем за текущий период и углубленного анализа проблем школы. Второй этап — количественный анализ журналов за 2012—2017 гг., в ходе которого была получена динамика проблемного поля на различных уровнях за указанный период.

Результаты исследования

Контент-анализ публикаций за 2012—2017 гг. в российских журналах «Социологические исследования», «Вопросы образования», «Педагогика» показал наличие в российском школьном образовании следующих проблем: социальная дифференциация школьников, которая формируется исходя из социально-экономического положения их семей; проблема стандартизации (введение ФГОС, общественная и профессиональная неготовность к ним); проблемы коммуникации как межличностной, так и межинституциональной; проблемы мотивации учащихся на получение новых знаний, а также учителей на качественное выполнение профессиональных обязанностей; проблема качества образования, вызванная недовольством введения ЕГЭ.

Американскому школьному образованию по материалам публикаций в журналах «American Journal of Education», «Sociology of Education» и «Schools: Studies in Education» за 2012—2017 гг. присущи следующие проблемы: социальная дифференциация (развивающаяся на почве расовой и этнической дискриминации); стандартизация (стремление к унификации, но не централизации образовательных программ); неэффективная коммуникация (трудности взаимодействия агентов образовательной системы; проблема влияния межличностной коммуникации в школе на здоровье детей); отсутствие мотивации как среди учеников, так и среди учителей; проблемы подготовки педагогических кадров. Необходимо отметить, что проблемы влияния межличностной коммуникации в школе на здоровье детей показал именно контент-анализ, так как в теоретическом блоке она не нашла отражения, равно как и проблема психологического комфорта учащихся.

Сравнительный анализ проблем школьного образования в России и США показал наличие совпадений. В качестве общих проблем

выделяются проблемы доступа к образованию, его стандартизация, снижение качества обучения, проблемы коммуникации между структурами. Однако указанные проблемы различаются по ракурсу рассмотрения. Например, неравный доступ и качество образования в России обусловлены экономическим положением семьи, в США — расовой и национальной принадлежностью; в России проблема стандартизации высвечивается в ходе проводимых реформ, в США — только обсуждается необходимость стандартизации. Можно отметить и особенность контекста проблематики изучения школы: в США акцент ставится на эмоционально-психологическом состоянии субъектов: учителей, учеников; в России — акцент на дисфункциях института образования.

Заключение

По материалам контент-анализа российских и зарубежных академических журналов были получены характеристики проблем школьного образования, распределенные по макро-, мезо- и микро-уровням.

Для российской и американской школ характерно преобладание проблем макроструктурного уровня (требующих разрешения со стороны государства) [Кузьминов и др., 2011; Фруммин, Каспржак, 2012], среди которых главная — социальная дифференциация. Основания социальной дифференциации в российской и американской школах различны (экономическое положение семьи и национальная принадлежность ученика соответственно). Но если для Америки социальная дифференциация является абсолютно лидирующей проблемой, то в России наблюдается рост внимания к проблемам стандартизации.

Проблемы мезоструктурного уровня одинаковы для российской и американской школы по содержанию, но их количественное представление различается. Наиболее распространенными в обеих системах являются проблемы коммуникации (причем как внутренней, так и внешней). Кроме того, в российских изданиях выделяют проблемы, связанные с падением авторитета и престижа учителей и школы (такие публикации занимают значительный массив данных), что не так характерно для школ США.

Проблемы микроструктурного уровня представлены в меньшей степени, чем проблемы макро- и мезоуровней. В российской периодике данным проблемам слабо уделяется внимание (9%), тогда как в журналах США — 16% (хотя проблемам мезоуровня отведено почти такое же внимание — 21%). Среди микроструктурных проблем доминирует не столько снижение качества образования, сколько падение мотивации на обучение и на выполнение профессиональных обязанностей. Отмечается тенденция снижения интереса к проблемам мезоструктурного уровня, их вытесняют проблемы микроструктурного уровня.

Можно сделать вывод не только о содержательном совпадении проблемных полей российского и американского школьного образования, но и о различной остроте представления этих проблем (например, расовый вопрос, вопрос о введении ФГОСов). Контент-анализ показал общий объем информации по проблемам школьного образования и динамику рассмотрения этих проблем. В российской периодической печати на 2013 г. приходится пик публикаций по макроструктурным проблемам (в целом внимание к ним достаточно неравномерное). В 2015 г. происходит резкое увеличение публикаций, касающихся мезоструктурных вопросов (на фоне постоянного снижения внимания к ним). В 2016 г. наблюдается пик публикаций по микроструктурным проблемам, которые до этого времени фактически не были представлены. В свою очередь в публикациях американских изданий наблюдается высокая представленность макроструктурных вопросов. Если же говорить о мезоуровневых проблемах, то их пик в прессе зафиксирован в 2012 г. (затем внимание к ним несколько спало, в то время внимание к проблемам микроуровня стало набирать обороты).

Возможности контент-анализа материалов публикаций российских и американских академических изданий для изучения проблем школьного образования весьма широкие. Пилотное исследование показало необходимость проведения качественного контент-анализа для поиска дополнительных маркеров исследования и для выявления глубины рассмотрения проблемы в периодике. Исследование показало не только возможности контент-анализа при изучении проблем школьного образования (возмож-

ность отслеживания динамики и остроты проблематики), но и раскрыло его ограничения:

- недостаточное рассмотрение всех уровней проблем школьного образования;
- количественный контент-анализ не позволяет получить глубокую картину проблемы, ее содержания, а дает лишь общую информацию о представленности тех или иных проблем, то есть позволяет говорить о частоте внимания к ним, но не о качестве этого внимания.

Контент-анализ позволяет получить маркеры, характеризующие проблему с иного фокуса, отличающегося от сформированного в профессиональном сообществе. Таким образом, может быть сформирован новый исследовательский ракурс, что позволит расширить спектр знания о проблемах школьного образования. Более того, он способствует установлению взаимосвязей между проблемами вне зависимости от уровня их рассмотрения. Контент-анализ материалов периодической печати академических журналов РФ и США позволил выявить сходство проблемных полей в российском и американском школьном образовании. Полученные данные могут быть полезны при определении вектора реформирования отечественной школы, поскольку ориентир на западные образцы может быть смещен в свете выявленного сходства некоторых проблем.

Библиографический список

- Бекиров С. Н.* Социологические методы исследования состояния образовательного процесса // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53–1. С. 51–57.
- Грэм П. А.* Америка за школьной партией. Как средние школы отвечают меняющимся потребностям нации / Пер. с англ. С. Я. Карпа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 288 с.
- Кузьминов Я. И., Фрумлин И. Д., Захаров А. Б.* Российская школа: альтернатива модернизации сверху // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 5–54.
- Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации»: офиц. текст. [Электронный

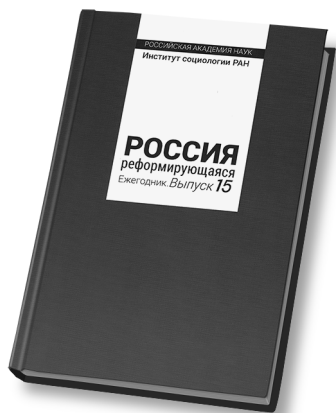
- ресурс] // Закон об образовании РФ. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 17.02.2017).
- Фрумин И. Д., Каспржак А. Г.* Развитие сферы образования и социализации в Российской Федерации в среднесрочной перспективе // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 6–58.
- Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики: [веб-сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 17.01.2017).
- Шмидт В. Р.* Социальная эксклюзия и инклюзия в образовании. М.: МВШСЭН, 2006. 191 с.
- Outbound internationally mobile students by host region [Электронный ресурс] // UNESCO Institute for Statistics. 2016. URL: <http://uis.unesco.org/indicator/edu-mobility-out-out> (дата обращения: 17.01.2017).

Сведения об авторах

- Андреева Анастасия Александровна** — студентка 4 курса департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). nastiaandr1771@gmail.com.
- Аникина Ксения Игоревна** — магистр социологии, аналитик-социолог Института социального маркетинга. azhevskaya@yandex.ru.
- Артамонова Алена Вячеславовна** — магистр социологии, участник Научно-учебной группы «Модели и методы анализа демографических последовательностей» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). alyona89152694371@yandex.ru.
- Вовченко Екатерина Алексеевна** — студентка социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. ekavov@gmail.com.
- Гурин Константин Евгеньевич** — независимый исследователь. rekonchik@mail.ru.
- Гусейнова Ксения Эльдаровна** — аспирант, младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. liksedar@mail.ru.
- Дурнов Алексей Вячеславович** — руководитель исследовательских проектов Аналитического центра «НАФИ». a.v.durnov@gmail.com.
- Еремеева Карина Сергеевна** — Еремеева Карина Сергеевна, студент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). karryfox5555@gmail.com.
- Кавеева Аделя Динаровна** — ассистент кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета. adele.kaveeva@mail.ru.
- Каравай Анастасия Вадимовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. karavayav@yandex.ru.
- Коленикова Нина Дмитриевна** — аспирантка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», аналитик практики анализа социальной политики Всероссийского центра изучения общественного мнения. kolennikova-nina@mail.ru.
- Малышев Максим Алексеевич** — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультет государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Malishev@spa.msu.ru.
- Маракасова Анастасия Андреевна** — магистрант отделения «Социология» Новосибирского национального исследовательского государственного университета. nandini_ma@mail.ru.

- Мастикова Наталья Сергеевна** — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. navog@bk.ru.
- Митрофанова Екатерина Сергеевна** — магистр социологии, младший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ, преподаватель кафедры демографии НИУ ВШЭ, соруководитель научно-учебной группы «Модели и методы анализа демографических последовательностей» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). mitrofanovy@yandex.ru.
- Михайлова Оксана Рудольфовна** — студент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа. oxanamikhailova@gmail.com.
- Пироцкая Анастасия Владимировна** — ассистент кафедры общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета. a.pirotskaya@mail.ru.
- Полухина Елизавета Валерьевна** — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), доцент социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. epolukhnina@hse.ru.
- Раднаева Арюна Витальевна** — магистрант отделения «Социология» Новосибирского национального исследовательского государственного университета. aryuna.radnaeva.95@gmail.com.
- Стрельникова Анна Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент Государственного академического университета гуманитарных наук. astrelnikova@hse.ru.
- Сушко Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, участник Научно-учебной группы «Модели и методы анализа демографических последовательностей» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). sushkope@mail.ru.
- Чудова Ирина Александровна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета. dauza@mail.ru.
- Шатрова Елена Александровна** — студентка социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. elenashatrova0@gmail.com.
- Шелепина Виктория Борисовна** — студент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). shelepinav@gmail.com.
- Шульгина Наталья Витальевна** — студентка 4 курса кафедры социологии и гуманитарных наук Государственного университета Дубна. nataliavitshu@mail.ru.

Издания ФНИСЦ РАН, вышедшие в 2017 г.

Ежегодник. Россия реформирующаяся. Выпуск 15. — М.: Новый Хронограф, 2017. — 598 с.

Очередной, пятнадцатый выпуск Ежегодника Института социологии РАН посвящен анализу положения, проблем и жизнедеятельности молодежи в современной России. Тема — значимая во все времена, но особую актуальность она приобретает сегодня, в период затянувшегося экономического кризиса, осложняющего в первую очередь жизнь рассматриваемой социальной группы; во время набирающей обороты международной политической напряженности, результатом которой, в числе многого другого, становится борьба за умонастроения молодых; на этапе бурного развития информационных технологий, осваиваемых молодыми людьми в полной мере и до такой степени, что информационное пространство становится их непосредственной средой обитания, в отличие от старших поколений. В данном издании проведен анализ молодежи как социальной группы практически во всей многоаспектности этого предмета исследования — начиная от проблем занятости и заканчивая ценностями, стратегиями и поведением конкретных молодежных групп.

Книга адресована широкому кругу специалистов и экспертов — аналитиков в области социологии образования, философам, политологам, преподавателям, а также аспирантам и студентам, всем, интересующимся социальными реалиями современной России.

Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М.: Весь Мир, 2017. — 416 с.

В книге подведены итоги реализованного в 2014–2016 гг. социологического мегапроекта, эмпирической базой которого стали пять «волн» общенациональных исследований, проведенных в режиме мониторинга. Приведен сопоставительный анализ данных, характеризующих в контексте различных общественных ситуаций состояние и динамику массового сознания и поведения россиян в условиях кризиса. Выделяются ситуативные, динамичные и базисные, устойчивые внутренние и внешние факторы жизнестойкости российского социума с учетом реального социально-экономического, политического, социокультурного и этнорелигиозного контекстов. Для социологов, политологов, философов, экономистов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

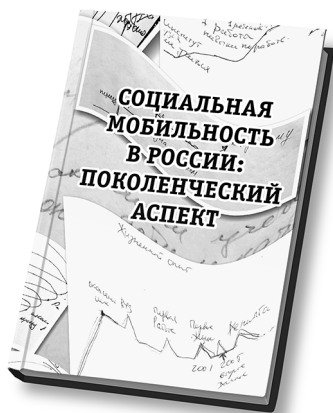

Социальное пространство российских регионов. М.: Институт социологии РАН, 2017. — 256 с.

Коллективная монография «Социальное пространство российских регионов» посвящена анализу одной из сложнейших проблем — всесторонней динамике современного российского общества, тех трансформационных процессов, которые имеют как интеграционную, так и дезинтеграционную природу. В значительной степени это касается перестройки общества на рыночные отношения, меняющих характер занятости населения, все сферы трудовых отношений, положение классов, социальных групп, слоев и т. д. Эти изменения затрагивают как страну в целом, так и каждый отдельный регион в частности. Особая научная значимость подготовленного к изданию труда заключается в анализе этих процессов в региональном аспекте. Все это дает возможность оценить реальное состояние и масштабы изменений социальной структуры, которые уже произошли и происходят в настоящее время. Большое внимание уделено базовому концепту, который определяет специфику регионального развития — рынку труда. Следует также отметить содержательную информационную базу представленных материалов: анализ результатов оригинальных и вторичных региональных исследований, данных Росстата общероссийского и регионального характера.

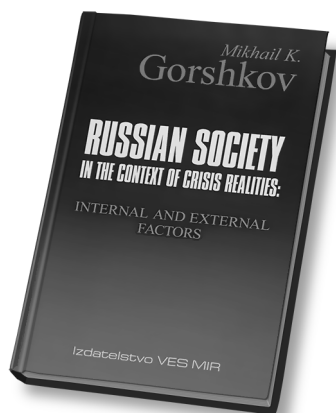
Книга адресована широкому кругу читателей, но особенно интересна она исследователям в области социологии, политологии и регионоведения.

Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / [А. В. Ваньке и др.]; отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. Институт социологии РАН. — Москва: Институт социологии РАН, 2017. — 384 с.

Монография содержит результаты комплексного исследования межпоколенной социальной мобильности в России с XX в. по XXI в., которая изучается в динамике, что позволяет авторам проследить трансформацию социальной структуры российского общества на протяжении столетия и оценить возможности для социального восхождения различных групп населения. На основе теоретического и эмпирического анализа в монографии предложены новые способы концептуализации процесса социальной мобильности, учитывающие разные измерения социальных и пространственных перемещений в исторической ретроспективе. В главах подробно излагаются особенности таких видов мобильности, как профессиональная, отраслевая, образовательная, территориальная, жилищная и субъективная, которые ранее не рассматривались социологами во взаимосвязи друг с другом.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (грант № 14-28-00217). Руководитель проекта — д. филос. наук З. Т. Голенкова

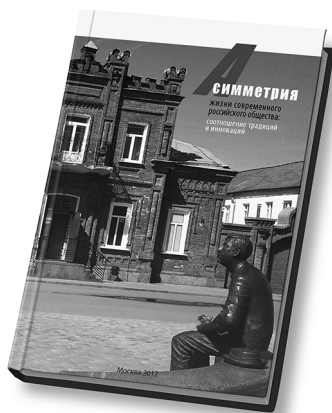

Gorshkov, Mikhail Konstantinovich. Russian Society in the Context of Crisis Realities: Internal and External Factors (Summaries of the Main Findings of the National Sociological Monitoring Survey) / Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Izdatelstvo VES MIR, 2017.

Директор Центра академик РАН М. К. Горшков опубликовал книгу «Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы» («Russian Society in the Context of Crisis Realities: Internal and External Factors (Summaries of the Main Findings of the National Sociological Monitoring Survey)»).

В книге дается анализ основных результатов и выводов общероссийского социологического мониторинга, проведенного в Институте социологии РАН в 2014–2016 гг.

Книга и подготовленный на её основе доклад были представлены участникам 13-ой Конференции Европейской социологической ассоциации, которая прошла в Афинах в период с 29 августа по 01 сентября 2017 г.

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография]. — М.: ФНИСЦ РАН, 2017. — 207 с.

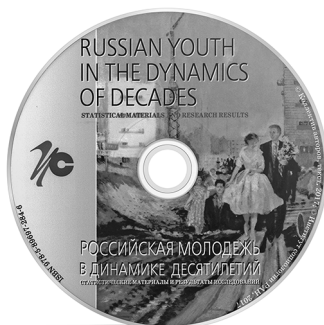
Монография содержит анализ данных, полученных авторами в ходе полевых исследований в 10 регионах России в 2014–17 гг. Показано, какие инновации возможны в России благодаря тому, что традиции оказываются способными их воспринять и адаптировать к доминирующей системе ценностей. На примерах традиций, поддерживаемых различными сообществами (местных жителей, профессионалов, педагогов и студентов, экологов, православных прихожан и т. п.), демонстрируется возможность их трансформации под воздействием инноваций, предлагаемых извне — из-за рубежа и исходящих от отечественной политической элиты. Также отмечается наличие охранительных тенденций, носителями которых является определенная часть обозначенных сообществ.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной ситуацией в России, ученым-обществоведам, студентам социологических и политологических факультетов.

США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX — начало XXI вв.) / Стrogанова Е. Д. — М.: Издательство «Весь Мир», 2017. — 288 с.

В работе исследуется роль США в социально-политических процессах, происходящих в латиноамериканских странах во второй половине XX — начале XXI века, получивших известность как «левый поворот». Главное внимание автор уделяет борьбе левых режимов за свою политическую, экономическую и социальную независимость от северного соседа. Рассматриваются успехи и поражения на этом пути, на которые большое влияние оказывают Соединенные Штаты. Для историков и политологов, студентов и преподавателей гуманитарных вузов, широкого круга латиноамериканистов и американистов, всех, интересующихся историей стран Латинской Америки и США.

Российская молодёжь в динамике десятилетий. Статистические материалы и результаты исследований: [монография] / [Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко и др.]. М.: IS RAS, 2017. — 167 p. + 1 CD-ROM

2013–2016 гг. исследователями из девяти стран был реализован международный проект “Youth in transition countries — innovative potential, new context, new challenges and new problems” (руководитель — проф. Кристина Шафранец, финансирование — Narodowe Centrum Nauki, Польша). Работа проводилась на основе вторичного анализа данных имеющихся исследований и статистических материалов. Каждая национальная исследовательская группа предоставила информацию о своей стране по шести тематическим блокам. Эти материалы обсуждались и дополнялись на совместных семинарах и итоговой конференции. Финальный труд, обобщающий материалы исследований и международной статистики “Me-Generation in Post-Collectivist Space. Dilemmas during the Time of Transition” будет опубликован в 2017 году в издательстве Peter Lang International Academic Publishers. В предлагаемой читателям монографии представлены материалы, подготовленные в ходе разработки российской части международного проекта. Отечественной команде удалось рассмотреть более широкий круг вопросов, нежели оказалось возможным при сопоставлении данных по странам в финальном труде проекта. Здесь содержатся статистические данные и результаты социологических исследований, представляющие российскую молодёжь в динамике последних десятилетий. Разделы книги охватывают разные темы: социально-экономические и культурные предпосылки трансформационных процессов, происходящих в стране; социализация молодёжи; социальные проблемы образования; вступление молодёжи в самостоятельную жизнь (труд и занятость, семья, потребление, досуг); установки и поведение молодёжи в общественной жизни; интеграция молодёжи в общество. Публикуемые материалы могут служить источником разнообразной информации о молодёжи в российском обществе и будут полезны для российских и зарубежных исследователей, а также широкому кругу читателей.

Провокация: социофилософские очерки. Монография / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. — М.: ЦСПиМ, 2017. — 336 с.

В российском дискурсе провокация, как правило, представляет собой отрицательно воспринимаемый феномен. По мнению авторов очерков, необходимо различать позитивную и негативную формы провокации. Все зависит от исследователя и ситуации, которую он оценивает. Авторы отходят от чисто негативной интерпретации провокации и раскрывают некоторые ее позитивные смыслы в социальной сфере: освобождение от догм и других форм давления. Однако когда объект провокации представляет собой серьезную опасность для окружающих, любую ее форму (позитивную, либо негативную) можно рассматривать как «меньшее зло». Оценка любой провокации — это не констатация факта и ценностное суждение, в основе которого лежит представление того или иного социума о норме. Значительная часть книги посвящена особенностям провокаций в различных сферах и уровнях жизни человеческого сообщества, а также формам их проявления. Для социологов, историков, юристов, специалистов иного профиля, аспирантов и студентов, которые могут использовать очерки как вспомогательный материал при изучении ряда дисциплин.

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В СОЦИОЛОГИИ

**Сборник материалов
конференции молодых ученых**

Верстка и оригинал-макет *В. Е. Кудымов*
Автор коллажа на обложке *А. Стрельникова*

Пописано в печать 04.10.2017. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 500 экземпляров. Заказ №

Отпечатано в типографии ГАРТ
Тел.: 8 (495) 730-96-05
105082, г. Москва, ул. Малая Почтовая, д. 12.

ISBN 978-5-89697-292-1

9 78 5896 972921